

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Алексеева Татьяна Сергеевна

Изображение человека как предмет преступления

Специальность 5.1.4. Уголовно-правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук,
доцент П.А. Филиппов

Москва – 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ И СИСТЕМЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	20
1.1. Понятие изображения человека	20
1.2. Понятие и особенности изображения человека как предмета преступления... <td>47</td>	47
1.3. Уголовно-правовая защита права на изображение	64
ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	94
2.1. Изображения интимные, эротические и порнографические	95
2.2. Изображения порочащие, позорящие и содержащие сведения, не соответствующие действительности.....	118
2.3. Изображения, содержащие сцены применения насилия.....	140
ГЛАВА 3. ДЕЙСТВИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЧЕЛОВЕКА	151
3.1. Действия, направленные на получение изображений человека.....	152
3.2. Действия с зафиксированными изображениями человека	175
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	198
БИБЛИОГРАФИЯ	202

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования предопределена многогранным значением изображения человека в современной культуре. С позиции философии предшествующее столетие характеризовалось т.н. «визуальным поворотом»: переосмыслением значения текста по сравнению с изображениями, новым подходом к искусству и художественным практикам¹. Визуальные образы, в том числе изображения человека, помещены в объемный пласт общественных отношений, связанных с моралью и нравственностью, культурой визуализации человека с позиций человеческого достоинства. Этические представления в данной сфере отражаются в правовом регулировании треш-стримов (за их блокировку в России, по данным ВЦИОМ, еще в 2021 году выступали более 85 % опрошенных)², действий с порнографическими изображениями, а равно действий, которые могут быть допустимы с точки зрения чувств верующих.

В то же время изображение человека связано не только с абстрактным образом человека, но и с правовым статусом личности, в первую очередь с конституционным правом на неприкосновенность частной жизни. Уязвимость данного права для нарушений повышается в связи с интенсивным развитием информационных технологий, все большим переходом межличностного общения в киберпространство³, увеличением способов изготовить достоверное изображение человека (подтверждение тому – генеративно-состязательные сети, специально разработанные для повышения качества генерируемых изображений)⁴.

¹ Воеводина Л.Н. Визуальный поворот и новые культурные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 3 (113). С. 100.

² Публикация на сайте «ВЦИОМ Новости» от 22.12.2021, «Треш-стримы» в интернете и как с ними бороться // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tresh-strimy-v-internete-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 25.05.2025).

³ Среди пользователей в возрасте от 16 до 34 лет социальное взаимодействие – первопричина для пользования сетью «Интернет», тогда как для пользователей старше 55 лет основные поводы для подключения к сети – поиск информации; общение только на третьей позиции среди причин. Digital 2025: Global Overview Report // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 27.05.2025).

⁴ Такой подход к машинному обучению предполагает параллельную работу двух нейронных сетей, одна из которых, сеть-дискриминатор, выступает в роли «человека»; ее задача

Психологические, криминологические исследования посвящены последствиям использования интимного облика человека. Хотя такие последствия разнообразны, для большинства потерпевших (по разным данным, от 60 до 70 %) характерно преобладание негативных эмоций: стыда, унижения, беспокойства, депрессии⁵. Появляется все больше мер противодействия распространению определенных фотографий: в частности, существуют специальные платформы, которые помогают технически удалить изображения из сети «Интернет»⁶.

Изображение человека является не только компонентом конституционного права, но и объектом отраслевого регулирования: и Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ)⁷, и Федеральным законом «О персональных данных» (далее – ФЗ о персональных данных)⁸. При этом противодействие незаконным действиям с изображениями человека осуществляется в том числе уголовно-правовыми средствами. Например, еще десятилетие назад С.В. Баринов обращал внимание на то, что «достаточно часто предметом преступного посягательства [имеется в виду преступного нарушения неприкосновенности частной жизни, предусмотренного ст. 137 Уголовного кодекса РФ⁹] становятся изображения, причем 69 % из них составляют фотографии, а 31 % – видеозаписи»¹⁰. Увеличивается количество

– определить, подлинное изображение или нет. В результате данного процесса обучения сеть-генератор должна создать настолько реалистичное изображение, чтобы сеть-генератор не смогла распознать его природу. См. подробнее: Pan Z., Yu W., Yi X., Khan A., Yuan F. and Zheng Y. Recent Progress on Generative Adversarial Networks (GANs): A Survey // IEEE Access. 2019. Vol. 7. Pp. 36322-36333. URL: <https://ieeexplore.ieee.org/document/8667290> (дата обращения: 30.05.2025).

⁵ См. подробнее о проведенных исследованиях: Umbach R., Henry N., Beard G. Prevalence and Impacts of Image-Based Sexual Abuse Victimization: A Multinational Study // CHI Conference on Human Factors in Computing Systems (CHI '25). April 26-May 1, 2025, Yokohama, Japan. ACM, New York, NY, USA, 20 pages. URL: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713545> (дата обращения: 30.05.2025).

⁶ Например, для фотографий и видео, сделанных до достижения 18 лет, существует такой сервис: URL: <https://takeitdown.ncmec.org/> (дата обращения: 25.05.2025).

⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 08.08.2024.

⁸ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп.) // Российская газета. 29.07.2006. № 165.

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954. Далее – УК РФ.

¹⁰ Баринов С.В. Преступные нарушения неприкосновенности частной жизни: особенности выявления и расследования: учебное пособие. Ульяновск, 2016. С. 66–67.

осужденных за нарушение неприкосновенности частной жизни: по ч. 1 ст. 137 УК РФ число осужденных по основной статье в 2016 году – 58 человек¹¹, в 2020 году – 163 человека¹², в 2024 году – 235 человек¹³. В то же время применяются нормы об ответственности за оборот порнографических материалов, клевету и другие преступления, в которых изображение может выступать признаком состава: в 2024 году по ст. 128¹ УК РФ осуждено 55 человек, по ст. 148 УК РФ – 33 человека, по ст. 242 УК РФ – 398 человек, по ст. 272 УК РФ – 267 человек¹⁴.

Актуальность темы подтверждается не только сложностями, возникающими при применении действующих уголовно-правовых норм, но и непрерывным совершенствованием законодательства и правоприменительных подходов. Приняты постановления Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод¹⁵, компьютерных преступлениях¹⁶. Развитие новых технологий и появление связанных с ними общественно опасных явлений порождают законодательные инициативы,

¹¹ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2016 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=3834> (дата обращения: 01.06.2025).

¹² Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2020 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 01.06.2025).

¹³ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2024 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 01.06.2025).

¹⁴ Там же. Приведены только числа осужденных по основной статье, с учетом статистики по всем частям каждой названной статьи.

¹⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

¹⁶ Постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. № 294. 28.12.2022.

направленные на противодействие дипфейкам¹⁷, треш-стримам¹⁸, незаконному использованию персональных данных¹⁹. Такие технологии, как генеративный искусственный интеллект, постепенно становятся объектом правового регулирования в разных странах; поскольку данные технологии являются приоритетным направлением экономического развития в России, вопрос защиты от их неправомерного использования также предстоит решать в ближайшем будущем. В данной области разумно ожидать предложений о внесении изменений в действующее законодательство, в том числе уголовное, а для такого регулирования актуальна и необходима соответствующая научная база.

Степень разработанности темы характеризуется тем, что на диссертационном и монографическом уровне не проводилось исследований, посвященных изображению человека как предмету преступления. В то же время в литературе рассмотрены и разрешены многие вопросы, связанные с проблемами уголовной ответственности за преступления, предметом которых может выступать изображение человека: против личности, общественной нравственности, в сфере компьютерной информации.

Преступления против личности, предметом которых может быть изображение человека, рассматривались еще в дореволюционной и советской литературе: в дореволюционный период – в работах Н.А. Неклюдова, Н.С. Таганцева, И.Я. Фойницкого, в советский период – в работах А.А. Жижиленко, Н.Д. Дурманова. Современные доктринальные исследования уголовно-правовой защиты личной и семейной тайн и клеветы представлены работами А.А. Арямова и В.С. Пономаренко, С.В. Баринова, Л.А. Букалеровой, Б.Н. Кадникова, А.Г. Кибальника, А.Н. Красикова, В.А. Новикова, Т.Н. Нуркаевой, К.О. Папеевой, С.М. Паршина, Н.И. Пикурова, А.В. Серебренниковой, М.А.

¹⁷ Материалы к законопроекту № 718538-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 23.04.2025).

¹⁸ Материалы к законопроекту № 506240-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 26.04.2025).

¹⁹ Материалы к законопроекту № 502113-8. URL: www.sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8 (дата обращения: 14.04.2025).

Филатовой, Е.Е. Чередниченко. Преступлениям против общественной нравственности посвящены труды Ю.М. Антоняна, М.М. Зазирной, Р.Б. Осокина, Р.Д. Шарапова, П.А. Филиппова. Отдельно следует отметить диссертации по защите персональных данных – Е.В. Хохловой, по компьютерным преступлениям и информационной безопасности – М.А. Ефремовой, Д.В. Пучкова, Е.А. Русскевича.

Различные правовые режимы информации исследовались на уровне диссертаций Балашкиной И.В., Николаевой А.А., Спиридоновой О.Е., Терещенко Л.К., Хуаде А.Х., Чупровой А.Ю., Яшковым С.А.

Важные аспекты темы (уголовно-правовая защита отношений в сфере персональных данных, причинение психологического вреда, регулирование треш-стримов, терминология действий с изображениями человека и др.) отражены в научных статьях: в частности, исследованиях И.С. Алихаджиевой, К.А. Барышевой, А.А. Бимбино娃, А.М. Возняка, Ю.В. Грачевой и С.В. Маликова, В.О. Калятина, В.Н. Куфлевой и А.И. Литовченко, Е.А. Капитоновой, О.С. Капинус, З.А. Незнамовой, В.С. Соловьева.

В зарубежных странах разработаны такие аспекты темы, как защита личности от использования дипфейков, защита личности от психологического вреда, баланс конституционного права на защиту частной жизни и свободы слова, что нашло отражение в трудах Дж.М. Бланке, К. МакГлинн, Т. Крофтса, М. Гудсмит Самариттер, Д.К. Ситрона, Д.Дж. Солова, Н. Морехам, Л.М. Экерт и др.

Объект исследования – комплекс общественных отношений, возникающих в связи с установлением и применением уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, предметом которых является изображение человека.

Предмет исследования – положения уголовного закона (преимущественно нормы об ответственности за преступления против личности и против общественной нравственности); неуголовного законодательства (гражданского, информационного, о персональных данных); акты международного и наднационального уровня, связанные с защитой фундаментальных прав и свобод;

решения высших судов, разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, решения судов общей юрисдикции по уголовным делам, делам об административных правонарушениях, научные публикации. Для исследования отдельных вопросов предмет включает также недействующие нормативные правовые акты и правоприменительную практику по ним, а равно нормативные правовые акты, решения судов, научные публикации в зарубежных странах.

Целью диссертационного исследования является достижение научного результата в виде теоретико-обоснованных выводов по установлению и реализации уголовной ответственности за преступления, предметом в которых выступает изображение человека.

Для достижения обозначенной цели были поставлены следующие задачи:

- сформулировать определение изображения человека для целей уголовного права;
- соотнести понятие изображения человека с понятиями информации, материалов, персональных данных, определить, какие правовые режимы могут быть распространены на изображение человека;
- с учетом выбранного определения предмета преступления охарактеризовать преступления, в которых изображение является предметом;
- разработать уголовно-правовую типологию изображений с учетом законодательства, правоприменительной практики и доктрины: выделить основания типологии и охарактеризовать типы;
- в рамках разработанной типологии выявить квалификационные проблемы, а именно сложности при разграничении и пересечении типов изображений человека и связанные с этим вопросы конкуренции уголовно-правовых норм;
- конкретизировать, какими особенностями наделены действия с изображениями человека по сравнению с действиями с другой информацией;
- разработать отдельные направления совершенствования как норм об уголовной ответственности за общественно опасные действия с различными типами изображений человека, так и практики их применения.

Методология исследования основана наialectическом подходе и предполагала использование общенаучных и частно-научных методов. Общенаучные методы включали методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, необходимые для построения классификаций и типологий, описания признаков. Для оценки квалификационных проблем, помимо непосредственно обращения к исследованию правоприменительной практики, применялись методы абстрагирования и идеализации, создавались упрощенные или идеальные модели поведения индивида, важные с точки зрения уголовно-правовых отношений. Частно-научные методы включали сравнительно- и историко-правовой: например, историко-правовой метод был необходим для описания позорящих изображений и оценки значения этапа становления права на изображение (пар. 2.2), а сравнительный метод использовался для разных целей, в частности для выработки определения интимных изображений (пар. 2.1), решения вопросов квалификации собирания изображений (пар. 3.1). Для оценки механизма уголовно-правовой защиты частной жизни в стране романо-германской правовой семьи, к которой относится и Россия, исследовалась правовая система Испании, в уголовном законе которой нашли отражение конкретизированные способы посягательства на тайну частной жизни; отдельное внимание уделено термину «интимные изображения». Признак «интимный» существует в России в правоприменительной практике, в Испании – непосредственно в уголовном законодательстве (см. пар. 2.1).

Некоторые другие иллюстрации были порождены необходимостью обобщить актуальные теории опасности порнографических материалов – в этом отношении представляют большой интерес исследования, проводимые в США, т.к. они построены на анализе опасности с учетом широко толкуемой Первой поправки к Конституции США о защите свободы выражения мнений (см. пар. 2.1).

Часть аналитического материала была получена из иностранных источников на основе авторского перевода с английского и испанского языков.

Теоретическая основа исследования представлена несколькими компонентами. Во-первых, – *подходами к определению предмета преступления*, отраженными в работах Н.И. Коржанского, Б.С. Никифорова, В.Я. Тация (подход,

предлагаемый В.Я. Тацием, воспринят в работе как основополагающий). Вторых, – *теорией квалификации*, на основе работ В.Н. Кудрявцева и Н.Ф. Кузнецовой (в части конкуренции уголовно-правовых норм, квалификации преступления-способа), П.С. Яни (в части аналогии толкования уголовного закона, единобразия уголовно-правовой терминологии). В-третьих, – *исследованиями Особенной части*: преступлений против чести и достоинства, неприкословенности частной жизни, общественной нравственности. В-четвертых, – *классическими разработками понятия права на неприкословенность частной жизни* (Л.О. Красавчиковой, М.Н. Малеиной, Е.А. Флейшиц), а равно *доктринальными ретроспективными истоками права на изображение* в дореволюционной России (А.В. Завадского).

При этом не менее важным компонентом теоретической основы являются также те *способы решения новых для права проблем*, которые предлагаются в актуальных уголовно-правовых исследованиях. Имеются в виду те исследования, которые нацелены на выявление пробельности уголовного закона, доктринальное конструирование уголовно-правовых норм. Например, совершенствованию уголовно-правовой защиты потерпевших от действий с их изображениями посвящает практически все свои труды британская исследователь К. МакГлинн: в фокусе ее внимания – особые формы сексуального насилия, оборот порнографии, нарушения частной жизни, если они связаны с изображениями; она же участвует в разработке законодательства Англии и Уэльса с целью противодействия дипфейкам. Из других зарубежных авторов, чьи подходы оказались полезными для формирования теоретической основы исследования, можно особо отметить Т. Крофтса, Д.К. Ситрона (по уголовному праву), Д.Дж. Солова и Н. Морехам (по частной жизни), Л.М. Экерта (по порнографии).

Эмпирическую базу исследования сформировали:

- девять решений Конституционного Суда РФ, принятых в 2003–2024 гг., по делам о проверке конституционности уголовно-правовых норм и по обеспечению защиты различных видов тайны;

- девять постановлений Пленума Верховного Суда РФ, четыре определения судебных коллегий Верховного Суда РФ и один обзор по отдельным вопросам судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ (2005–2024 гг.);

- 36 решений кассационных судов общей юрисдикции по гражданским, уголовным делам, делам об административных правонарушениях (2020–2025 гг.);

- 100 решений иных судов РФ по уголовным, гражданским делам, делам об административных правонарушениях (2010–2025 гг.).

Эмпирической основой исследования также являются данные судебной статистики (отчеты о числе осужденных за 2016 г., 2020 г., 2024 г.), материалы к шести законопроектам (тексты, пояснительные записки, официальные отзывы и стенограмма заседаний Государственной Думы Федерального Собрания РФ).

Нормативную базу составляют Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, а также неуголовное законодательство: Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи», Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных», Федеральный закон от 29.10.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и др. В работе использованы правовые акты, действующие в наднациональном правопорядке Европейского Союза и зарубежных странах (Испании, Узбекистане).

Научная новизна диссертации заключается в комплексе новых научных знаний о предмете преступления в виде изображения человека. Совокупность новых научных знаний представляет собою вклад в теорию уголовного права в рамках научной специальности 5.1.4 «Уголовно-правовые науки»: в учение о преступлении, Особенную часть уголовного права, теорию квалификации преступлений.

Новизной обладают следующие результаты исследования:

- признаки изображения человека как предмета преступления и толкование соотношения данного понятия с понятиями информации и материалов;

- выводы, в каких случаях изображение человека составляет тайну или представляет собой персональные данные, с учетом правовых режимов информации в конституционном и гражданском праве;
- авторская типология изображений человека для целей уголовного права;
- правила квалификации преступлений по конкурирующим уголовно-правовым нормам, закрепленным в ст. 137 и 272¹ УК РФ, ст. 137 и 138 УК РФ, ст. 137 и 242 УК РФ, ст. 137 и 285 УК РФ.

Научной новизной также обладают следующие **положения, выносимые на защиту:**

1. Для целей применения уголовно-правовых норм принципиальное значение имеют следующие характеристики изображения человека: во-первых, изображение человека – это его зафиксированный внешний облик; во-вторых, изображение человека представляет собой информацию. Фиксация облика может быть произведена любыми средствами: предметами преступления являются фотографии, видеозаписи, картины, карикатуры и пр. Вследствие отнесения изображений человека к информации к ним применимы любые уголовно-правовые запреты действий с информацией.

Вопрос о том, реальный ли человек изображен, важен для определенных преступлений, что предопределается свойствами изображения человека как предмета преступления и его включением в подсистему объекта преступления. Изображения реально существующего человека являются частью общественных отношений по охране тайн, персональных данных, чести и достоинства. Однако изображение человека также способно передавать обобщенный образ человека, в том числе не соответствующий представлениям о человеческом достоинстве. В таком случае не имеет значения, реальное ли лицо изображено.

2. Защита личного неимущественного права на изображение осуществляется в том числе посредством уголовно-правовых норм об ответственности за нарушения неприкосновенности частной жизни, посягательства на честь и достоинство. В отношениях по защите права на изображение само изображение человека – объект права, а в системе состава преступления – предмет.

Однако изображение человека не всегда связано с правовым статусом личности. В таких преступлениях, как оскорблении чувств верующих, незаконный оборот порнографических материалов, возбуждение ненависти или вражды, изображения человека содержат информацию, которая не соответствует обобщенному восприятию человека, его роли в межличностных отношениях, определенных социальных институтах. Обобщенный человеческий образ, представленный в указанных изображениях, рассогласован с представлениями о человеческом достоинстве.

3. Изображение человека может быть отнесено к персональным данным как предмету преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, если оно размещено в базе персональных данных наряду с иными сведениями (например, паспортными данными). Такое ограничение позволяет избежать нежелательной для уголовного права неопределенности в толковании понятия персональных данных: в частности, требования идентификации личности на их основе.

4. Типологизация изображений человека необходима для выявления разницы между отдельными, но частично пересекающимися типами, что является предпосылкой верной квалификации преступных деяний. В работе предлагается четыре типологии, две из которых выделены на основании содержания изображений. Во-первых, с учетом культурно-ориентированных особенностей изображения человека могут быть интимными, эротическими или порнографическими. Во-вторых, по юридическому критерию, а именно наличию в изображении сцен насилия, выделяются изображения человека, содержащие и не содержащие сцен насилия. В-третьих, в работе предложен критерий причинения вреда чести личности, который является основанием для выделения порочащих и позорящих изображений. В-четвертых, изображения человека, как и иные сведения, по критерию соответствия действительности разделяются на изображения, соответствующие и не соответствующие действительности.

5. В типологии «интимные – эротические – порнографические» интимные изображения представляют собой наиболее широкое понятие, включающее в себя изображения порнографические и эротические, но не ограничивающееся ими.

Интимные изображения предполагают фиксацию человека в таком виде и (или) состоянии, которые в конкретном обществе носят, как правило, непубличный характер. Эротические и порнографические изображения всегда связаны с культурой изображения человеческой физиологии.

Интимные изображения человека могут одновременно быть предметом преступления против неприкосновенности частной жизни и незаконного оборота порнографии. В таком случае незаконное распространение интимного изображения квалифицируется либо только по ч. 1 ст. 137 УК РФ, либо по совокупности ч. 1 ст. 137 УК РФ и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. Второй вариант квалификации следует признать верным только в случае установления умысла на причинение вреда общественной нравственности, а не только личности.

6. Уголовно-правовая норма об ответственности за оборот изображений человека, содержащих сцены насилия, теоретически может быть сконструирована по типу нормы об ответственности за оборот порнографических материалов. Однако общественная опасность данных деяний так же, как и оборота порнографии, не может быть обоснована с достаточной степенью достоверности. В российский уголовный закон был включен признак совершения умышленного преступления с публичной демонстрацией, и такое законодательное решение, связывающее изображение насилия с конкретным совершающим преступлением, является обоснованным, хотя оно неизбежно порождает проблемы толкования признака демонстрации и разграничения демонстрации и распространения.

7. Порочащие и позорящие изображения выделены по признаку вреда чести личности. По содержанию термин «позорящие» шире, чем термин «порочащие». Порочащие изображения – это такие изображения, из которых прямо выводимо порочащее честь потерпевшего утверждение фактического характера. Позорящие изображения, наряду с порочащими, включают также те изображения человека, распространение которых может быть оценено обществом как постыдное. Вред чести при распространении позорящих, но не порочащих сведений причиняется за счет появления и распространения в обществе негативных предположений и/или ассоциаций.

Позорящие изображения человека иллюстрируют частичное пересечение типов изображений в разных типологиях. К позорящим изображениям относятся, как правило, интимные изображения. При этом распространение интимных изображений, соответствующих действительности, может быть квалифицировано по ст. 137 УК РФ. Распространение таких изображений, не соответствующих действительности, не может быть квалифицировано ни по ст. 128¹ УК РФ, ни по ст. 137 УК РФ, если они не указывают на конкретный порочащий потерпевшего факт.

8. При совершенствовании уголовного законодательства могут быть использованы признаки, соответствующие выделенным в работе типам изображений человека.

При условии частичной декриминализации оборота порнографических материалов с изображениями совершеннолетних интимные изображения предлагается использовать как признак преступления для построения нового, квалифицированного, состава нарушения неприкосновенности частной жизни.

Понятие «позорящие изображения» может быть использовано законодателем для конструирования норм о преступлениях против личности в тех случаях, когда общественно опасные действия с ними не наказуемы. Если информация не соответствует действительности, является позорящей, но при этом не носит порочащего характера, то ее распространение на данный момент не охвачено уголовно-правовыми нормами. Включение в уголовный закон положений, устраниющих данный пробел, возможно только при условии законодательного определения соотношения с нормой о клевете, которая по-прежнему должна применяться для распространения заведомо ложных *порочащих* сведений (т.е. все действующие нормы об ответственности за использование изображений человека должны быть специальными по отношению к предлагаемой общей). В норме об уголовной ответственности за действия с изображениями, не соответствующими действительности, предлагается использовать признаки «позорящий», «интимный», а также такие действия, как изготовление, распространение и демонстрация.

9. Наличествует пробельность уголовного закона в части определенных целей использования изображений человека: например, для предъявления потерпевшему требований продолжить общение, направить фотографии, уволиться или наняться на работу и др. Кроме того, уголовная ответственность за действия с изображениями человека, *не* соответствующими действительности, пробельна не только в части действий, но и в части предмета преступления: это обусловлено тем, что многие изображения, изготовленные, использованные и (или) распространенные не могут быть предметом тех преступлений, которые защищают только реальный облик, но при этом не могут быть предметом клеветы, т.к. не являются порочащими.

Предлагаемое решение указанных пробелов видится в установлении уголовной ответственности за использование позорящих и (или) интимных изображений из корыстной или иной личной заинтересованности, при условии, что наказуемое деяние не содержит признаков иного состава преступления.

Теоретическая значимость исследования выражена в учете и систематизации различных особенностей изображения человека для уголовно-правовых целей; построении типологии изображений человека как предмета преступления, а также типологии действий с ними. С учетом интенсивного развития определенных общественных отношений теоретические наработки по подобным темам будут расширяться и углубляться; детализация конкретных видов информации, ее особенностей необходима для выработки теоретических основ эффективной уголовно-правовой защиты информации. Разработки по указанным уголовно-правовым вопросам могут быть учтены также в науках конституционного, административного и гражданского права, т.к. в отдельных случаях для комплексной правовой защиты обязательно должны быть решены уголовно-правовые вопросы (например, дана оценка общественной опасности психологического вреда, произведено ограничение действия нормы об уголовной ответственности за незаконный оборот персональных данных с учетом уголовно-правовых принципов).

Практическая значимость работы проявляется в том, что отдельные результаты могут быть использованы для применения и толкования уголовного закона, а другие – для разработки новых уголовно-правовых норм. В исследовании выделяются признаки, определения, предлагаются подходы, важные для правотворчества и квалификации преступлений. Практический характер носят выводы о соотношении уголовно-правовых норм об ответственности за посягательства на неприкосновенность частной жизни, жилища, незаконный оборот порнографических материалов, а равно выводы о моменте окончания созицания, соотношении созицания и доступа, квалификации демонстрации и распространения изображения человека (данные выводы могут быть использованы в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ, обзорах, утверждаемых Президиумом Верховного Суда РФ). В законотворческой деятельности могут быть использованы предложения об установлении уголовной ответственности за использование интимных и/или позорящих изображений.

Результаты исследования могут быть использованы в научно-исследовательской деятельности и при преподавании учебных дисциплин в образовательных организациях высшего профессионального образования: курса Общей части уголовного права, курса Особенной части уголовного права (при преподавании учения о преступлении, преступлений против личности, общественной нравственности, преступлений в сфере компьютерной информации).

Степень достоверности исследования определяется соблюдением методики проведения научного исследования, эмпирической базой исследования, включающей в себя обширный анализ правоприменительной практики, подтверждением отдельных выводов с опорой на опыт зарубежных правопорядков. Степень достоверности находит отражение в использовании различных нормативных правовых актов и правоприменительных решений, вынесенных на их основе, а также большого количества научных публикаций как российских, так и зарубежных исследователей. Ряд выводов, к которым пришел автор исследования, подкреплены позициями правоведов – представителей других правовых наук, а

равно неправовых наук (например, лингвистики). При выработке определений учитывался не только юридический, но и общеупотребительный смысл, толкование используемых понятий подкреплено судебными решениями.

Апробация. Выводы, к которым пришел автор исследования, были ранее представлены в научных публикациях и выступлениях, а именно пяти статьях в научных журналах из Дополнительного списка рецензируемых научных изданий МГУ имени М.В. Ломоносова из перечня, рекомендованного Минобрнауки России, в котором могут быть опубликованы научные результаты диссертаций (список утвержден решением Ученого совета МГУ 23 декабря 2024 г.) Отдельные выводы получили апробацию в рамках выступлений по теме диссертационного исследования на следующих мероприятиях:

- II Всероссийский уголовно-правовой форум имени М.Н. Гернета, г. Москва, 15 декабря 2022 г.;

- Конференция «Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии, посвященная 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова», г. Бишкек, Кыргызстан, 29 марта 2023 г.;

- Круглый стол «Интимные изображения как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни», организаторы – клуб уголовного права «De lege lata» совместно с Научно-образовательным центром «Уголовно-правовая экспертиза» Юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова и редакцией журнала «Уголовное право», 22 мая 2023 г.;

- XIII Пермский конгресс ученых-юристов, г. Пермь, 28 октября 2023 г.;

- III Всероссийский уголовно-правовой форум имени М.Н. Гернета, г. Москва, 13 декабря 2023 г.;

- конференция «Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла», г. Екатеринбург, 12 апреля 2024 г.;

- XVII Сессия Европейско-Азиатского правового конгресса. Правовое сотрудничество и социальный прогресс. К 100-летию С.С. Алексеева, г. Екатеринбург, 23 мая 2024 г.;

- XIV Российской Конгресс уголовного права «Общественная опасность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии», г. Москва, 30 мая 2024 г.;

- III Международная научно-практическая конференция «Цифровые технологии и право», г. Казань, 20 сентября 2024 г.;

- IV Всероссийский уголовно-правовой форум имени М.Н. Гернета, г. Москва, 11 декабря 2024 г.

Отдельные выводы были апробированы в рамках семинарских занятий со студентами, обучающимися в МГУ имени М.В. Ломоносова на программе бакалавриата, в рамках занятий по курсу Особенной части уголовного права (тема – «Преступления против конституционных прав и свобод»), а также студентами, обучающимися на программе магистратуры «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» в рамках курса «Преступления против личности» (4 ак. ч. в 2023 г., 2023–2024 гг.; , 2 ак. ч. в 2024 г., 2024–2025 гг.)

Структура диссертационного исследования выстроена в соответствии с целями и задачами исследования и содержит три главы, объединяющих восемь параграфов, заключение, библиографический список.

ГЛАВА 1. ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ПРАВОВЫХ РЕЖИМОВ И СИСТЕМЕ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

1.1. Понятие изображения человека

Для комплексного исследования места и роли изображения человека в уголовном праве представляется необходимым установить его содержание и возможные преломления для разных отраслей права, а также соотношение данного понятия с информацией, материалами, персональными данными.

Изображение человека исследуют различные юридические науки: конституционного, гражданского права, криминалистика. Перед каждой из них стоят разные цели – так, конституционные и цивилистические труды посвящены *праву на изображение*. Криминалистика исследует признаки внешности для установления личности – среди таких признаков не только статические, но и динамические (они «проявляются только в динамике (движении)», к ним относят жестикуляцию, мимику, артикуляцию, голос и речь, походку)²⁰.

Понятие «изображение человека» определяется с помощью понятия «внешний облик». Такой облик «включает в себя внешность, фигуру, физические данные, одежду, то есть совокупность таких сведений о лице, которые можно получить, не прибегая к специальным исследованиям»²¹. Изображение отражает признаки и элементы внешности физического лица (частей тела, фигуры человека, движений, одежды) и предназначено для зрительного восприятия²².

---

²⁰ Булгаков В.Г. Методические основы криминалистической идентификации и диагностики человека по его динамическим признакам: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.М. Зинина. М., 2014. С. 28–29.

²¹ Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 124.

²² А.А. Николаева отмечает, что точнее было бы отнести к изображению человека и информацию для слухового восприятия, но ни общество, ни правоприменители к такому восприятию понятия «изображение» не готовы; «голос гражданина» можно было бы для начала признать отдельным нематериальным благом. Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты. Дис. ... к.ю.н. М., 2014. С. 43. Законопроект об охране голоса (по аналогии с охраной изображения) был внесен на рассмотрение в Государственную Думу Федерального Собрания РФ в сентябре 2024 г., находится на рассмотрении, не был поддержан Правительством РФ. Материалы к законопроекту № 718834-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8> (дата обращения: 25.08.2025).

Однако, если внешний облик неотделим от своего носителя (т.е. человека), то изображение человека – это его *объективированный* (запечатленный, зафиксированный) облик. В этой связи представляет интерес нормативное определение изображения человека, данное Конституционным Судом Республики Беларусь: «его внешний (индивидуальный) облик в объективированной форме, например в произведении изобразительного искусства, на фотографии или видеозаписи в конкретный момент времени»²³. Несмотря на отсутствие аналогичного определения в Гражданском кодексе РФ или решениях Конституционного Суда РФ, схожее понимание разделяется многими представителями российской правовой науки. Это находит отражение в выводах, что охрана изображения начинается с момента его фиксации²⁴ или что право на изображение гражданина представляет собой лишь одну из составляющих права на внешний облик²⁵.

Подход, определяющий изображение человека с помощью признака фиксации, основан в том числе на ст. 152¹ Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) «Охрана изображения гражданина» и практике ее применения. В п. 1 ст. 152¹ ГК РФ приведены только примеры зафиксированного облика: фотография,

²³ Богустов А.А. Право лица на изображение в законодательстве государств Евразийского региона: сравнительно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (50). С. 280.

В цитируемом решении Конституционный Суд Республики Беларусь уточнил также, что изображение человека – «самодостаточное личное нематериальное благо», что налицоствовала правовая неопределенность в гражданском законодательстве «в части регулирования общественных отношений, связанных с надлежащими использованием и охраной изображения гражданина», а потому признал необходимым внесение изменений в Гражданский кодекс Республики Беларусь. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30.10.2018 № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» // Официальный интернет-портал Конституционного Суда Республики Беларусь. URL: www.kc.gov.by/document-51233 (дата обращения: 15.10.2025).

²⁴ Ходырева Е.А. Право на изображение гражданина: проблемы осуществления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 2. С. 170–171.

²⁵ Ястребский И.А. Пластическая хирургия: реалии и перспективы законодательного регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 5. С. 3–6. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

видеозапись, произведение изобразительного искусства, «в которых он [гражданин] изображен»²⁶.

Разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, данные применительно к ст. 152¹ ГК РФ, также относятся к зафиксированному облику: о размещении изображения человека на сайте; о коллективных изображениях; о розыске граждан, пропавших без вести, на основании их изображений; об использовании изображения, «полученного при съемке ... в местах, открытых для свободного посещения» и т.п.²⁷ Во всех перечисленных примерах обладатель внешности либо разместил свое изображение в информационно-телекоммуникационных сетях, либо запечатлен на коллективном снимке, либо вовсе отсутствует (если пропал без вести); следовательно, имеется в виду именно *зафиксированный* внешний облик, а не внешность сама по себе²⁸.

Фиксация облика может быть статической (например, фотография) или динамической (видеоизображение)²⁹. Фиксация может быть произведена не только с помощью технологий фотографии или видео, но и иными изобразительными средствами; становление права на изображение опиралось как на технологии фотографии, так и на портреты и авторские права художников. Если возникают сомнения, чьи признаки внешности изображены на портрете, может быть проведена судебная портретная экспертиза. Изображение человека именуется «традиционным объектом судебной портретной экспертизы», если оно необходимо для установления тождества личности. Комплексная экспертиза с привлечением

²⁶ П. 1 ст. 152¹ Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 08.08.2024.

²⁷ П. 43–45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

²⁸ Признак фиксации представляется необходимым для выработки определения изображения человека. Тем не менее, нельзя не признать, что с точки зрения *права* на изображение вопрос, подлежит ли охране положениями ГК РФ *незафиксированный* внешний облик (образ человека), носит дискуссионный характер, что проявляется, например, в сценическом воспроизведении образа человека загримированным актером. Данный вопрос в силу особенностей конституционного и гражданского права рассматривается в пар. 1.3.

²⁹ Носитель информации может охватывать внешний облик статически или динамически. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 85.

судебно-медицинских экспертов может быть необходима при постановке иных вопросов (например, о возрасте изображенного или о возможности изменений внешности под влиянием определенных обстоятельств)³⁰.

Изображение человека – только облик, зафиксированный без проведения специальных исследований. Снимки, полученные в результате медицинской диагностики (рентгеновские снимки, снимки УЗИ, в том числе снимки плода) не являются изображением человека. Они могут быть получены только в результате медицинского исследования и относятся к другим правовым отношениям: в сфере медицины. Снимки УЗИ могут быть предметом или средством преступления (напр., снимок УЗИ с изображением плода может быть использован для введения в заблуждение о беременности³¹, т.е. быть средством преступления, или составлять личную тайну³²), однако к изображениям человека не относятся.

Изображение человека не обязательно носит подлинный характер. Примеры из судебной практики по ст. 152¹ ГК РФ связаны также с изображениями, в которые вносились изменения (коллажами). Как указано в одном из судебных решений по гражданским делам, «суд признает нарушением нематериальных благ истца публикацию его *искаженного* фотографического образа (выделено мной – Т.А.)»³³. «Искажение» выражалось в приставлении к ушам изображенного электрических лампочек.

Отдельному анализу подлежит соотношение понятия изображения человека с понятиями «информация», «сообщения», «сведения», «данные».

---

³⁰ Россинская Е.Р., Зинин А.М. Комплексная судебная экспертиза изображений внешнего облика человека // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. № 2. С. 15, 17.

³¹ Постановление Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области от 19.01.2024 по делу № 1-129/2024 (1-624/2023) // СПС «КонсультантПлюс».

³² Медсестра кабинета УЗИ, незаконно собравшая и распространившая сведения о пациентке, желавшая распространить сведения о ее беременности, осуждена по ч. 2 ст. 137 УК РФ: Приговор Пожарского районного суда Приморского края от 13.12.2023 по делу № 1-167/2023 // СПС «КонсультантПлюс». В данном деле предмет преступления – протокол УЗИ, но таким предметом может быть и сам снимок.

³³ Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 14.02.2012 по делу № 2-484/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

В Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация отождествлена со сведениями, сообщениями и данными: информация – это «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»³⁴. Нельзя сказать, что такое отождествление полностью совпадает с общеупотребительными значениями всех рассматриваемых слов, т.к. определенные различия они всё же содержат: например, «данные» необходимы для вывода или решения, в значении «сообщений» есть элемент новизны, а «сведения» включают в себя познания, известия, сообщения, знания, представления³⁵. Более того, «информация» и «данные» в силу особенностей технологического развития имеют свои различия, потенциально имеющие значение для права: данные – формализованы, поддаются многократной интерпретации и анализу с помощью технических средств; информация – результат интерпретации данных³⁶. Тем не менее, нельзя не признать, что действующее законодательство РФ, в том числе уголовное, описанные различия нивелирует.

В УК РФ используются все указанные выше термины: и «сведения» (ст. 128¹, 137, 159¹, 163 и др.), и «информация» (ст. 110², 138¹, 140, 144 и др.), и «данные» (ст. 170¹, 173¹), и «сообщения» (не только в значении сообщения государственным органам³⁷, но и в формулировке «распространение под видом достоверных сообщений» в ст. 207¹, 207², 207³ УК РФ). Нельзя не согласиться с тем, что «логику законодателя при использовании терминов "информация" и "сведения" в УК РФ

³⁴ П. 1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 165. 29.07.2006 (далее – ФЗ об информации, информационных технологиях и о защите информации).

³⁵ Попов А.Н. О предмете преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ // Криминалистъ. 2008. № 1. С. 6.

³⁶ См. подробнее: Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60–92. См. также: Лескина Э.И. Доктринальные аспекты правовых режимов данных в условиях развития технологий больших данных // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 122–136. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁷ Имеются в виду распространенные в тексте уголовного закона положения об освобождении от уголовной ответственности при условии сообщения органам власти: напр., в ст. ст. 204, 210, 212 УК РФ.

проследить на настоящий момент сложно»³⁸, то есть следует признать, что содержательных различий между ними нет.

В процитированном ранее законодательном определении информации упоминается форма ее представления, однако не указано, что под ней понимается. В законодательстве, разъяснениях Пленума ВС РФ и судебной практике встречаются такие примеры форм: «электронный документ – документированная информация, представленная в электронной форме...»³⁹, «информация о деятельности судов может предоставляться в устной форме и в виде документированной информации...»⁴⁰, «в форме, доступной восприятию компьютерного устройства»⁴¹, «печатная форма представления»⁴², «информацией являются любые сведения о ком-либо или о чем-либо, получаемые из любого источника в любой форме: письменной, устной, визуальной и т.п.»⁴³.

В уголовно-правовой доктрине форму информации исследуют для целей применения главы 28 УК РФ. На основании разъяснений Пленума ВС РФ делается вывод, что компьютерная информация определена прежде всего по критерию

³⁸ Суслопаров А.В. Соответствие норм Уголовного кодекса России принципу единства и определенности терминологии на примере терминов "информация", "сведения", "данные" // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 94–98.

³⁹ П. 11.1 ст. 2 ФЗ об информации, информационных технологиях и о защите информации.

⁴⁰ Ч. 1 ст. 7 Федерального закона от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп.) // Российская газета. № 265. 26.12.2008.

⁴¹ П. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. № 294. 28.12.2022.

⁴² Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 09.08.2017 № 51-АПГ17-13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2025 № 09АП-5110/2025 по делу № А40-200777/2024; Решение Ленинградского районного суда города Калининграда от 03.03.2020 по делу № 2а-1399/2020; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29.11.2011 по делу № А65-31/2011; Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 06.07.2010 по делу № А65-25917/2009 // СПС «КонсультантПлюс».

формы представления⁴⁴, что «[нормы гл. 28] охраняют компьютерную форму, компьютерный формат представления сведений»⁴⁵.

Является ли изображение человека *информацией* или *формой представления информации*? С одной стороны, как показано выше, в качестве примера формы представления информации суды нередко называют визуальную (представляется, что под визуальной понимается именно изобразительная, т.к. визуальная форма перечисляется наряду с письменной и устной формами; по мнению ряда ученых, данный термин не вполне точен, но с учетом смысла, придаваемому ему судами, здесь и далее «визуальная» и «графическая» формы используются в одном значении⁴⁶).

Косвенные указания на форму представления информации есть и в законодательстве: так, документ определен как носитель с «зарегистрированной на нем в любой форме информацией *в виде текста, звукозаписи, изображения и (или) их сочетания...* (выделено мной – Т.А.)»⁴⁷. В п. 1 и п. 3 ч. 3 ст. 5 Федерального закона «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и

⁴⁴ См., напр.: Чернышев Д.Б. Охраняемая законом компьютерная информация: содержание и проблемы толкования признаков // Уголовное право. 2023. № 6. С. 62–69.

⁴⁵ Щепельков В.Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовное право. 2023. № 6. С. 70–79.

⁴⁶ Неточность термина «визуальный» применительно к изобразительной форме обусловлена тем, что вербальный текст в письменной форме так же визуален, как и изображение (воспринимается органами зрения) // Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 303. В то же время, например, Никишин В.Д. и Галышина Е.И. при описании невербальных компонентов используют «иконический» и «визуальный» в качестве синонимов: «...вербальный и иконический компонент креолизованного текста декодируется в рамках одной модальности – зрительной. В случаях, когда к вербальному и визуальному (иконическому (=статическому) или динамическому) коммуникационным каналам добавляется акустический сигнал...» Данная терминология допустима потому, что, говоря о коммуникационных каналах, авторы разграничивают в зрительной модальности вербально-графемный канал и визуально-образный канал. // Никишин В.Д., Галышина Е.И. Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 179–193. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁷ Абз. 3 ст. 1 Федерального закона от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (ред. от 01.05.2022, с изм. и доп.) // Российская газета. № 11-12. 17.01.1995.

развитию» сказано об информации, «представляемой в виде изображения или описания... (выделено мной – Т.А.)»⁴⁸.

С другой стороны, п. 3.1 ч. 2 ст. 5 того же Закона содержит указание, что к запрещенной для распространения среди детей информации относится информация, «содержащая изображение или описание сексуального насилия (выделено мной – Т.А.)». А в ч. 6 ст. 4 Закона РФ «О средствах массовой информации» установлен запрет в отношении информации о несовершеннолетнем, «включая ... фото- и видеоизображения такого несовершеннолетнего»⁴⁹. Согласно приведенным формулировкам, информация уже не «представлена» изображением, а содержит или включает изображение, что переносит акцент с формы представления информации непосредственно на информацию.

Примем в качестве рабочих две гипотезы о соотношении категорий «информация» и «изображение человека»:

- изображение человека – это форма представления сведений о внешнем облике человека;
- изображение человека – это информация о внешнем облике человека, представленная в графической форме.

Если сведения представлены одновременно двумя компонентами – текстом и изображением человека, то для определенных целей они будут рассмотрены отдельно (в частности, для оценки нарушения права на изображение, предусмотренного ст. 152¹ ГК РФ). Однако для других целей их искусственное разделение невозможно: суды учитывают, что текст и изображения дополняют друг друга⁵⁰.

⁴⁸ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 30.11.2024, с изм. и доп.) // Российская газета. № 297. 31.12.2010. Далее – ФЗ о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию.

⁴⁹ Запрет связан с информацией о несовершеннолетнем, пострадавшем в результате противоправных действий (бездействия). Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 32. 08.02.1992. Далее – Закон РФ о СМИ.

⁵⁰ Например: изложение «в сопровождении с фотографиями конфликта...приводит к пониманию объявления как сообщения о нанесении ... побоев ... и высказываний истцом ...

То, что изображение по своей природе – информация, сведения, подтверждается актуальными исследованиями в области лингвистики, а также выводами экспертов при проведении судебных экспертиз. Речевая стратегия включает как вербальные компоненты, так и невербальные (например, изобразительный и акустический); отношения между компонентами могут быть построены по-разному. Текст, сообщение которого выражено сочетанием разных компонентов, представляет собой *поликодовый* (или креолизованный) текст⁵¹. В то время как текст в гомогенной верbalной форме требует заметных когнитивных усилий – изобразительный текст воздействует непосредственно, он целостен, воспринимаем на уровне ассоциаций, воображения, образного мышления⁵².

Экспертами при проведении экспертиз наряду со смыслом вербального компонента выявляется смысл компонентов невербальных: «указанное изображение К. представлено в качестве средства иллюстрации сведений, содержащихся в представленных видеозаписях» (комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза)⁵³; «визуальные иллюстрации, которыми сопровождается текст, используются в качестве своеобразной аргументации «мнимого» доказательств фактов, о которых сообщается...» (комплексная судебная психолого-лингвистическая экспертиза)⁵⁴. Несмотря на комплексный характер экспертиз, изображения так же, как и текст, анализируются именно с

угроз убийством и причинением вреда здоровью». Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.05.2011 № 6680 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹ Никишин В.Д., Галышина Е.И. Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 179–193. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁵² Айзикова И.А., Воробьева Т.Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 44.

⁵³ Примечательно, что суд также называет ее вербально-визуальной, когда описывает выводы экспертов об изображении истца, а равно фиксирует, что объектами экспертизы были не только слова, но и изображения: «Анализ вербальных и паравербальных компонентов смыслового содержания высказываний...» // Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2022 по делу № 88-2373/2022.

⁵⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 по делу № 88-3239/2022, 2-11/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

точки зрения лингвистики: «в представленных ... изображениях и надписях к ним ... содержатся лингвистические признаки выражения негативного отношения ко Дню воинской славы России... Негативное отношение к Дню воинской славы России с позиции лингвистической квалификации выражено в вербальной и невербальной форме»⁵⁵.

Однако изображение (в том числе изображение человека) представляет собой информацию и вне поликодовых текстов, т.е. не только тогда, когда оно дополняет вербальные сведения. Если изображение содержит информацию о каком-то фактическом обстоятельстве, оно может быть «переведено» в вербальную форму: например, содержание изображения совершающего действия может быть изложено словесно, повествовательно. Но многим изображениям человека – в том числе тем, которые являются предметами преступления – соответствует такой тип речи, как описание, а не повествование. Для описания характерна передача посредством естественного языка целого ряда признаков, которые читателю необходимо воспринять одновременно⁵⁶. Каким бы ни было подробным вербальное описание, оно не способно полноценно заменить изображение, которое воспринимается целостно и одномоментно. Например, интимные изображения человеческого тела – всегда более подробная и целостная информация, чем словесное описание.

В судебной лингвистике приводят конкретные примеры текстов, имеющих непосредственное отношение к уголовно-правовым нормам: «Имея дело с классическим порнографическим текстом (вне зависимости от формы презентации – вербальной, *визуальной, комбинированной*), эксперт-лингвист не испытывает сложностей в интерпретации... (выделено мной – Т.А)»⁵⁷. При описании лингвистического анализа порномести оценивается коммуникативная деятельность: «Через *обнародование интимных снимков* актор закрепляет

⁵⁵ Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 17.06.2024 по делу № 55-7/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁶ Минюшева И.Ф. Описание как функционально-смысловой тип речи // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2015. № 2 (5). С. 91.

⁵⁷ Зайцева О.В., Катышев П.А. Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания // Юрислингвистика. 2023. № 30. С. 73.

запечатленное лицо в статусе аутсайдера, помещает его в условия изоляции через информирование общественности (как референтной группы, так и социума в целом) о социально нежелательных качествах запечатленного лица (выделено мной – Т.А)»⁵⁸.

Таким образом, изображение человека относится к информации (и отождествляемым с ней понятиям: сведениям, сообщениям и данным). Изображение человека может быть представлено в форме фотографии, видеозаписи, иного произведения изобразительного искусства; в компьютерной или печатной формах. Отнесение изображения человека к информации означает применимость к изображению человека соответствующего бланкетного законодательства и терминологии.

Этот вывод не подменяет данного выше определения изображения человека как его зафиксированного внешнего облика. В цивилистике для целей применения ст. 152¹ ГК РФ в определении изображения человека прямо указывается на информацию, однако информация конкретизирована применительно к конкретному реально существующему человеку: «...под изображением следует понимать предназначенную для зрительного восприятия информацию о физическом лице, воспроизведенную в любой объективной форме, обладающую совокупностью неповторимых индивидуальных признаков и элементов внешности этого физического лица (включая особенности лица, головы и других частей тела, фигуры человека, движений, одежды и пр.), и позволяющую отличить данное физическое лицо от других»⁵⁹. Для уголовного права данное определение не применимо в полной мере, т.к. многие изображения человека представляют собой зафиксированный облик не существующих в действительности людей или людей, чья внешность не может быть достоверно передана изображением (например, лики святых⁶⁰). Кроме того, определение изображения человека как зафиксированного

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Николаева А.А. Указ. соч. С. 43.

⁶⁰ См., напр.: Приговор Индустриального районного суда города Хабаровска от 28.12.2017 по делу № 1-775/2017 (обвинительный приговор по ч. 1 ст. 148 УК РФ, п. «а», «г» ч. 2 ст. 242¹ УК РФ) // СПС «КонсультантПлюс». В другом решении – Апелляционном постановлении

внешнего облика однозначно исключает из объема понятия словесные описания внешности, которые также предназначены для зрительного восприятия, но не относятся к изображениям человека.

Для прояснения природы изображений человека необходимо также обращение к понятию носителя информации.

Согласно одной из доктринальных позиций, независимость информации от формы ее представления проводит границу между материальным носителем и нематериальным содержанием⁶¹ (то есть автор, раскрывая определение информации, признак независимости от *формы представления* поясняет через *носитель информации*). Однако форма и носитель не совпадают. Выше были приведены примеры форм – их легко сравнить с понятием и примерами носителей.

Носитель документированной информации по ГОСТу определен как *материальный объект, «используемый для фиксации и хранения документированной информации»*⁶². Используется также термин «электронный носитель информации»: сам носитель не является электронным, он тоже материален, но содержит сведения, обрабатываемые средствами вычислительной техники. Так, для квалификации по ст. 187 УК РФ используется⁶³ определение электронного носителя информации по ГОСТу 2.051-2013 (на данный момент

Бахчисарайского районного суда Республики Крым от 01.04.2025 по делу № 10-4/2025 о нарушении права на свободу совести и вероисповеданий – указано, что обвиняемым было опубликовано фотоизображение пророка Исы в спортивном зале на фоне спортивных тренажеров, что оскорбительно для православного верующего. При этом в православии Иисус Христос является божеством, а не пророком, как в исламе (пророк Иса), а изображать пророков, как и всех живых существ, в исламе запрещено. Следовательно, вероятно, имеется в виду одно из изображений Иисуса Христа, т.к. лики Иисуса Христа и святых изображаются именно в христианстве.

URL:

https://bahchisarai-krm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_deло&srв_num=1&name_op=case&case_id=226740565&case_uid=5d3edc29-1f2d-462a-992e-efc658806fc1&deло_id=4&new=4

⁶¹ Терещенко Л.К. Правовой режим информации. Дис. ... д.ю.н. М., 2011. С. 44.

⁶² ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 № 30-ст.

⁶³ Апелляционное определение Калининградского областного суда от 12.12.2024 по делу № 22-1604/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

утратил силу), п. 3.28 ГОСТа Р 7.0.95-2015: «Материальный объект, используемый для записи, хранения и воспроизведения цифровой информации»⁶⁴.

Например, Верховный Суд РФ указал, что сим-карта – это электронный носитель информации: с ее помощью осуществляется идентификация абонента; сим-карта может содержать дополнительную информацию об абоненте – в частности, абонентских соединениях. Следовательно, «одновременно с выдачей ... сим-карты [т.е. электронного носителя информации] происходит передача соответствующей информации...»⁶⁵.

Судебная практика по вопросу запрета передачи электронных носителей информации в исправительные учреждения является сформированной. Верховный Суд РФ по административному исковому заявлению осужденного к УФСИН России пришел к выводу, что игровая приставка «Тетрис» представляет собой электронный носитель информации и ее изъятие у осужденного законно. Нижестоящие суды занимали по данному административному делу противоположную позицию, т.к. «Тетрис» не имеет накопителя информации, не «читает» диски, карты памяти, не позволяет выходить в сеть «Интернет»⁶⁶. Согласно решению Верховного Суда РФ, во-первых, информация – сведения независимо от формы их представления; во-вторых, на таком носителе «записаны,

⁶⁴ ГОСТ Р 7.0.05-2015 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики». Утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 09.12.2015 № 2127-ст.

⁶⁵ По обстоятельствам дела оператор сотовой связи через 10 лет после выдачи истице сим-карты выдал дубликат сим-карты другому лицу. В результате перевыпуска третье лицо, с дубликатом сим-карты, получило доступ к услугам связи с абонентского номера истицы и к управлению банковским счетом, одноразовым паролям на списание денежных средств. Часть денежных средств была переведена новым обладателем сим-карты на счета третьих лиц. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.12.2015 № 5-КГ15-164 // Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 10. Дело было направлено на новое рассмотрение. Впоследствии исковые требования были удовлетворены в части требований к оператору сотовой связи: см. Определение Московского городского суда от 29.08.2016 № 4г-9594/2016.

⁶⁶ Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 № 88А-7727/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

хранятся и воспроизводятся ... конкретные сведения об электронных играх»⁶⁷. Следовательно, приставка – электронный, материальный, носитель «сведений об электронных играх».

Изображение человека, таким образом, не может быть носителем информации, но может быть расположено *на* носителе: на бумаге, карте памяти, в электронном устройстве.

Согласно п. 1 примечаний к ст. 242¹ УК РФ, предмет преступления – материалы и предметы, «содержащие любое изображение или описание в сексуальных целях...» **Следовательно, требует пояснений также вопрос, относится ли изображение человека к материалам или отождествлять их недопустимо.**

В законодательстве РФ используются разнообразные термины, связанные одновременно с информацией и материалами. Например:

- ч. 2 ст. 2 Закона РФ о СМИ определяет массовую информацию как «сообщения и материалы»;
- п. 3 ст. 1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» содержит легальную дефиницию экстремистских материалов, которая конкретизируется примерами: «в том числе ... выступления, изображения руководителей групп, организаций или движений, признанных преступными в соответствии с приговором ... (Нюрнбергского трибунала) ...»⁶⁸.

Материалы как понятие могут быть наделены различным содержанием в зависимости от конкретных нормативных положений и контекста, поэтому не могут быть отождествлены обобщенно ни с информацией, ни с носителем информации. Например, «материалы дела» всегда представляют собой информацию на документированном носителе. В иных случаях понятие материала может быть расширено до «информационного материала», максимально

⁶⁷ Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № 26-КАД23-1-К5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶⁸ Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 138-139. 30.07.2002.

приближаясь по своему значению к информации. Так, при покупке акций покупатель (ответчик) был обязан, в соответствии с положениями договора, не использовать обозначения, сходные с товарным знаком продавца (истца). Соответствующие обозначения были в нарушение договора использованы в магазинах приложений App Store и Google Play, при этом ответчик утверждал, что договор не накладывал ограничения на использование в программном обеспечении. Суд первой инстанции вынес решение в пользу истца, суд апелляционной инстанции оставил его в силе. Среди прочего, в решении апелляционного суда указано, что «действие пункта 6.9.3 договора прямо сторонами не поставлено в зависимость от формы информационных материалов (документарная, печатная, полиграфическая, электронная)... *Приложение ...*, вопреки позиции ответчика, в условиях развития современных технологий, безусловно, относится к информационному материалу, поскольку содержит определенную информацию о владельце, товарах, услугах и т.д., то есть является средством распространения информации (выделено мной – Т.А.)»⁶⁹.

По делам об административных правонарушениях в области связи и информации под материалами понимаются не только публикации, но и конкретные фрагменты публикаций. Разные значения исследуемого понятия допустимо проиллюстрировать цитатой из решения одного из районных судов: «Из материалов дела усматривается, что в средстве массовой информации сетевом издании "***" по адресу *** в материале от *** под названием "***." выявлен факт публикации материала об иностранном агенте... (выделено мной – Т.А.)»⁷⁰.

По уголовным делам изображения человека признаются материалами для целей применения ст. 242, 242¹ УК РФ. Несмотря на то что диспозиции норм об уголовной ответственности за незаконный оборот порнографии содержат указание на «материал или предмет», изображения человека признаются предметом

⁶⁹ Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 24.05.2022 по делу № А75-16936/2021; Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17.08.2022 № 08АП-7900/2022 по делу № А75-16936/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷⁰ Постановление Первомайского районного суда города Мурманска от 09.02.2024 № 5-14/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

преступлений непосредственно, вне нахождения на материальном носителе: «видеозапись порнографического характера»⁷¹, «видеофайл порнографического содержания»⁷².

Таким образом, материал и информацию недопустимо отождествлять, принимая во внимание разные значения понятия «материал». Однако материалом *могут* быть признаны конкретные сведения вне материальных носителей, в том числе только изображение человека без иной информации.

В правовом регулировании информации важное значение имеет понятие правового режима; поскольку оно используется далее по тексту, целесообразно рассмотреть его содержание.

Правовой режим, как справедливо отмечается в литературе⁷³, несмотря на отсутствие легального определения, активно используется как в широком, так и в узком значении. В широком значении правовой режим – теоретико-правовая категория: это порядок регулирования, выраженный в комплексе правовых средств, «характеризующих особое сочетание взаимодействующих между собой дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создающих особую направленность регулирования»⁷⁴. Понятие правового режима, исходя из значения слова «режим», характеризует степень жесткости юридического регулирования⁷⁵.

Узкое значение правового режима – отраслевое: это «правовое регулирование деятельности субъектов по поводу определенного объекта»⁷⁶. В исследованиях можно встретить указания на правовой режим имущества⁷⁷,

⁷¹ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2023 № 77-3297/2023 (УИД 77RS0026-01-2020-005187-20) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷² Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2023 № 77-52/2023 (УИД 29RS0014-01-2020-006745-92) // СПС «КонсультантПлюс».

⁷³ Лескина Э.И. Указ. соч.

⁷⁴ Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989. С. 185.

⁷⁵ Там же. С. 186.

⁷⁶ Лескина Э.И. Указ. соч.

⁷⁷ Глинка В.И. Правовой режим муниципального имущества. Автореф. ... к.ю.н. М., 2011.

безопасности⁷⁸, права собственности⁷⁹. Правовой режим нередко конкретизируется: гражданско-правовой, международно-правовой, конституционно-правовой. Однако это совершенно не обязательно: многие объекты регулируются одновременно различными отраслями законодательства, в исследованиях может подчеркиваться коллизионный характер многоотраслевого регулирования⁸⁰.

Применительно к информации категория «правовой режим» используется крайне часто. В законодательстве получил закрепление термин «режим коммерческой тайны»: в частности, в ст. 727 Гражданского кодекса РФ⁸¹, в ст. 45.2 Федерального закона «О защите конкуренции»⁸². Указания на режим содержатся и в решениях судов по уголовным делам: «личная переписка ..., для которой законом установлен специальный режим правовой защиты»⁸³, «режим информации ограниченного доступа ... режим тайны связи»⁸⁴, «соблюдение режима налоговой тайны»⁸⁵.

Почему об информации говорят именно в связи с ее правовым режимом? Поскольку информация всегда включена в определенные отношения, категория правового режима позволяет учесть разнообразие круга субъектов правового режима и правовых отношений⁸⁶, в зависимости от которых определяются права,

⁷⁸ Григорян П.А. Международно-правовой режим авиационной безопасности. Автореф. .... к.ю.н. М., 2018.

⁷⁹ Царикаева Ж.М. Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации. Автореф. .... к.ю.н. М., 2007.

⁸⁰ Глинка В.И. Указ. соч. С. 3–4.

⁸¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.

⁸² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 162. 27.07.2006.

⁸³ Приговор Бежицкого районного суда города Брянска от 12.02.2025 по делу № 1-67/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁴ Приговор Советского районного суда города Самары от 29.09.2023 № 1-252/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁵ Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 13.02.2024 по делу № 1-34/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁶ «Одним из основных элементов любого правового режима, в том числе и правового режима информации, являются субъекты, их юридическое положение...» Терещенко Л.К. Указ. соч. С. 133.

обязанности и ответственность. В частности, в информационном праве предлагаются классификации информации по разным критериям: 1) персональные и не-персональные данные; 2) общедоступная информация и информация ограниченного доступа; 3) обезличенные и не-обезличенные данные⁸⁷. Сведения урегулированы одновременно разными режимами. Так, персональные данные могут быть защищены как тайна (т.е. быть информацией ограниченного доступа), но могут быть и общедоступными. Могут быть технически обезличены или не обезличены.

Приведем два примера, подтверждающих значение правового режима информации для целей правоприменения. Один пример связан с многообразием правовых режимов, другой – с особенностями их установления.

Первый пример – общий для неопределенного круга лиц запрет собирать данные о состоянии здоровья другого человека (это его личная тайна). Врач, узнав эти же сведения при оказании медицинской помощи, обязан не распространять их в силу режима медицинской (врачебной) тайны. В УК РФ специальной нормы об ответственности за сбор и(или) распространение медицинской тайны нет, поэтому ответственность врача за ее незаконное распространение урегулирована общей нормой (ч. 2 ст. 137 УК РФ).

Медицинская организация, в которой хранится медицинская карта пациента, обязана, как оператор персональных данных, соблюдать требования к основаниям обработки специальных категорий персональных данных на основании ч. 2 ст. 10 ФЗ о персональных данных (эти обязанности касаются как начала обработки персональных данных, так и дальнейшего хранения, использования, уничтожения и иных действий). Допустим, промедление в уничтожении данных пациента по его запросу повлечет административную ответственность юридического лица по ч. 5 ст. 13.11 КоАП РФ.

---

⁸⁷ Правовые режимы информации в эпоху больших данных: сравнительно-правовое исследование / науч. ред. Н.А. Дмитрика. М., 2021. С. 12–13.

При этом, если лицо примет решение сообщить о своем состоянии здоровья в социальной сети неопределенному кругу лиц, то такие данные станут открытыми⁸⁸, ответственность за их распространение по ст. 137 УК РФ будет исключена, т.к. больше не действует режим личной тайны, как он закреплен в уголовном законе. В то же время требования к медицинской организации – оператору персональных данных – останутся прежними, поскольку на этот режим указанные действия пациента не влияют.

Второй пример, подтверждающий значение категории правового режима информации, связан с определением момента начала действия режима информации. В частности, для привлечения к уголовной ответственности по ст. 183 УК РФ подлежит установлению, что режим коммерческой тайны действует в организации, закреплен на уровне локальных актов в соответствии со ст. 10 Федерального закона «О коммерческой тайне»⁸⁹. Работник должен быть с локальными актами ознакомлен. Судебная практика исходит из того, что по таким делам должен выноситься оправдательный приговор, если указанные требования к введению коммерческой тайны не соблюdenы⁹⁰. В то же время такой формальный признак, как наличие грифа «коммерческая тайна» на носителях информации или в качестве реквизита документов, на данный момент не является решающим

⁸⁸ Именно открытыми, а не общедоступными. Субъект персональных данных дает отдельное согласие на размещение его данных в общедоступных источниках, в соответствии со ст. 8 ФЗ о ПДн. Размещение фотографий в социальных сетях не дает права их использовать по усмотрению третьих лиц без согласия субъекта данных: см., напр., Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2023 № 88-20844/2023 (использование изображения лица, взятого из социальных сетей, было признано незаконным) // СПС «КонсультантПлюс».

⁸⁹ Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп.) // Парламентская газета. 05.08.2004. № 144 (далее – ФЗ о коммерческой тайне).

⁹⁰ «Каких-либо достоверных данных, указывающих на то, что персональные данные абонентов включены в перечень сведений, составляющих коммерческую тайну ..., с соблюдением установленного законом порядка введения режима коммерческой ..., а также, что до специалиста отдела продаж Д. это было доведено, и ее умысел был направлен именно на сбор и распространение информации, отнесенной к коммерческой ..., суду не представлено». Приговор Ленинского районного суда города Омска от 20.03.2020 № 1-57/2020 (1-888/2019) // СПС «КонсультантПлюс».

критерием, который указывает на действие режима коммерческой тайны⁹¹. Вопрос о конституционности изложенного подхода был поставлен перед Конституционным Судом РФ. Жалоба была признана недопустимой, Суд счел ее доводы оценкой принятых по делу правоприменительных решений⁹² (представляется, с этим нельзя в полной мере согласиться, т.к. речь идет о разном толковании коммерческой тайны по бланкетному законодательству и в практике судов по уголовным делам).

Сведения о внешнем облике человека, представленные изображением, как и любая информация, могут быть объектами разных правовых режимов. Прежде всего, гражданско-правового режима изображения гражданина, основанного на действии ст. 152¹ ГК РФ: «...внешний облик гражданина и его изображение не являются тождественными, причем последнее представляет собой некий информационный объект, приобретающий отдельный (от облика) правовой режим...»⁹³. Между тем, на изображение человека могут распространяться также режимы тайн и режим персональных данных (в том числе – теоретически – специальных режимов персональных данных: а именно, биометрических).

На этапе анализа понятия изображения человека важно ответить на вопрос, относится ли оно к персональным данным в целом и к биометрическим персональным данным в частности. Положения ст. 152¹ ГК РФ прямо с этим не

⁹¹ Суды устанавливают наличие или отсутствие режима коммерческой тайны в отношении сведений на основании содержания. См., напр.: «Отсутствие на электронных документах пометки, предупреждающей третьих лиц о коммерческой тайне и о порядке обращения с ней, на чем акцентирует внимание сторона защиты, настаивая на невиновности ..., само по себе не означает, что содержащаяся в них информация не составляет коммерческую тайну, поскольку она отнесена к таковой в силу закона». Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 14.03.2025 по делу № 10-1175/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹² Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25 июня 2024 г. № 1500-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никурашина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 183 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями 1, 2 и 5 статьи 10 Федерального закона «О коммерческой тайне» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision769060.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

⁹³ Микрюков В.А. О дифференцированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2. С. 47–51. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

связаны; кроме того, они – результат генезиса права на изображение, а потому рассматриваются подробнее в пар. 1.3 «Уголовно-правовая защита права на изображение».

Легальное определение персональных данных основано на нескольких ключевых признаках: относимость к *физическому лицу*; это лицо *определенное или определяемое*; оно определенное или определяемое *прямо или косвенно*⁹⁴. Названные признаки требуют конкретизации, что подтверждается отсутствием единообразной практики применения ст. 13.11 КоАП РФ («Нарушение законодательства Российской Федерации в области персональных данных»). Отчасти это обусловлено прежней редакцией ст. 3 ФЗ о персональных данных, действовавшей до 1 сентября 2011 г.: «...относящаяся к определенному или определяемому *на основании такой информации* физическому лицу (субъекту персональных данных), в том числе...» (выделено мной – Т.А.)⁹⁵. Действующая редакция указывает на *прямую или косвенную идентификацию*⁹⁶. Законодатель сделал переход от того, что идентификация должна быть возможна только и непосредственно на основании представленных данных, к тому, что идентификация должна быть возможна хотя бы в сочетании с иными данными, пусть и не представленными.

А.И. Савельев называет этот признак «идентифицирующим потенциалом» и полагает, что не стоит критиковать законодателя за переход к широкому определению, т.к. подобные широкие формулировки закреплены в Конвенции о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных

---

⁹⁴ П. 1 ст. 3 ФЗ о ПДн.

⁹⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» в первоначальной редакции от 27.07.2006 // «Российская газета», № 165, 29.07.2006.

⁹⁶ В ред. Федерального закона от 25.07.2011 № 261-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О персональных данных» // «Российская газета», № 162, 27.07.2011.

данных⁹⁷ и многих правопорядках⁹⁸. Действительно, в ст. 4 Регламента Европейского парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных (далее – GDPR) в основе определения персональных данных также лежат признаки «определенное или определяемое лицо» («identified or identifiable»), «прямо или косвенно» («directly or indirectly»)⁹⁹. Однако для полноценного анализа необходимо учесть не только легальное определение, но и правоприменительную практику.

Десять лет назад суды представляли развернутую аргументацию, почему данные, которые сами по себе, вне связи с другой информацией, не позволяют установить лицо, *не являются персональными*: «К числу данных, которые не могут рассматриваться, по крайней мере, по отдельности друг от друга в качестве персональных, могут быть отнесены: фамилия, имя, отчество, адрес проживания, электронный адрес, номер телефона, дата рождения... Такие данные должны быть отнесены к персональным данным только в том случае, если они хранятся и обрабатываются совместно с идентификаторами, которые сами по себе определяют физическое лицо»¹⁰⁰. К идентификаторам, которые помогли бы однозначно установить субъекта, относятся данные паспорта, ИНН или иные государственные идентификаторы (уникальные, в отличие от ФИО).

А.И. Савельев отмечает, что узкий правоприменительный подход к толкованию персональных данных, «основанный на устаревших нормативных актах», стал менее распространенным: такие решения «в последние годы

⁹⁷ Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. ETS № 108 // Собрание законодательства РФ. 03.02.2014. № 5. Ст. 419. Конвенция заключена в Страсбурге 28.01.1981, ратифицирована Федеральным законом от 19.12.2005 № 160-ФЗ, вступила в силу для РФ 01.09.2013.

⁹⁸ Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁹ Article 4 «Definitions». Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016; cor. OJ L 127, 23.5.2018.

¹⁰⁰ Определение Заельцовского районного суда города Новосибирска от 18.09.2015 по делу № 2-2476/2015.

встречаются в судебной практике уже крайне редко»¹⁰¹. Однако нельзя утверждать, что подобные решения сейчас вовсе отсутствуют: так, в 2024 г. Седьмой кассационный суд общей юрисдикции рассматривал дело об административном правонарушении. В сообществе садоводов были опубликованы данные трех лиц – 1) имя, отчество, номер телефона; 2) имя, отчество, место работы, ученая степень; 3) фамилия, имя, фамилия и инициалы представителя по доверенности. Судья районного суда пришел к выводу, среди прочего, что номер телефона не позволяет однозначно идентифицировать лицо, поэтому его использование не является обработкой персональных данных. Кассационный суд с этим согласился, отвергнув доводы представителя Управления Роскомнадзора¹⁰². Этот же суд в другом деле согласился с тем, что адрес электронной почты сам по себе не является персональными данными¹⁰³. Поскольку описанная практика сформирована на уровне кассационного суда, ее нельзя признать единичной.

Изображения человека оцениваются, с точки зрения режима персональных данных, схожим образом. Например: «на телеканале ... использованы видеоизображения нескольких физических лиц, при этом изображение гражданина будет являться персональными данными *исключительно в совокупности с дополнительной информацией*, позволяющей отнести ее к конкретному физическому лицу (выделено мной – Т.А.)»¹⁰⁴.

Таким образом, если следовать формально устаревшему, но до сих пор применяемому судами подходу, согласно которому признак персональных данных – обязательная возможность идентификации лица на их основании, то *далеко не любое изображение будет относиться к персональным данным*.

Помимо общего режима персональных данных, в ФЗ о персональных данных закреплена категория биометрических персональных данных. На первый взгляд,

¹⁰¹ Савельев. Указ. соч.

¹⁰² Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2024 № 16-2695/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰³ Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.12.2024 № 16-4987/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁴ Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2024 № 16-2227/2024 (УИД 54RS0002-01-2022-004489-16) // СПС «КонсультантПлюс».

изображение характеризует физиологические свойства человека, т.е. отвечает как минимум одному признаку биометрических данных, названных в ч. 1 ст. 11 ФЗ о персональных данных: «сведения, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека...». В уголовно-правовой доктрине можно встретить точку зрения, что этого достаточно для признания изображения биометрическими персональными данными¹⁰⁵.

Однако особенностью биометрических персональных данных по российскому законодательству является проведение идентификации на их основе, т.е. простой фиксации внешнего облика для отнесения к такой категории недостаточно. Согласно формулировке закона (ч. 1 ст. 11 ФЗ о персональных данных), биометрические персональные данные «используются оператором для установления личности субъекта персональных данных» (выделено мной – Т.А.). Поэтому большинство фото- и видеоизображений лица к биометрическим персональным данным не относится. В частности, было признано отсутствие состава административного правонарушения по ч. 6 ст. 13.11 КоАП РФ, поскольку «видеозапись не содержит сведений, позволяющих идентифицировать С.Е. как конкретного субъекта персональных данных»¹⁰⁶. «Целевая» специфика иллюстрируется идентификацией при пересечении границы РФ или прохождении на охраняемые объекты в системе контроля доступа (СКУД)¹⁰⁷.

В то же время существенна разница между фотографией на пропуске или в паспорте, с которой сличают внешний облик, и технологиями, которые обеспечивают высокую точность идентификации, независимо от естественных

¹⁰⁵ Хохлова Е.В. К вопросу о защите изображения человека как персональных данных (на основе судебной практики по ст. 137 УК РФ) // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 300.

¹⁰⁶ «М.Е.С. осуществляла видеосъемку на камеру мобильного телефона с участием С.Б. без уведомления последней об осуществлении видеозаписи. С.Б. обратилась в Управление Роскомнадзора ..., полагая, что нарушены требования части 1 статьи 11 Закона о персональных данных в связи с отсутствием ее согласия на обработку биометрических данных». Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2020 № 16-894/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰⁷ См., напр.: Платонова Н.И., Соловьева-Опошнянская А.Ю. Биометрические персональные данные: возможности и проблемы // Юрист. 2019. № 6.

изменений внешности. По российскому законодательству, необязательно использовать особые биометрические технологии, чтобы признать изображение биометрией (в ст. 11 ФЗ о персональных данных не содержится никаких соответствующих требований). Поэтому в литературе предлагается обособить понятия биометрических персональных данных (вне зависимости от целей обработки) и биометрических идентификаторов (если данные используются для идентификации)¹⁰⁸.

Биометрический идентификатор относится к процедуре биометрической идентификации в узком – технологическом – смысле слова. Такая идентификация проходит несколько этапов: 1) фиксацию внешнего облика; 2) *выделение* из полученного изображения устойчивых знаковых элементов, которые не подвержены или мало подвержены изменениям; 3) их внесение в базу данных; 4) последующее соотнесение образцов с ранее полученным знаковым набором.

Например, для работы технологии распознавания лиц необходимо выделение таких устойчивых параметров, как расстояний между определенными частями лица. Другой, более эффективный, метод – тепловизионный: он позволяет вычислить рисунок кровеносных сосудов, не меняющийся с течением времени¹⁰⁹.

Таким образом, сначала получено изображение человека, которое на этом этапе еще не используется для идентификации. Затем из изображения выделяется знаковый набор – этот набор уже нельзя считать изображением (это не внешний облик). Он описывается как «биометрический дескриптор» / «биометрический ключ», при этом для российской системы оплаты по биометрии в метро подчеркивается, что биометрические ключи преобразовать обратно в изображения невозможно¹¹⁰.

¹⁰⁸ Афанасьев С.Д., Терещенко И.А., Яцкевич Д.А. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. 2022. № 3. С. 36.

¹⁰⁹ Vacca J.R. Biometric Technologies and Verification Systems. Elsevier, 2007. С. 95–96.

¹¹⁰ Такие описания со ссылкой на разработчиков технологии FacePay и заместителя Мэра Москвы М. Ликсутова приводят СМИ. См.: Исакова Т., Гаврилюк А. За проезд проголосовали лицом. Москвичи начали сдавать биометрию для оплаты в метро // Газета «Коммерсантъ». № 189/П от 18.10.2021. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5038990> (дата обращения: 14.01.2024).

Что относится в данном случае к биометрическим данным – первоначальное изображение человека или выделенные из него значения? Изображения в момент созиания – не биометрические данные (а точнее, не биометрические идентификаторы, если разграничивать эти понятия, *вопреки* буквальному смыслу законодательства). Однако фактически они становятся биометрическими *впоследствии*, если сначала, при сборе, идентификация на их основании не производится, а при последующей передаче – производится, т.е. происходит «постфактум» обработка.

В разъяснениях Роскомнадзора, утративших силу, излагалась позиция, что при видеосъемке в публичных местах данные не являются биометрическими, пока не передаются для установления личности. Однако изображения становятся таковыми, если используются органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность¹¹¹. Данная проблема актуализировалась и в деле о технологии распознавания лиц в потоковом режиме. Административный истец настаивала на том, что ее биометрические персональные данные обрабатывались без законных оснований, что выявилось в результате привлечения ее к административной ответственности. Осматривались записи с камер городской системы видеонаблюдения с применением технологии распознавания лиц. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении требований истца, указав следующее:

«Алгоритм распознавания лиц, используемый в ЕЦХД [Единый центр хранения и обработки данных], сравнивает изображение, поступающее в ЕЦХД с видеокамер, с фотографией, предоставленной правоохранительным органом. В процессе обработки соответствующих изображений происходит их сравнение на наличие/отсутствие совпадений. Департаменту [информационных технологий г. Москвы] не передаются персональные данные (ФИО и пр.) искомых лиц,

---

¹¹¹ Разъяснения Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видео- изображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим персональным данным и особенности их обработки»// Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). № 36. 13.09.2013.

поскольку у Департамента нет технической и юридической возможности осуществлять их сопоставление»¹¹².

На этом основании суд признал, что Департамент не проводил процедуру идентификации личности, а, следовательно, видеоизображения граждан не могут считаться биометрическими персональными данными, т.е. Департаменту не нужно получать специальное письменное согласие на их обработку. Несмотря на то, что эта позиция признается специалистами обоснованной¹¹³, есть основания опасаться, что она может повлечь нарушение принципов доступа к биометрическим данным при «постфактум» обработке¹¹⁴. Такая обработка имела место в рассматриваемом случае: изображения собирались оператором, который *не* использовал их для идентификации (поэтому изображения в этот момент не считались биометрическими), однако идентификация производится позднее – сотрудниками МВД России, имеющими доступ к ЕЦХД (а значит изображения приобретали характер биометрических).

Таким образом, проблема «постфактум» обработки вызвана изменением статуса изображений при обработке разными субъектами. Это порождает существенную разницу правового режима у разных изображений. Фотография на пропуск, которая почти всегда будет использоваться для идентификации личности, будет биометрическими данными, хотя это не биометрический идентификатор. Она не способна обеспечить надежную и длительную идентификацию. Изображения, из которых вычленяются биометрические ключи, напротив, биометрическими данными не являются, поскольку в момент их фиксации цели идентификации не преследуется.

¹¹² См. Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 11 ноября 2019 г. по делу № 2а-577/19, оставленное в силе судами апелляционной и кассационной инстанций. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/savyolovskij/services/cases/kas/details/988f386e-be51-47b0-b48f-e871043ef1fc> (дата обращения: 01.04.2025).

¹¹³ В частности, А.И. Савельев считает возможным признать «обоснованным резонансное решение...». См. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁴ Афанасьев С.Д., Терещенко И.А., Яцкевич Д.А. Указ. соч. С. 44.

Итак, для целей уголовного права важны следующие особенности изображений:

- изображение человека представляет собой его зафиксированный внешний облик;
- изображение человека – информация (сведения, данные), материал;
- изображение человека – это сведения, на которые может распространяться действие различных правовых режимов: они могут составлять охраняемую законом тайну, могут быть открытыми;
- многие изображения человека не являются персональными данными, т.к. на их основании без иных сведений не представляется возможным установить личность;
- к биометрическим персональным данным изображение человека относится только тогда, когда оно, то есть само изображение, используется для идентификации лица; если же из него выделены биометрические идентификаторы, то первичное изображение не будет относиться к биометрическим персональным данным.

1.2. Понятие и особенности изображения человека как предмета преступления

Рассмотрев выше, что собой представляет изображение человека, как оно соотносится с информацией и материалами, а также какое значение для регулирования информации имеет категория «правовой режим», необходимо учесть сделанные выводы при анализе структуры состава преступления. Изображение человека, как и другая информация, может быть предметом преступления или средством его совершения.

Поскольку в задачи исследования не входит рассмотрение всех концепций объекта преступления, ограничимся утверждением, что автор здесь и далее исходит из того, что объектом преступления являются «наиболее важные, наиболее значимые для интересов государства и общества общественные отношения,

которым преступные посягательства могут причинить достаточно серьезный, существенный вред»¹¹⁵.

С точки зрения рассмотренных выше понятий с объектом преступления непосредственно связана категория правового режима: он характеризует основания и условия отнесения информации к определенной категории, права и обязанности субъектов в отношении действий с информацией, порядок доступа к ней, меры защиты. Наличие посягательства на информационные отношения всегда устанавливается с опорой на действие правового режима, который указывает на объект. О правовом режиме идет речь и в тех случаях, когда объект не связан с режимами тайн или персональных данных. Например, о правовом режиме рассуждают применительно к предмету преступлений против общественной нравственности: «из множества существующих предметов, в отношении которых установлен особый правовой режим, уголовный закон выделяет... порнографические предметы...»¹¹⁶.

Если незаконно распространены сведения, в отношении которых введен режим коммерческой тайны – то посягательство произошло на отношения по охране коммерческой тайны. Если в отношении конкретных сведений действует одновременно несколько режимов – это необходимо учесть в процессе квалификации, определить потенциально применимые уголовно-правовые нормы.

За основу определения предмета преступления в целях данного исследования может быть взято следующее: «вещественный элемент материального мира, воздействуя на который виновный осуществляет посягательство на объект преступления»¹¹⁷. Вместе с тем приведенная формулировка нуждается в двух

¹¹⁵ Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988. С. 16.

¹¹⁶ Введение правового режима обусловлено особыми свойствами или назначением предметов – в связи с данными свойствами / назначением возникают или существуют общественные отношения. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Изд. профессора Малинина. СПб., 2005. С. 206–207 (автор главы II «Объект преступления» – Коржанский Н.И.) С. 216.

¹¹⁷ Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецовой и к.ю.н., доцента И.М. Тяжковой. М., 1999. С. 210 (Автор главы VII «Объект преступления» – А.В. Пашковская).

уточнениях: 1) по признаку материальности; 2) по вопросу взаимосвязи предмета преступления с элементами состава.

До настоящего времени сохраняет актуальность позиция, что предмет преступления обязательно носит овеществленный характер¹¹⁸ (в таком случае предметом преступления может быть только информация на материальном носителе, а не любая информация). Однако значение информации в общественных отношениях возрастает, и все больший объем информации теряет связь с материальным носителем (например, сведения, которые размещены на интернет-сайтах, в социальных сетях, облачных хранилищах). Поэтому узко-материальное понимание предмета преступления отходит на второй план именно благодаря такой категории, как информация: с ее помощью иллюстрируют, что предмет не обязательно должен быть овеществлен¹¹⁹, и с этим нельзя не согласиться.

Некоторые авторы сохраняют признак материальности предмета в его определении, но толкуют его так, что материя – это объективная реальность, а потому «и права, и интеллектуальные ценности, и блага … составляют эту реальность, то есть материальны, поскольку существуют здесь и сейчас, в этом мире»¹²⁰. Другие исследователи предлагают однозначно признать, что предмет может быть нематериальным (идеальным)¹²¹, или допускают прямое исключение

¹¹⁸ Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Изд. профессора Малинина. СПб., 2005. С. 206–207 (автор главы II «Объект преступления» – Коржанский Н.И.) См. также: Кузнецов И.В. Понятие и виды предметов преступлений в уголовном праве России. Дис. … к.ю.н. Орел, 2006. С. 31. Автор признает сведения на носителях предметом, хотя и объединяет в одну разновидность предметов преступлений – объекты интеллектуальной собственности – не только объекты интеллектуальных прав, но и государственную, коммерческую, налоговую тайны, тайну частной жизни, что ошибочно. С. 12, 60, 79; Курманов А.С. Объекты преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина: учебное пособие. Уфа, 2019. С. 42–43.

¹¹⁹ Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты: монография. М., 2015. С. 189–190; Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009. С. 61; Яшков С.А. Информация как предмет преступления. Дис. … к.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 93.

¹²⁰ Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления. Дис. … к.ю.н. Ярославль, 2002. С. 60.

¹²¹ Асланян Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: монография. М., 2019. С. 19.

для информации: «...помимо них [объектов материального мира], предметом преступления может выступать также социально значимая информация...»¹²².

Представляется, что предмет преступления можно описать как материализованный элемент мира. «Материальный» означает «вещественный», материализованный – получивший воплощение в наглядной форме¹²³. Представляется, что для информации, как предмета преступления, материализованность допустимо учитывать любую: устную, письменную, зрительную. Тем самым терминологическая замена позволит учесть, что предмет не обязательно должен быть овеществленным, это могут сведения. Идея не может быть предметом преступления до тех пор, пока она не материализована, т.е. не воплощена в какой-либо форме.

Другой важный вопрос: к какой подсистеме состава преступления относить предмет – к объекту или к объективной стороне? Автор данной работы придерживается позиции, что предмет преступления – это признак, входящий в подсистему объекта преступления¹²⁴. Связь объекта и предмета может быть описана по-разному. Согласно одной из позиций, «так называемый "предмет" преступления – это всего лишь составная часть объекта преступления – общественного отношения»¹²⁵. Предмет описывается как признак, который всегда состоит в связи с объектом посягательства¹²⁶; в нем отражаются определенные стороны, свойства общественных отношений¹²⁷. По образному выражению Н.Ф.

¹²² Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-прикладной анализ. М., 2006. С. 55.

¹²³ Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. Кузнецов С.А. М., 2000. Цит. по электронному ресурсу. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 20.08.2025).

¹²⁴ Иной взгляд – относить предмет к подсистеме объективной стороны (Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006. С. 84) или выделять разные категории: например, В.Н. Винокуров разграничивает предмет преступления и предмет совершения преступления. Последнему свойственно участие в процессе совершения, а потому предметы совершения преступления, включая порнографические материалы и предметы, автор предлагает относить к объективной стороне (Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты: монография. М., 2015. С. 197, 221–222).

¹²⁵ Никифоров Б.С. Объект преступления. М., 1960. С. 132.

¹²⁶ См., напр.: Коржанский Н.И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации): учебное пособие. Волгоград, 1976. С. 8.

¹²⁷ Там же. С. 17.

Кузнецовой, предмет – это «внешняя "мишень" объекта, представляющая его во внешнем мире, по которой "бьет" субъект...»¹²⁸.

Однако связь предмета преступления с объектом не обязательно выражена в том, что предмет является составной частью охраняемых общественных отношений. Предмету преступления свойственно прямое указание на объект, вред объекту устанавливается благодаря свойствам предмета¹²⁹. Например, распространение эротического материала априори не может повлечь причинение вреда общественной нравственности, по сравнению с материалом порнографическим. Это иллюстрирует, как свойства предмета преступления указывают на то, каким именно общественным отношениям причинен вред.

Воздействие на предмет может производиться по-разному, в том числе это может быть изготовление: денежных знаков, оружия, порнографических предметов и др.¹³⁰ В связи предмета с объектом проявляется основополагающее отличие средства от предмета: средство «не имеет непосредственной связи с объектом преступления»¹³¹. Свойства и особенности средства преступления не способны указать на объект преступления.

Таким образом, предмет преступления – это признак, входящий в подсистему объекта преступления, представляющий собой материализованный элемент мира, воздействуя на который виновный осуществляет посягательство на объект преступления. Свойства предмета указывают на объект, которому причиняется вред в результате совершения преступления.

Каковы ключевые особенности именно изображения человека как предмета преступления?

¹²⁸ Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 2007. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹²⁹ Так, В.Я. Таций понимал под предметом преступления «любые вещи материального мира, с определенными свойствами которого уголовный закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления». Таций В.Я. Указ. соч. С. 47.

¹³⁰ Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: учебное пособие. Волгоград, 1976. С. 70.

¹³¹ Кудрявцев В.Н. Состав преступления. Лекция 1. Понятие и значение состава преступления. Объект преступления. М., 1957. С. 26.

1. Изображение человека – это сведения, информация; поэтому в первую очередь речь должна идти о тех преступлениях, в которых предметом является информация.

Информация как предмет преступления должна идентифицировать объект посягательства. В некоторых составах (например, нарушении неприкосновенности частной жизни) изображение, отвечающее признакам личной тайны, представляя собой предмет преступления, прямо указывает на общественные отношения в сфере охраны личной информации человека и является его составной частью, поскольку отношения по защите тайны возникают в связи с защитой интимного облика (в целом) и этим изображением (в частности).

Сведения, включая изображения человека, могут быть *средством* таких преступлений, как понуждение к действиям сексуального характера¹³², мошенничество¹³³, вымогательство¹³⁴. Распространение или угроза распространения таких сведений – это способ совершения названных преступлений.

По-разному описаны сведения, на которые воздействует виновный, для составов клеветы и оборота порнографии: и порнографические материалы, и порочащие сведения в ряде работ предлагается относить к средствам совершения преступления¹³⁵. Автор исследования придерживается иной позиции, относя и

¹³² Обвиняемый понуждал «под угрозой сообщения супругу потерпевшей сведений о том, что они с [потерпевшей] состояли в интимных отношениях...» Дело было прекращено в связи с примирением сторон. Постановление 35 гарнизонного военного суда от 27.06.2019 № 1-29/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³³ «...заведомо ложные, не соответствующие действительности сведения, относящиеся к его личности, его полномочиям и намерениям...введя потерпевшую в заблуждение относительно истинных своих намерений, он указал недостоверную информацию о том, что является сыном главы района Киргизии, представив фотографию с его изображением, который был известен последней...» Приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 21.02.2023 по делу № 1-6/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁴ Обвиняемый «решил использовать это для личного обогащения, путем требования от [потерпевшего] денежных средств под угрозой распространения среди местного населения и военнослужащих сведений о сексуальных предпочтениях [потерпевшего], очевидно его позорящих». Приговор Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 24.06.2025 № 1-353/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

¹³⁵ См. позицию по клевете и оскорблению: Чередниченко Е.Е. Клевета и оскорбление: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики): монография. М., 2010. С. 23, 65;

порочащие сведения, и порнографические материалы к предмету преступления¹³⁶. В основе оспариваемого подхода – тот факт, что сведения (или материалы) находятся *вне* охраняемых общественных отношений. Например, общественные отношения по охране нравственности складываются в связи с материалами, не относящимися к порнографии (хотя нельзя не согласиться с тем, что определенный «набор» вариантов законных действий с порнографическими материалами все же существует – в рамках следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также ненаказуемое приобретение и хранение порнографии с изображениями совершеннолетних лиц¹³⁷). Применительно к клевете также отмечается, что честь как объект преступления представлена той информацией о человеке, которая содержится в сознании адресатов, поэтому только такая информация теоретически могла бы быть предметом, а не заведомо ложная¹³⁸.

Тем не менее, как было показано ранее, связь предмета и объекта может быть различной, предмет не обязательно должен быть частью охраняемых общественных отношений. Верное установление всех признаков клеветнического коллажа (наличие в нем определенных фактов о конкретном лице, порочащий

Яшков С.А. Информация как предмет преступления: дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2005. С. 96–98. См. позицию по порнографическим материалам: Куликов В.Н. Юридическая теория порнографии. М., 2012. С. 47. Винокуров В.Н., в продолжение своей позиции о разграничении предмета преступления и предмета совершения преступления, порнографические материалы относит к последнему, т.е. признаку объективной стороны. Винокуров В.Н. Указ. соч. С. 221–222.

¹³⁶ Порочащие сведения рассматриваются как предмет клеветы и другими исследователями: Аниськина Э., Муллахметова Н. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. 2020. № 5. С. 6–12; Арямов А.А., Пономаренко В.С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М., 2010. С. 136–137. Порнографические материалы и предметы также именуются *предметом* преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ: Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43–48.

¹³⁷ Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: монография. М., 2022. С. 505–506.

¹³⁸ Однако автор излагаемых рассуждений, А.А. Гребеньков, признает, что «выделение в качестве предмета преступления сознания людей лежит далеко за пределами отечественной уголовно-правовой традиции». Итоговый вывод его статьи, относительно состава клеветы, в том, что ложную информацию нельзя относить и к средству – это характеристика способа. Гребеньков А.А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex Russica. 2018. № 4 (137), апрель. С. 115–116.

характер) непосредственно указывает на объект, отражает искажение облика лица в глазах общества (т.е. посягательство на честь). Аналогично порнографический характер материалов сигнализирует о причинении вреда именно общественной нравственности.

2. Вторая особенность изображения человека в том, что оно, представляя собой информацию, воспринимается целостно и одномоментно, не требует для восприятия таких когнитивных усилий, каких требуют вербальные сведения. Поэтому предмет определенных преступлений чаще представлен изображениями человека, чем вербальными сведениями. Так, материал, как предмет преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ, теоретически может быть любой, в том числе вербальный – однако самым распространенным материалом на практике является аудиовизуальный¹³⁹.

Целостное, яркое и одномоментное восприятие учитывается законодателем: например, новый квалифицирующий признак ряда составов «совершение с публичной демонстрацией...»¹⁴⁰ ясно указывает на демонстрацию изображения. И хотя в действующем уголовном законе изображение насилия характеризует способ, если бы законодатель избрал альтернативный подход – конструирование самостоятельной нормы об ответственности за демонстрацию преступлений – то изображение было бы предметом преступления.

3. Изображение человека может подлежать одновременной охране правовыми режимами тайн, персональных данных, а также гражданско-правовым режимом права на изображение. Изображение человека может быть составной частью самых разных сведений, подлежащих защите: например, сведения о физических лицах, сотрудничающих с разведывательными органами, могут составлять государственную тайну¹⁴¹, а такие сведения очевидно могут включать и изображения указанных физических лиц.

¹³⁹ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 510–511.

¹⁴⁰ Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 181. 15.08.2024.

¹⁴¹ «Сведения о лицах, изучаемых в целях их привлечения к сотрудничеству на конфиденциальной основе, сотрудничающих или сотрудничавших на конфиденциальной основе

Однако особенности государственной, коммерческой, налоговой и банковской тайн в том, что защищаемое ими изображение человека интегрировано в другую информацию о физическом лице. Следовательно, изображение человека будет предметом соответствующих преступлений только в составе других сведений (как правило, документированных).

Кроме того, изображение человека может быть объектом отдельного права – права на изображение. Принимая во внимание судебную практику, следует признать, что *право на изображение* фигурирует прежде всего по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни (т.е. преступлениях, предусмотренных ст. 137 УК РФ). Становлению права на изображение и его уголовно-правовой защите посвящен параграф 1.3.

Поскольку норма, запрещающая посягательства на личную и семейную тайну, является бланкетной, при описании объекта и предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, допустимо указание на положения ст. 152¹, 152² ГК РФ¹⁴² (частью бланкетного регулирования являются в том числе положения гражданского законодательства о праве на изображение). Н.И. Пикуров обращает внимание на то, что соответствующие действия могут оказаться законными даже в случаях, «оказалось бы, очевидности интимного характера информации, имеющей визуальную форму (например, фото или видеозображения)…»¹⁴³.

Изображение человека, выступая объектом *права на изображение*, может быть предметом других преступлений: нарушения тайны переписки, неприкосновенности жилища, преступлений в сфере компьютерной информации.

с органами, осуществляющими разведывательную деятельность». П. 86 Указа Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 246. 27.12.1995.

¹⁴² Предмет преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, в данном случае – фотоснимки потерпевшей в нижнем белье. Суд при установлении признаков состава анализировал названные положения гражданского и информационного законодательства, а также международные правовые акты. Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 21 мая 2019 г. по делу № 1-107/2019. URL: www.sudact.ru/regular/doc/LEuYkJ1SmR/ (дата обращения: 05.05.2025).

¹⁴³ Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. М., 2025. С. 184.

Квалификационные сложности при применении положений ст. 137 УК РФ и конкурирующих норм подробнее рассмотрены в пар. 1.3.

4. В то же время изображение человека, какими бы средствами оно ни было зафиксировано, может относиться к изобразительному искусству, творчеству. Поэтому оно может быть предметом нарушения авторских и смежных прав (ст. 146 УК РФ), культурной ценностью (и, как следствие, быть предметом преступлений, ответственность за которые установлена ст. ст. 190, 226¹, 243, 243³ УК РФ).

Если изображение человека – культурная ценность, то есть имеет историческое, художественное, научное или культурное значение¹⁴⁴, то для квалификации приоритетна его художественная значимость, а не то, что именно изображено. Культурной ценностью может быть как портрет, так и пейзаж. Тот же вывод применим к объектам авторского права: их уголовно-правовая защита никак не обусловлена спецификой изображения человека. Поэтому названные нормы в работе подробнее не рассматриваются, но связь с искусством, обозначенная как особенность изображений человека, проявляется и по-другому.

Так, говоря о преступлениях «в сфере искусства», некоторые авторы относят к ним проявления криминального «искусства», или анти-искусства, включая вандализм, незаконный оборот порнографических материалов и предметов, возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства¹⁴⁵. Нельзя согласиться с тем, что объект оборота порнографии и возбуждения ненависти или вражды – общественные отношения в сфере охраны искусства. Создаваемое произведение, являющееся предметом таких преступлений, изначально не является произведением искусства, а если является – то художественные цели и средства указывают на отсутствие как общественной опасности, так и признаков состава (объекта, предмета, вины). Художественное значение произведений позволяет отграничить преступное от непреступного.

---

¹⁴⁴ Абз. 2 ст. 5 Закона РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. от 04.08.2023, с изм. и доп.) // Российская газета. № 92. 15.05.1993.

¹⁴⁵ Клейменов М.П., Мартышева О.М. Искусство как объект преступных посягательств // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2 (27). С. 146.

Наличие или отсутствие художественного значения в значительной степени основано на общественных представлениях о том, как и для чего допустимо и недопустимо изображать человека, с идеей человеческого достоинства. Конкретные способы изображения человека могут быть оценены обществом с позиций этики и эстетики.

С учетом четырех названных особенностей, а также практики применения уголовно-правовых норм, изображение человека может быть предметом следующих преступлений: нарушения неприкосновенности частной жизни (посягательств на личную и семейную тайны, тайну переписки); клеветы и оскорблений; обрата порнографических материалов; возбуждения ненависти или вражды; нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. Перечисленные преступления наиболее интересны для исследования темы, т.к. их предмет может быть представлен только изображением человека.

Кроме того, изображение человека может быть предметом тех преступлений, которые посягают на коммерческую, государственную и иные виды тайн, но – в отличие от личной и семейной тайн – только в составе других сведений. Изображение человека также может быть предметом нарушения авторских прав, разнообразных посягательств на культурные ценности, хотя в данном случае оно является предметом не потому, что изображен человек, а потому, что имеет культурное значение. Данная группа преступлений не рассматривается подробнее, т.к. в задачи исследования входит выявление специфики именно человеческого изображения.

Однако и преступления, в которых предмет может быть представлен только изображением человека, не единообразны. Они разделяются на две группы. *В первую группу входят те преступления, в которых предметом может быть только изображение реально существующего человека:* преступления против различных режимов тайн, в сфере компьютерной информации, против чести и достоинства. Следствие особенностей предмета – изображенное лицо является одним из субъектов охраняемых общественных отношений. Изображенный может

быть признан потерпевшим¹⁴⁶, хотя это не универсальное правило: допустим, изображенный является лицом, которому доверена государственная тайна – если он незаконно разглашает о себе сведения, составляющие государственную тайну, то тем самым посягает на охраняемый объект «изнутри» и является субъектом преступления. Бланкетное содержание названных уголовно-правовых запретов включает как конституционно-правовое регулирование прав и свобод, так положения отраслевого законодательства (например, гражданского и информационного).

Для указанной категории преступлений имеет значение также вопрос, может ли изображение человека быть предметом преступления, если оно не идентифицирует, кто именно изображен (утверждение о невозможности идентификации – распространенный довод стороны защиты по уголовному делу¹⁴⁷). Изображения в целом редко могут прямо идентифицировать изображенного, если на них не зафиксировано лицо человека. Без такой прямой фиксации опознать, кто конкретно изображен, может ограниченный круг лиц, знающий особенности внешности изображенного (по причинам близких отношений / проживания рядом / знания, во что бывает одет; так, в одном из дел в испанской судебной практике отмечалось, что потерпевшую узнали по анатомическим особенностям тела, кольцу, купальнику и часам¹⁴⁸).

Установление, узнал ли кто-либо потерпевшего, может быть необходимо для оценки последствий распространения изображения и, следовательно, оценки

¹⁴⁶ Автор присоединяется к позиции, что потерпевший – понятие материального уголовного права, в котором оно наполнено самостоятельным, по сравнению с процессуальным правом, содержанием. См. подробнее: Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты: монография. М., 2015. С. 162–163.

¹⁴⁷ См., напр.: Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 14.01.2022 по делу № 22-7540/2021; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 № 77-4361/2021; Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.07.2025 № 77-2006/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴⁸ Caballero Gea J.-A. Derecho al Honor, a la Intimidad Personal y Familiar y a la Propia Imagen Derecho de Rectificación Calumnia e Injuria. Síntesis y Ordenación de la Doctrina de los Tribunales y Fiscalía General del Estado. Segunda edición, ampliada, reformada y puesta al día. Madrid: Dykinson, 2007. С. 197–198. Ссылка на решение Верховного суда Испании: STS sala 1a, 17-6-2004, 608/2004, Recurso casacion 1754/2000.

общественной опасности конкретного деяния. Однако для изображения, как и для вербальных сведений, точное указание на потерпевшего не является обязательным: как пишет Н.С. Таганцев относительно оскорблений, «объектом ея является *persona certa*», хотя «для определенности объекта обиды вовсе не требуется, чтобы оскорбленный был назван по имени»¹⁴⁹.

«Распознавание» личности потерпевшего законотворцы иногда рассматривают как проблему: в частности, подобными обсуждениями сопровождалось внесение изменений в норму о клевете в части индивидуально не определенных лиц¹⁵⁰. Обоснование введения признака индивидуально не определенных лиц в пояснительной записке не приведено¹⁵¹, его можно почерпнуть из обсуждений в Государственной Думе Федерального Собрания РФ: была заявлена невозможность привлечь к уголовной ответственности в тех случаях, когда *не поименованы ФИО потерпевших*, а речь идет о журналистах конкретной редакции, врачах конкретного учреждения. Поправки предлагались для защиты «нескольких человек, которые не поименованы конкретно»^{152,153}.

В основании изменений в уголовный закон лежала ошибка в теоретико-правовом вопросе разграничения определенного и неопределенного круга лиц. Круг работников конкретного учреждения, приведенный в качестве примера, – индивидуально определенные лица. Установление, что сведения относятся именно

¹⁴⁹ Лекции по русскому уголовному праву, читанные заслуженным профессором Н.С. Таганцевым. Часть особенная. Санкт-Петербург, 1894. С. 374.

¹⁵⁰ Один из альтернативных признаков в ч. 2 ст. 128¹ УК РФ в редакции от 30 декабря 2020 г. – клевета в отношении нескольких лиц, «в том числе индивидуально не определенных».

¹⁵¹ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменения в статью 128¹ Уголовного кодекса Российской Федерации» // Материалы к законопроекту № 1074945-7. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7> (дата обращения: 01.03.2023).

¹⁵² Стенограмма заседаний Государственной Думы 22 декабря 2020 г. // База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы РФ» на официальном сайте ГД ФС РФ. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5570/> (дата обращения: 15 марта 2023 г.)

¹⁵³ См. подробнее по вопросу принятия законопроекта: Алексеева Т.С. Научная обоснованность признака «в отношении нескольких лиц» в составе клеветы // Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова / под ред. П.А. Филиппова, В.И. Селиверстова, П.С. Яни, М.А. Филатовой, П.П. Степанова, Т.С. Алексеевой. М., 2024. С. 125–132.

к потерпевшему, – это вопрос доказывания. Кто именно изображен, устанавливается с опорой на другие доказательства: например, если вместе с фотографиями размещены персональные данные потерпевшего и аналогичные показания дают свидетели¹⁵⁴.

Вторая группа преступлений отличается от первой тем, что изображение человека может быть предметом преступления в том числе тогда, когда изображен *не* существующий в реальности человек. Данная особенность обусловлена тем, что изображение любого человека может отражать собирательный, обобщенный, образ человека. Хотя для права привычно понимание человеческого достоинства как индивидуального права¹⁵⁵, оно существует и в другой парадигме – как объективное благо, ценность.

Т. Хёрнле и М. Кремницер указывают, что достоинству как некой объективной ценности могут причинять вред: 1) действия, на которые человек добровольно соглашается (совершает сам или позволяет совершить другим), несмотря на то, что эти действия унижают его; 2) действия, которые унижают не конкретное лицо, а само представление о человеке, человеческое достоинство.

Авторы признают, что понимание достоинства как объективной ценности или блага является менее привычным, предполагающим, что посягательство на достоинство не обязательно связано с обременением конкретной личности. Впрочем, Т. Хёрнле и М. Кремницер замечают, что такое понимание поддерживается правоприменительной практикой, и приводят в пример решение немецкого суда, запретившего так называемые пип-шоу (в которых женщины

¹⁵⁴ Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 14.01.2022 по делу № 22-7540/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁵ Однако в литературе встречается обоснование связи двойного термина «честь и достоинство» именно с объективным человеческим достоинством: формированием в советском обществе человека «нового типа» и необходимостью постоянно сверять свои моральные качества с заданными моральными образцами. Тараненко А.С. Общественная оценка человека как объект уголовной-правовой охраны. Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2015. С. 65.

совершают непристойные действия, а зрители наблюдают за ними через смотровые окна) на основании их несовместимости с человеческим достоинством¹⁵⁶.

Схожее понимание достоинства может быть прослежено в российской судебной практике по делам о мелком хулиганстве. Так, указывается, что нахождение в общественном месте в нетрезвом виде, приставание к гражданам оскорбляет человеческое достоинство¹⁵⁷. Оскорблять достоинство может и нахождение лица в обнаженном виде, тем более сопровождаемое приставанием «к гражданам путем навязывания им своей манеры поведения в общественном месте...»¹⁵⁸.

Объективное достоинство человека корреспондирует таким объектам преступлений, как общественная нравственность (изображения человека могут быть предметом незаконного оборота порнографических материалов) и конституционный строй, неотъемлемая часть которого – охрана равенства прав и свобод¹⁵⁹ (как показывает практика по ст. 20.3.1 КоАП РФ, изображения человека нередко являются предметом правонарушений, как правило – в сочетании со словесными выражениями¹⁶⁰). Представляется, что общественная нравственность

¹⁵⁶ Hörnle T., Kremnitzer M. Human Dignity as a Protected Interest in Criminal Law // Israel Law Review. 2011. Vol. 44. С. 148–149.

¹⁵⁷ См. напр.: Обобщение судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях по ст. 20.1 КоАП РФ Судебным участком № 1 города Медногорска // <https://med1.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-tiki-rassmotreniya-del-ob-> (дата обращения: 09 ноября 2024 г.)

¹⁵⁸ Решение Московского городского суда от 03.10.2023 по делу № 7-21891/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵⁹ Объект преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, описан как общественные отношения по поводу охраны конституционного строя, политической системы и безопасности, прав и свобод, в том числе отношения, обеспечивающие недопущение унижения достоинства человека или группы лиц по определенному признаку. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть. Разделы X–XII: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 4. Цит. по СПС «КонсультантПлюс» (автор комментария к ст. 282 УК РФ – Крупнов И.В.).

¹⁶⁰ Например, изображение Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Корея в РФ с текстом, направленным на возбуждение ненависти и вражды по признаку национальности (Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 16-7173/2023); «изображение лежащего мужчины в шляпе и нарисованной на лбу звездой Давида, над которым занесен топор, сопровождающееся надписью "С прощенным воскресеньем! Простите нас жиды - Терпенье Русских Лопнуло"» (Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 № 16-49/2023). // СПС «КонсультантПлюс».

также является объектом нарушения права на свободу совести и вероисповеданий (ч. 1–2 ст. 148 УК РФ)¹⁶¹. Несмотря на помещение нормы в главу о преступлениях против личности, установление потерпевшего далеко не всегда обязательно¹⁶², и норму предлагается считать специальной по отношению к нормам об экстремистских преступлениях¹⁶³ и норме об ответственности за хулиганство¹⁶⁴.

Некоторые исследователи считают объектом указанного преступления общественный порядок¹⁶⁵, с чем нельзя согласиться ввиду того, что вред соответствующими действиями причиняется в первую очередь восприятию религии, религиозным чувствам как компоненту общественной нравственности. Данный вред устанавливается с опорой на обобщенные чувства представителей той или иной конфессии. Например, по одному из уголовных дел о нарушении права на свободу совести и вероисповеданий суд обратил внимание на то, что в изображении «содержатся психолого-лингвистические признаки унижения религиозного

¹⁶¹ Ч. 1: «Публичные действия, выражющие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих...» Квалифицирующий признак в ч. 2 ст. 148 УК РФ – место, специально предназначенное для проведения богослужений, других религиозных обрядов и церемоний.

¹⁶² Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 114.

¹⁶³ См., напр.: Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. К вопросу о разграничении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ «Публичные действия, выражющие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» от преступлений экстремистской направленности // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности. Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (СГУ им. Н.Г. Чернышевского). Саратов, 2019. С. 241–246.

¹⁶⁴ Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Указ. соч. С. 115. Сами авторы, излагая точку зрения, что в ст. 148 УК РФ – специальные нормы по отношению к хулиганству, с этим не согласны: они обращают внимание на то, что некоторые признаки состава нормой о хулиганстве не охвачены (в частности, «публичные действия»). Один из кассационных судов общей юрисдикции прямо отвергает довод о норме в ч. 1 ст. 148 УК РФ как специальной, признавая возможной идеальную совокупность ч. 1 ст. 148 и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 № 77-2990/2024 (УИД 73RS0002-01-2023-005898-83) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶⁵ Круг потерпевших для ч. 1–2 ст. 148 УК РФ С.А. Юрков рассматривает как возможную причину, которая «может свидетельствовать о том, что эти действия в первую очередь нарушают общественный порядок, а не конституционные права и свободы человека и гражданина». Юрков С.А. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение свободы совести и вероисповеданий // Администратор суда. 2025. № 1. С. 10–15. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

достоинства (унижение ... представителей православия, а именно изображения полового акта мужчины и женщины, вместо лиц которых – лики святых...) »¹⁶⁶.

Хотя такой отдельный объект преступления, как человеческое достоинство в объективном смысле, не свойственен российскому праву, и включать его в уголовный закон в данной работе не предлагается, он все же дает понимание того круга деяний, в которых изображение человека является предметом преступления. Изображение человека в названных выше случаях предполагает изображение его в *определенном виде*, таком, который расходится с общественным восприятием человеческого образа или человеческих отношений.

Таким образом, для дальнейшего рассмотрения имеет значение, что изображения человека могут быть предметом нарушения неприкосновенности частной жизни (посягательств на личную и семейную тайны, тайну переписки); клеветы и оскорблений; оборота порнографических материалов; возбуждения ненависти или вражды; нарушения права на свободу совести и вероисповеданий. Преступные посягательства на культурные ценности и ряд режимов информации предполагают, что предметом могут быть изображения человека, но в составе иных сведений. При этом изображение человека является предметом преступления не только тогда, когда оно относится к реально существующему или существовавшему человеку, но и тогда, когда не имеет значения, существовал ли в действительности изображенный. Во второй группе случаев опасность действия с изображениями предопределена вредом объективному, абстрактному образу человека в общественных отношениях.

Отдельного внимания заслуживает категория «право на изображение», тесно связанная с конституционными и цивилистическими исследованиями и имеющая непосредственное значение для применения ряда уголовно-правовых норм. Право на изображение – отдельное право, становление которого пришлось на начало XX

---

¹⁶⁶ Приговор Индустримального районного суда города Хабаровска от 28.12.2017 по делу № 1-775/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

столетия и которое имеет важное значение в общей системе правовой защиты неприкосновенности частной жизни человека.

1.3. Уголовно-правовая защита права на изображение

Изображения человека в правовой науке стали активно обсуждаться еще в конце XIX века, во многом благодаря появлению фотографии, хотя многие примеры и выводы были основаны на портретах и никогда не сводились к фотографическим изображениям. Последнее легко объяснимо: перед гражданским правом стояла общая задача решить вопросы права на изображение «в связи с авторским правом на произведения живописи, скульптуры и фотографии»¹⁶⁷. Как писал один из сторонников признания права на изображение Г. Кейснер, право на имя уже признано, а право на изображение – нет, хотя наружность имеет значение более важное и существовать без нее нельзя, а без имени можно¹⁶⁸. Он отмечал, что, если изображение – слишком яркое вторжение в частную жизнь, «воспроизведенный таким образом имеет право требовать уничтожения изданного, *в чем уголовный закон должен оказать ему помощь* (выделено мной – Т.А.)». Г. Кейснер также прямо указывал на защиту уголовным законом в тех случаях, когда изображение рассчитано на оскорблечение изображенного¹⁶⁹.

О защите права на изображение в то же время заговорили и в рамках исследований права на неприкосновенность частной жизни. Так, в статье американских специалистов С. Уоррена и Л. Брандейса, ставшей значимым событием и за пределами правопорядка США, ее авторы, обобщая различные

¹⁶⁷ Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М., 1941. С. 124. Далее автор пишет: «Изключительное право автора ... на опубликование произведения может столкнуться с другим личным правом – с правом на собственное изображение». Коллизию норм предлагалось решать путем разрешения автору публиковать произведения, если нет прямого запрета изображенного. С. 189–190.

¹⁶⁸ Кейснер, Г. Право на свое изображение. Перевод с немецкого. Вильна, 1897. С. 30–31.

¹⁶⁹ Там же. С. 19, 43. К такому же выводу о применимости к изображениям статей уголовного уложения об обиде, клевете, диффамации пришел приват-доцент Казанского университета А.В. Завадский: см. Завадский А.В. О праве на собственное изображение (по поводу пар. 50 Проекта министра юстиции об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения). Доклад Юридическому Обществу при Императорском Казанском Университете 14 марта 1909 года. Казань, 1909. С. 3, 5–6.

условия и основания защиты изображений лиц (учитывая в том числе обязательства между фотографами и изображенными), приходят к выводу, что праву не нужно формулировать никаких новых принципов, если оно обеспечит защиту *внешности*, действий и слов человека, его личных отношений с помощью права на неприкосновенность частной жизни, или «the right to privacy»¹⁷⁰. Так названа и сама статья – «The Right to Privacy», именуемая в доктрине США отправной точкой формирования частной жизни в ее широком понимании¹⁷¹.

Незаконное использование облика и сейчас рассматривается как нарушение конституционного права на неприкосновенность частной жизни¹⁷². Нормативная основа права на неприкосновенность частной жизни – ст. 12 Всеобщей декларации прав человека¹⁷³; ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах¹⁷⁴; ст. 23, 24 Конституции РФ¹⁷⁵ и различные положения федеральных законов. В самом широком смысле неприкосновенность частной жизни включает не только защиту личной и семейной тайн, но и тайны переписки, неприкосновенности жилища, а также чести, достоинства, деловой репутации: «средством охраны личной жизни гражданина может служить привлечение виновного к ответственности за клевету...»¹⁷⁶.

---

¹⁷⁰ Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4. No. 5. С. 208–213. Как и иные исследователи их времени, авторы считают для определенных случаев желательной защиту уголовно-правовыми средствами. Там же. С. 219.

¹⁷¹ См., напр.: Blanke J.M. Criminal Invasion of Privacy: a Survey of Computer Crimes // 41 Jurimetrics J. 2001. С. 444.

¹⁷² См., напр.: Балашкина И.В. Право на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование. М., 2007. Дис. ... к.ю.н. С. 10.

¹⁷³ Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.

¹⁷⁴ Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17, ст. 291.

¹⁷⁵ Конституция Российской Федерации принесена всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.

¹⁷⁶ Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 27. По меньшей мере, признается, что право на защиту чести и доброго имени «имеет косвенное отношение к современному содержанию права на неприкосновенность частной жизни». Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001. С. 32.

С точки зрения цивилистической науки, изображение человека – нематериальное благо, а право на изображение – личное неимущественное право; при этом защита права на изображение обособлена от защиты исключительных прав и от защиты иных благ (личной тайны, чести и достоинства). Фотография – одновременно изображение человека и изобразительное произведение, но способы защиты и субъекты прав различаются. На фотографии есть изображенный – субъект права на изображение, но у фотографии есть автор – субъект авторского права, который, в свою очередь, исключительные права на фотографию может передать¹⁷⁷.

Цивилистический взгляд на природу права на изображения прошел определенную эволюцию: ранее охрана права на неприкосновенность частной жизни включала право на неприкосновенность «внешнего облика индивида (которое получило в литературе наименование права на собственное изображение)»¹⁷⁸. Сейчас частная жизнь и изображение человека рассматриваются как *нетождественные нематериальные блага*¹⁷⁹. Утверждается, что отсутствие имущественных аспектов права на изображение негативно отражается на возможностях распоряжаться своим правом и его защищать¹⁸⁰. Впрочем, неурегулированность имущественных аспектов нематериальных благ свойственна

¹⁷⁷ Например, в решении по иску о защите авторского права суд разграничивает аргументы, полагая, что согласие изображенных граждан не имеет никакого отношения к наличию авторского права: «правоотношения между автором фотографии "Зайчата.7" Масловой А.В. и малолетними гражданами, изображенными на фотографии не являлись предметом рассмотрения по настоящему делу». См. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2010 № 07АП-8979/10 по делу № А45-9031/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷⁸ Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983. С. 45.

¹⁷⁹ См., напр.: Балыкина Е.Б. К вопросу об охране изображения гражданина // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 27–33. Гавrilov Э.П. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25. См. также: Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001. С. 124, 153–183. Право на облик отнесено М.Н. Малеиной к правам, обеспечивающим индивидуализацию личности, а право на неприкосновенность и тайну частной жизни – к обеспечивающим автономию личности.

¹⁸⁰ Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты. Дис. ... к.ю.н. М., 2014. С. 53–55, 65. По мнению автора, то, что у изображений, голоса, имени нет экономического содержания, не соответствует современному состоянию и развитию отношений.

не только России: в Германии изображение прямо относят к еще более общему понятию единого личного неимущественного права, также не разграничивая его имущественные и неимущественные стороны¹⁸¹.

Хотя нематериальные блага (личная и семейная тайна, честь и достоинство, изображение человека и др.) в гражданском праве обособлены, их конституционно-правовые основы едины и не вызывает сомнений, что одно и то же изображение может быть рассмотрено через призму как права на изображение, так и личной тайны, чести и достоинства (выбор гражданско-правовых средств защиты остается на усмотрение субъекта права). Так, человек, изображенный на коллективном фотоизображении, сделанном по общему согласию всех изображенных на фотографии людей, вправе фотоизображение опубликовать, «за исключением случаев, если такое изображение содержит информацию о частной жизни указанных лиц (выделено мной – Т.А.)»¹⁸².

Право на изображение может быть защищено после смерти субъекта права, что подтверждается необходимостью получения согласия детей и супруга на использование изображения гражданина после его смерти (п. 1 ст. 152¹ ГК РФ). При этом охрана права на изображение не предполагает защиту облика, зафиксированного после смерти (т.е. облика тела после смерти) – данные отношения описываются судами как отношения по охране семейной тайны. Поэтому изображения потерпевшего, полученные при его жизни, будут объектом права на изображение, а информация об умершем, включая его облик после смерти, представляет собой личную и семейную тайну его родственников, а не изображение как нематериальное благо¹⁸³.

---

¹⁸¹ «В Германии, как известно, признается единое личное неимущественное право. Его составной частью является право на изображение, причем в рамках этого права признается и имущественный аспект». Беляева К.К. Распоряжение правом на изображение в Российской Федерации и за рубежом // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 27–60. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸² Абз. 3 п. 45 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8, август.

¹⁸³ Поэтому распространение сотрудниками больниц информации об умерших оценивается как нарушение положений ст. 137 УК РФ: «факт смерти пациента Р.Н.В. составляет

Заслуживает отдельного рассмотрения соотношение изображение человека и его облика, т.к. данное соотношение влияет на наличие правовой защиты от некоторых вариантов использования человеческого облика. Прежде всего целесообразно обозначить ситуацию, которая по-разному оценивается в литературе с точки зрения действующей ст. 152¹ ГК РФ:

- субъект предполагаемого права на изображение – гражданин А;
- другой гражданин В имитирует с помощью грима ключевые особенности внешности гражданина А, например, в рамках публичного выступления;
- выступление становится доступным определенному или неопределенному кругу лиц.

Для выступления не было использовано какого-либо конкретного зафиксированного изображения А – лишь известные особенности его внешности, которые могли быть собраны как при помощи нескольких изображений, так и при личном знакомстве.

Отмечается, что интересных судебных решений, в которых суды определяли бы границы понятие «изображение», немного, а большая часть судебной практики связана с использованием фотографий, т.е. зафиксированного облика¹⁸⁴. Хотя практика по толкованию понятия изображение действительно немногочисленна, обсуждаемый вопрос был обозначен, например, в гражданском деле по исковому заявлению Михайлова С.В. Облик истца использовался в художественном фильме, но не было использовано фотографий, видеозаписей или произведений изобразительного искусства, которые запечатлевали бы истца. Суды не поддержали исковые требования, указав, что «использовано не оригинальное изображение истца, что предполагало необходимость получения его согласия, а показана пародия на собирательный образ российского шоу-мена - эстрадного исполнителя, созданная на основе переработок различных образов»¹⁸⁵.

врачебную тайну, а также личную и семейную тайну его дочери...» // Постановление Городецкого городского суда Нижегородской области от 28.03.2025 № 1-66/2025.

¹⁸⁴ Беляева К.К. Указ. соч. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2013 по делу № 11-27507 // Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://m.mos>

В науке гражданского права по данному вопросу сложились разные мнения. Распространена позиция, что в ст. 152¹ ГК РФ изображение используется в значении «конкретный облик гражданина в определенный момент времени»¹⁸⁶, т.е. облик, зафиксированный в моменте (подход, которого придерживаются суды). В то же время отмечается, что в разных правопорядках существовали и существуют законодательные ограничения, связанные именно с индивидуальным обликом, а не изображением: обязанности носить определенную прическу, форму одежды, запрет носить бороду¹⁸⁷. Л.О. Красавчикова рассуждает о способах использования внешнего облика, связанных с использованием грима или хирургических операций: в результате изменений собственной внешности человек становится похож на другого (например, известного музыканта). Указанный специалист полагает, что в таких ситуациях право на изображение «может оказаться вообще неспособным защитить интересы гражданина, наружность которого была представлена широкой публике без его на то согласия»¹⁸⁸. Незащищенность незафиксированного облика порождает разные решения: например, предложение не понимать понятие «изображение гражданина» излишне ограничительно и включать в него использование внешнего облика¹⁸⁹. Развивается триада связанных с внешним видом понятий: «изображение», «облик» и «образ»¹⁹⁰.

Представляется, что дискуссионность объема права на изображение по смыслу ст. 152¹ ГК РФ не должна учитываться для целей описания предмета

gorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-civil/details/c8057998-131c-4052-9fe5-483291691dc1?caseNumber=11-27507/13 (дата обращения: 24.09.2025). См. аналогичную позицию судов: Апелляционное определение Московского городского суда от 08.10.2014 по делу № 33-25191 // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁶ Гаврилов Э. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸⁷ Из названных автором примеров – определенная прическа, отсутствие бороды, форма одежды и т.п. Малеина М.Н. Право человека на индивидуальный голос и его защита // Юрист. 2015. № 3. С. 17–22.

¹⁸⁸ Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 86.

¹⁸⁹ Николаева А.А. Указ. соч. С. 69–70.

¹⁹⁰ Образ формируется в том числе путем социального взаимодействия, проявляется не только во внешности, но и в стиле, поведении, творчестве. См. подробнее: Синельникова В.Н., Понкин И.В. Облик, образ и изображение гражданина как объекты гражданского права // Закон. 2025. № 8. С. 168–169.

преступления. Изменение внешнего облика может быть преступным последствием – пример тому неизгладимое обезображивание лица. Однако предмет причинения тяжкого вреда здоровью – сам человек, и «в таких случаях термин "предмет преступления" заменяют понятием "потерпевший"»¹⁹¹. А изображение человека в узком значении, как *зафиксированный облик*, представляет собой информацию, материал. Поэтому для целей уголовного права неприменимо толкование, что изображение человека – это и *зафиксированный облик*, и непосредственно внешний облик. Данные понятия целесообразно ограничить.

Тем не менее, регулирование права на изображение имеет значение для применения уголовно-правовых норм, нацеленных на защиту конституционных прав и свобод. В разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ бланкетный характер нормы об ответственности за собирание сведений, составляющих личную или семейную тайну, охарактеризован с опорой на ст. 152² ГК РФ¹⁹². Если предметом соответствующего преступления является изображение человека, то необходимо учитывать положения не только ст. 152² ГК РФ, но и ст. 152¹ ГК РФ, которыми закреплены законные основания использования изображения человека. Так, съемке в общественных местах может быть дана уголовно-правовая оценка только с учетом пп. 2 п. 1 ст. 152¹ ГК РФ.

Право на изображение важно не только как личное неимущественное право по смыслу ГК РФ, но и как компонент конституционного права на неприкосновенность частной жизни, поскольку данное право сближает многие объекты уголовно-правовой охраны. Объекты преступления, которые могут быть связаны с правом на изображение – общественные отношения по охране личной и семейной тайн, тайны переписки, неприкосновенности жилища, чести и

¹⁹¹ Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / Н.Н. Белокобыльский, Г.И. Богуш, Г.Н. Борзенков и др.; под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М., 2012. Цит. по СПС «КонсультантПлюс». Автор главы IX «Объект преступления» – Пашковская А.В.

¹⁹² Абз. 2 п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138¹, 139, 144¹, 145, 145¹ Уголовного кодекса Российской Федерации)».

достоинства. Следовательно, изображение человека как элемент отношений по защите *права* на изображение может быть предметом преступлений, предусмотренных ст. 137, 138, 139, 128¹ УК РФ, а также оскорблении (в условиях декриминализации общей нормы ответственность за оскорбление установлена исключительно нормами специальными, а достоинство личности в данных преступлениях является дополнительным объектом). Целесообразно остановиться на некоторых особенностях названных преступлений, после чего описать тенденции, важные для защиты права на изображение и имеющие значение для конструирования и применения уголовно-правовых норм.

В составах клеветы (ст. 128¹ УК РФ) и нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ) есть указание на предмет преступления: «сведения». Сведения могут быть представлены изображением человека. Так же как свобода выражения мнений не сводится только к свободе слова, так и клевета не сводится к речевому акту (устному или письменному): «...может быть изображено обстоятельство из жизни потерпевшего, не имевшее места в действительности и его позорящее»¹⁹³. Еще Н.А. Неклюдов, описывая клевету, обращал внимание на то, что «письмо» может быть заменено знаком или изображением, а под самим письмом «следует разуметь не только письма, но и бумаги, телеграммы, рисунки с присовокуплением слов и т.п.»¹⁹⁴. В текущей правоприменительной практике совершение клеветы с помощью изображений обычно предполагает использование технологий коллажа / фотошопа для придания изображению порочащего характера¹⁹⁵.

---

¹⁹³ Жижиленко А.А. Преступления против личности. Москва, Ленинград, 1927. С. 99.

¹⁹⁴ Руководство Особенной части русского уголовного права. Изд. по лекциям, читанным в Военно-Юридической Академии Профессором Уголовного Права Доктором Права Н.А. Неклюдовым. Санкт-Петербург, 1887. С. 385.

¹⁹⁵ Апелляционное определение Московского городского суда от 14.07.2015 по делу № 10-8112/2015; Приговор Истринского городского суда Московской области от 22.09.2022 № 1-327/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

Если ранее отмечалось, что положения ст. 137 УК РФ практически не применяются на практике¹⁹⁶, то сейчас норму можно назвать применяемой: количество осужденных по ч. 1 ст. 137 УК РФ превысило 200 человек в год (не считая дел, прекращенных в связи с истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности или по иным основаниям)¹⁹⁷. Изображения человека – это сведения, которые составляют отдельную распространенную категорию предмета преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ.

Уголовно-правовые нормы, защищающие тайну переписки и неприкосновенность жилища, не содержат указаний на «сведения», а потому требуются дополнительные пояснения, почему изображение человека может быть предметом соответствующих преступлений. Более того, они характеризуются отсутствием составообразующих признаков, что затрудняет применение норм и является причиной квалификационных ошибок¹⁹⁸.

Тайна переписки используется как обобщающий термин для описания объекта преступления, предусмотренного ст. 138 УК РФ (ее также именуют тайной

¹⁹⁶ См., напр.: Букалерова Л.А., Остроушко А.В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

¹⁹⁷ Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2024 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 01.06.2025). См. подробнее позицию автора о применении ст. 137 УК РФ: Алексеева Т.С. Понятия личной и семейной тайны как признаки нарушения неприкосновенности частной жизни // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 65–70.

¹⁹⁸ Н.Ф. Кузнецова иллюстрирует данную проблему ст. 139 УК РФ, но ее оценка еще более применима к ст. 138 УК РФ: в ст. 139 УК РФ есть указание на незаконное проникновение, в ст. 138 УК РФ – только «нарушение». См. Кузнецова Н.Ф. Указ. соч. Пар. «Причины квалификационных ошибок». Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

связи¹⁹⁹, сообщений²⁰⁰ или корреспонденции²⁰¹). Объективная сторона описана законодателем как «нарушение», без конкретизации способа, что порождает два принципиально разных толкования:

1) либо, поскольку переписка, переговоры и сообщения *передаются* по сетям связи²⁰², объективная сторона ограничена действиями с процессом и формой передачи информации: незаконное вскрытие письма, незаконное параллельное подключение к сетям связи, уничтожение или повреждение отправления²⁰³. Данный подход поддерживается некоторыми судами, которые усматривают отсутствие состава преступления, если письма были прочитаны беспрепятственно (в частности, если потерпевший не выполнил выход из аккаунта / почтового сервиса на общем компьютере²⁰⁴). В таком толковании изображение человека не может быть предметом преступления, т.к. составляет содержание передаваемых сообщений и не имеет отношения к форме и процессу передачи информации;

¹⁹⁹ В уголовно-правовой доктрине тайна связи используется как обобщающая для ст. 138 УК РФ, поэтому в данной статье избран путь отождествления терминов. См., например: Пикуров Н.И. Частная жизнь и уголовное право... С. 73. Однако в целом по смыслу законодательства тайна связи означает, что данные передаются по сетям электросвязи и почтовой связи, где тайна входит «в сферу деятельности операторов почтовой связи». См. ст. 63 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (далее – ФЗ о связи) // Российская газета. 2003. № 135.; ст. 15 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.

Такая терминология дает основания рассматривать тайну связи как тайну профессиональную, поскольку она налагает обязанности в первую очередь на операторов связи. См., например: Изотова А.Н. Трансформация круга субъектов связи: влияние цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 40–52. Тайна связи в узком, профессиональном, смысле относится только к ч. 2 ст. 138 УК РФ, в которой есть признак использования служебного положения.

²⁰⁰ См., например: Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов, 2000. С. 50.

²⁰¹ См., например: Бушков Д.В. Право на тайну личной корреспонденции как объект уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2004. № 2 (4). С. 48–52.

²⁰² По сетям почтовой связи и электросвязи. См. ст. 63 ФЗ о связи.

²⁰³ Рязанов Н.Ю. Способы нарушения тайны связи в уголовном праве России // Российский следователь. 2016. № 9. С. 35–40.

²⁰⁴ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25 ноября 2021 г. № 77-4727/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Т. был признан виновным судом первой инстанции, но оправдан судом апелляционной инстанции. См. также: апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 20 ноября 2015 г. № 22-9163/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

2) либо нарушение тайны корреспонденции может быть выражено не только в посягательствах на процесс передачи информации, но и на содержание передаваемой информации; одно из альтернативных действий – ознакомление с *содержанием*²⁰⁵, а предмет – *сведения* в сообщениях, переговорах, письмах²⁰⁶. Следовательно, изображение человека, как и другие сведения, может выступать предметом данного преступления²⁰⁷.

Более верным представляется второй вариант, предполагающий, что содержание передаваемых сообщений, переговоров может быть предметом преступного нарушения тайны связи. В частности, в ч. 3 ст. 63 ФЗ «О связи» установлено, что можно совершать исключительно на основании решения суда как вскрытие почтовых отправлений, так и «осмотр вложений» и «ознакомление с информацией». Перед Конституционным Судом РФ был поставлен вопрос о содержании права на тайну корреспонденции, притом что в запросе суда был сделан акцент на защите передаваемых сообщений, содержании переговоров. Конституционный Суд РФ, не отрицая защиту содержания, обратил внимание на то, что информация, составляющая тайну переписки, включает *все* передаваемые сведения, в том числе сведения об абонентских соединениях²⁰⁸ (что было отражено

---

²⁰⁵ См., например: Красиков А.Н. Указ. соч. С. 51–52; Серебренникова А.В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина по Уголовному кодексу Российской Федерации и законодательству Германии: сравнительно-правовой анализ: Монография. М., 2016. С. 108. Авторы говорят о нарушении тайны как об ознакомлении; А.Н. Красиков уточняет, что преступление окончено с момента частичного ознакомления.

²⁰⁶ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2023. С. 253 (автор комментария к ст. 138 УК РФ – Г.А. Есаков); Красиков А.Н. Указ. соч. С. 51; Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 185; Серебренникова А.В. Указ. соч. С. 108.

²⁰⁷ См. подробнее основные выводы автора по ст. 138 УК РФ: Алексеева Т.С. Тайна переписки, переговоров, сообщений как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 71–78.

²⁰⁸ Данные о входящих и исходящих сигналах соединения были отнесены Конституционным Судом РФ к тайне связи, в частности, в определении Конституционного Суда РФ от 2 октября 2003 г. № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» // Российская газета. 2003. № 250.

в изменениях в УПК РФ²⁰⁹). Подобные разъяснения воспроизведены и в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ: нарушением тайны переписки для целей ст. 138 УК РФ признан незаконный доступ как к передаваемой информации, так и к сведениям о соединениях²¹⁰.

Кроме того, современный процесс коммуникации перемещен в киберпространство, сообщения реже обособлены от другой информации – их можно обнаружить в телефонах, иных электронных устройствах, аккаунтах в социальных сетях. Легко представить вскрытие конверта отдельно от последующего прочтения письма. Но как быть с передачей электронных сообщений? Незаконный доступ к аккаунту в социальной сети – еще не нарушение тайны связи, ведь он может не иметь никакого отношения к коммуникации (можно смотреть фотографии профиля, в том числе закрытые, или листать ленту обладателя аккаунта). Если впоследствии формируется умысел на ознакомление с сообщениями в аккаунте, то действия преступника представляют собой определенную цепочку: «вкладка с сообщениями — перечень чатов, в которых видны последние сообщения — открытие конкретного чата». Никакого преодоления технического барьера не происходит, для квалификации по ст. 138 УК РФ будет иметь значение только ознакомление с сообщениями.

Нельзя не отметить, что признание сведений предметом нарушения тайны связи порождает квалификационные сложности, связанные с другими видами тайн. Например, в случае, когда виновный изначально искал в переписке фотографии, составляющие личную тайну потерпевшего, могут быть предложены следующие варианты квалификации его действий:

²⁰⁹ См. ст. 186¹ Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Парламентская газета. 2001. № 241-242; пояснительную записку к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о получении информации о входящих и исходящих сигналах соединений телефонов при расследовании уголовных дел на основании судебного решения) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/7176-5> (дата обращения: 03.05.2025).

²¹⁰ Абз. 2, 3 п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

1) подлежит вменению только ст. 138 УК РФ, поскольку норма о нарушении тайны корреспонденции – специальная по отношению к норме о посягательствах на личную тайну²¹¹. С учетом сравнения санкций названных норм это означает, что нарушение личной тайны указанным способом – привилегированный состав;

2) такие действия представляют собой совокупность преступлений, предусмотренных ст. 137, 138 УК РФ²¹², т.е. составы являются смежными;

3) квалифицировать следует только по ст. 137 УК РФ: норма о нарушении личной тайны – норма-целое, о нарушении тайны корреспонденции – норма-часть (преступление-способ²¹³).

Верным представляется последний из предложенных вариантов квалификации. В настоящее время к нему снова стали обращаться в доктрине²¹⁴, хотя ранее почти единственным примером этого подхода была позиция Т.Д. Устиновой, которая использовала в качестве аргументов термин «незаконное» в диспозиции ст. 137 УК РФ и сравнение санкций норм²¹⁵.

Конечно, *de lege lata* против него есть весомые теоретические и практические возражения. В ст. 137 УК РФ прямо не указано на нарушение тайны связи, тогда

²¹¹ Кибальник А.Г., Клочков В.Н., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: монография. Ставрополь, 2005. С. 32. См. также: Приговор Центрального районного суда города Тулы от 2 июня 2015 г. по делу № 1-97/2015; Апелляционное постановление Тульского областного суда от 3 августа 2015 г. по делу № 22-1439/2015 (решения судов первой и апелляционной инстанций по одному делу) // СПС «КонсультантПлюс».

²¹² Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: Научно-практическое пособие / Под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2011. С. 126; Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49. См. также: Приговор Меленковского районного суда Владимирской области от 28 мая 2021 г. по делу № 1-45/2021; Приговор Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 12 марта 2021 г. по делу № 1-154/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

²¹³ В.Н. Кудрявцев указывает, что проблема преступления-способа решается «с точки зрения правил конкуренции части и целого». См.: Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 229.

²¹⁴ См., например: Перина А.С. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 137, 138 УК РФ, совершаемых с использованием компьютерных технологий // Криминалистика. 2023. № 1 (42). С. 33.

²¹⁵ Устинова Т.Д. Нарушение тайны переписки, телефонных и иных сообщений граждан // Уголовное право. 1998. № 2. С. 9.

как норма-целое должна содержать наибольшее количество признаков деяния²¹⁶, и не может быть составов, которые включали бы в себя признаки других составов «по умолчанию»²¹⁷. Кроме того, Н.Ф. Кузнецовой для преступлений-способов предлагается вменение основного состава тогда, когда он на категорию выше преступления-способа (когда основной состав и способ – одной категории, Н.Ф. Кузнецова считает необходимым вменять их по совокупности)²¹⁸.

Показательно, что судебная практика не поддерживает вменение в обсуждаемых случаях лишь состава преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, считая необходимой квалификацию по совокупности с преступлением, предусмотренным ст. 138 УК РФ. Исключением являются случаи, когда виновные устанавливают прослушивающие устройства в местах, где можно собрать разные сведения, *в том числе, но не обязательно*, узнать содержание переговоров. Установка таких устройств в жилище или автомобиле квалифицируется по ст. 137 УК РФ, умысел на прослушивание телефонных переговоров не получает отдельной уголовно-правовой оценки²¹⁹. Так, при рассмотрении одного из дел по ст. 137 УК РФ стороной обвинения утверждалось, что техническое устройство в машине потерпевшей использовалось в том числе для прослушивания телефонных переговоров²²⁰, но это не было отражено в квалификации.

По существу, это правильный подход, и его следует распространять на иные случаи, предварительно уточнив формулировку соответствующей статьи уголовного закона. *De lege ferenda* предлагается дополнить ч. 1 ст. 137 УК РФ

²¹⁶ См.: Кудрявцев В.Н. Указ. соч. С. 226–229; Толкаченко А.А. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2004. С. 45.

²¹⁷ Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектного преступления, совершенного посредством преступления-способа // Законность. 2017. № 12. С. 28–32. // СПС «КонсультантПлюс».

²¹⁸ Кузнецова Н.Ф. Указ. соч.

²¹⁹ См., например: Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 24 сентября 2020 г. № 1-328/2020; Приговор Советского районного суда Республики Крым от 30 июля 2019 г. по делу № 1-56/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

²²⁰ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16 апреля 2021 г. № 77-1567/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

указанием на совершение преступления *в том числе* путем нарушения тайны связи, чтобы обеспечить единство подхода к квалификации.

Разъяснения в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ позволяют признать, что изображения человека, если он находится в жилом помещении, могут выступать также предметом нарушения неприкосновенности жилища (в ст. 139 УК РФ так же, как и в ст. 138 УК РФ, отсутствует указание на сведения). Согласно разъяснениям Пленума ВС РФ, «незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются в целях нарушения неприкосновенности жилища (например, для незаконного установления прослушивающего устройства или прибора видеонаблюдения)»²²¹.

Конкретизирующий пример в приведенной цитате характеризует реальную совокупность преступлений, простую с точки зрения квалификации²²²: физическое проникновение в жилище получает оценку по ст. 139 УК РФ, ведение в нем аудио- или видеозаписи – по ст. 137 УК РФ. Однако общее правило сформулировано таким образом, что совершение преступления, предусмотренного ст. 139 УК РФ, возможно без какого-либо физического проникновения. Представляется, что такой подход опережает как судебную практику, так и доктринальные разработки. Несмотря на определенное одобрение специалистами указанных выше разъяснений²²³, до принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ довольно подробно обосновывалась невозможность нефизического проникновения. Так, в 2011–2012 гг. А.В. Новиков аргументировал, что в

²²¹ П. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

²²² См. подробнее о сочетании посягательств на информационный и неинформационный аспекты частной жизни: Алексеева Т.С. Нарушение неприкосновенности жилища как посягательство на неприкосновенность частной жизни // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменения. Сборник работ студентов и аспирантов. Вып. 3 / Под общ. ред. проф., д.ю.н. Н.Е. Крыловой. М., 2023. С. 27–34.

²²³ Кибальник А.Г., Амвросов О.П. Квалификация преступлений против личных прав и свобод человека в новом Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2019. № 3. С. 36.

отсутствие физического проникновения квалификация должна осуществляться только по ст. 137 УК РФ²²⁴, то есть понятие нарушения неприкосновенности жилища необходимо ограничить только физическим проникновением²²⁵.

Решения судов подтверждают, с одной стороны, что проникнуть в жилище можно без физического вхождения в него, с другой, – что эти действия по ст. 139 УК РФ не квалифицируются. Например, использована компьютерная программа, которая собирает данные о действиях пользователя другого компьютера, предоставляет доступ к его экрану, перехватывает трафик и через веб-камеру отслеживает внешнюю обстановку в помещении, в котором находится контролируемый компьютер. Действия пользователя такой программы квалифицированы по ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 272 УК РФ²²⁶. Формальных препятствий квалифицировать подобные действия еще и по ст. 139 УК РФ, с учетом позиции Пленума ВС РФ, нет, хотя практика пока не восприняла столь эволютивное толкование нормы.

Схожесть видового объекта в преступлениях, предусмотренных ст. 137–139 УК РФ, приводит к тому, что в едином механизме преступного поведения могут сочетаться посягательства на несколько аспектов частной жизни. И нарушение тайны переписки, и проникновение в жилище могут быть совершены с целью сбора сведений, составляющих личную тайну, в том числе изображений потерпевшего, что порождает описанные выше квалификационные сложности. Однако по ним правоприменительные подходы – пусть и не всегда единообразные – сформированы, в то время как охрана права на изображение развивается также с учетом относительно новых тенденций, имеющих непосредственное значение для уголовного права.

---

²²⁴ Новиков В.А. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²²⁵ Новиков В.А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища. Монография. М., 2012. С. 61–62.

²²⁶ Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 01.08.2017 по делу № 22-1406/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

Во-первых, неприкосновенность частной жизни была переосмысlena в коллективном аспекте (т.н. «collective privacy», что можно перевести как коллективные права на защиту частной жизни). Ярче всего коллективный характер иллюстрируется персональными данными, размещенными в базах: защита одного субъекта персональных данных зависит от того, обеспечена ли защита других, т.к. невозможно выборочно гарантировать безопасность. На данный момент общественные отношения в связи с процессами обработки компьютерной информации, защищаемой режимом персональных данных, являются непосредственным объектом преступления²²⁷.

Во-вторых, происходит переоценка общественной опасности деяний, которые связаны с психологической неприкосновенностью личности. Сведения о человеке, включая его изображение, могут быть целенаправленно использованы для причинения ему психического вреда, нередко – в виртуальном пространстве.

В России не все аспекты психического насилия в целом, и кибернасилия в частности, криминализованы. При этом в зарубежных правопорядках отдельные уголовно наказуемые действия с изображениями человека оцениваются именно через призму причинения психического вреда: например, американские исследователи Д. Ситрон и Б. Чесни утверждают, что в уголовно-правовой плоскости к дипфейкам потенциально применим состав «cyber stalking» (киберпреследование, или, буквально, «кибер-сталкинг»; преступление по федеральному законодательству США)²²⁸.

Названные тенденции необходимо описать более подробно, начиная с коллективного права на неприкосновенность частной жизни (точнее –

²²⁷ Имеется в виду включение в главу 28 УК РФ ст. 272¹ УК РФ «Незаконные использование и (или) передача, сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, а равно создание и (или) обеспечение функционирования информационных ресурсов, предназначенных для ее незаконных хранения и (или) распространения». Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.12.2024. № 49 (часть IV). Ст. 7412.

²²⁸ Chesney, B., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Vol. 107. C. 1801–1802.

коллективных и групповых аспектов указанного права). В доктрине отмечается, что излишний акцент на *индивидуальном* привел к невозможности эффективно защищать частную жизнь от технологических угроз и признать ее социальным благом²²⁹. Коллективные права предполагают, что каждый может как индивидуально, так и коллективно обращаться за защитой своих прав, но в основании требований лежит конкретный индивидуальный интерес. Групповые права характеризуются тем, что субъекты прав распределяются по категориям, а созданные категории и результаты распределения могут влиять на решения, принимаемые в отношении членов группы (именно принадлежность к группе порождает потенциальные нарушения прав). Повышение роли групповых прав произошло во многом в силу развития ИИ-алгоритмов, которые анализируют большие объемы данных и предлагают на их основе свои выводы о конкретном человеке. Нельзя не учитывать также, что созданные по определенному «нейтральному» основанию группы могут совпасть с делением по признаку, присущему человеку при рождении и / или слабо поддающемуся изменению (пол, национальность и т.п.), что существенно повышает риски дискриминации²³⁰.

В российском уголовном праве коллективный аспект частной жизни отражен в защите режима персональных данных. Норма об ответственности за незаконные действия с персональными данными включена в уголовный закон в 2024 году²³¹,

²²⁹ Pury A. A Theory of Group Privacy // Cornell Journal of Law and Public Policy. 2021. Vol. 30. C. 487.

²³⁰ См. подробнее о коллективных и групповых правах на неприкосновенность частной жизни: Vecellio Segate, R. Shifting Privacy Rights from the Individual to the Group: a Re-adaptation of Algorithms Regulation to Address the Gestaltian Configuration of Groups // The Regulatory Compliance Review of the Loyola University Chicago School of Law. Center for Compliance Studies. 2022. Spring. Issue VIII. C. 58–60, 66. Автор настаивает на том, что групповые права – не сумма прав отдельных индивидов, т.е. не «collectivity by summation». С. 74.

²³¹ Федеральный закон от 30.11.2024 № 421-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 02.12.2024. № 49 (часть IV). Ст. 7412. В результате принятия указанного закона произошел полноценный переход от уголовно-правовой защиты *только* режимов тайн к защите в том числе режима персональных данных, который свойственен и другим странам. Венгерский исследователь так описывает становление уголовно-правового механизма защиты: от защиты персональных данных с помощью режима тайны – к защите данных в базах – к защите права на информационное самоопределение. Gál A. The Protection of the Right to Information Self-Determination in the

хотя в специальной литературе об их неправомерном обороте говорили и ранее: отмечалось, что он поставлен на промышленную основу и к нему применимы нормы об ответственности за посягательства на тайны²³², что требуется самостоятельная уголовно-правовая защита данного режима информации²³³. Персональные данные были прямо названы в качестве предмета преступления в ст. 272 УК РФ Пленумом ВС РФ²³⁴, однако еще до его разъяснений по делам о посягательствах на различные режимы тайн суды устанавливали незаконность действий с опорой на законодательство о персональных данных (по ст. 137, 183 УК РФ)²³⁵.

В чем проявляются коллективные и индивидуальные особенности уголовно-правовой защиты режима персональных данных? Введение новой ст. 272¹ УК РФ было обосновано в том числе *количествоными* показателями: в Пояснительной записке к законопроекту приводится количество утечек с января по август 2022 г.

Hungarian Criminal Law // Sözüer, A. (szerk.) Uluslararası Suç ve Ceza Film Festivali "Sanal Dünyada Adalet": Tebliğler. 2022, İstanbul. С. 25.

²³² Букалерова Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссарова, докт. юрид. наук Н.И. Пикурова. М., 2006. С. 35–36.

²³³ См., напр.: Хохлова Е.В. Незаконные действия с персональными данными: уголовно-правовое исследование. Дис. ... к.ю.н. Белгород, 2023. С. 15 (вынесено на защиту предложение криминализовать собирание и распространение персональных данных, если такие действия нацелены на совершение иного преступления или причинили существенный вред). Схожее предложение о сборе и распространении, причинивших существенный вред – см. Шутова А.А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 332–335. См. также: Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции. Дис. ... д.ю.н. М., 2015. С. 25 (вынесено на защиту предложение о криминализации хищения персональных данных или иной идентифицирующей информации).

²³⁴ П. 3 Постановления Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. № 294. 28.12.2022.

²³⁵ Незаконность действий сотрудников организаций, их обязанности суды стали устанавливать с опорой на локальные акты об информации ограниченного доступа, включая персональные данные. См., напр., Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 14.11.2018 по делу № 1-218/2018 (действия одного из обвиняемых квалифицированы по ч. 2 ст. 138 УК РФ, другого – по ч. 1 ст. 137, ч. 1 ст. 138 УК РФ). Такой подход стал устойчивым в судебной практике: см., напр., описание бланкетного регулирования в Приговоре Тобольского городского суда Тюменской области от 10 декабря 2024 г. по делу № 1-450/2024 // СПС «Гарант».

– 197 млн записей²³⁶. Коллективность в построении правовой защиты отражена в помещении состава в главу о преступлениях против компьютерной информации, а не главу о преступлениях против личности²³⁷. Более того, еще до изменений в главу 28 УК РФ неправомерные действия с персональными данными в некоторых случаях квалифицировались по ст. 272 УК РФ («Неправомерный доступ к компьютерной информации»)²³⁸.

Однако комплексный коллективно-ориентированный подход предполагал бы учет числа потерпевших при конструировании состава: например, по замечанию Е.А. Русскевича, уголовно-правовая охрана могла бы быть поставлена в зависимость от количества потерпевших (автор приводит в пример УК Вьетнама, в

²³⁶ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Материалы к законопроекту № 502113-8. URL: www.sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8 (дата обращения: 14.04.2025). С. 2–3.

²³⁷ Определение объекта противоречило распространенной доктринальной оценке, что составы, в которых предмет – персональные данные, стоит конструировать как преступления против личности. См., напр.: Хохлова. Указ. соч. С. 193; Алихаджиева И.С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правопримениителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. Т. 14. № 2. С. 95. Определение в качестве объекта преступления отношений в сфере компьютерной информации было закономерно подвергнуто критике. См., напр.: Филатова М.А. (Не)ожидаемая криминализация незаконного оборота персональных данных: вопросы больше, чем ответов // Закон. 2025. С. 149–150. Есть и иной подход: например, Д.В. Пучков считает предпочтительным изменение объекта охраны на информационную безопасность, под которой понимает состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз. Пучков Д.В. Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики. Дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2022. С. 16, 322.

²³⁸ Действия С., занимавшей должность специалиста-эксперта отделения по вопросам миграции, квалифицированы по ч. 3 ст. 272 УК РФ. С помощью своих логина и пароля, из дружеских отношений, она осуществила неправомерный доступ в информационные системы, скопировала информацию не менее чем о 79 иностранных гражданах, включая их персональные данные (паспорта, *фотоснимки*, учетные сведения о выдаче и отказе в выдаче приглашений на въезд, адреса регистрации по месту пребывания, сведения о визах и т.д.) При этом в качестве потерпевшего названо ГУ МВД России по Красноярскому краю. Приговор Сосновоборского городского суда Красноярского края от 5 апреля 2024 г. по делу № 1-57/2024 // СПС «Гарант». Нельзя утверждать, что это универсальная позиция практики: например, суд апелляционной инстанции отменил приговор по ч. 2 ст. 272 УК РФ с направлением уголовного дела прокурору, т.к. предъявленное обвинение включало сбыт информации с персональными данными неопределенного числа граждан, то есть действие заключалось «в незаконном собирании и распространении сведений о частной жизни граждан, составляющих их личную тайну, без их согласия, что не получило соответствующей юридической оценки». При этом по приговору суда первой инстанции вменена именно ч. 2 ст. 272 УК РФ, без признака использования служебного положения, с чем не согласился государственный обвинитель. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 14 декабря 2017 г. по делу № 22-2363/2017 // СПС «Гарант».

котором ответственность дифференцирована в зависимости от количества пораженных устройств пользователей)²³⁹. Другими исследователями предлагалось при построении уголовно-правовой защиты режима персональных данных указать на «неправомерный доступ к персональным данным в автоматизированных системах»²⁴⁰ или распространение баз персональных данных²⁴¹.

Ни один из составов преступлений, закрепленных в ст. 272¹ УК РФ (ни основной, ни квалифицированные) не содержит указания на количество потерпевших или на базы данных²⁴². В этой части норма носит индивидуально-ориентированный характер: для привлечения к ответственности достаточно незаконных действий с данными одного лица.

Изображения человека, как было описано в пар. 1.1, далеко не всегда относятся к персональным данным, т.к. их недостаточно для идентификации лица. Чаще всего они не являются и биометрическими данными, т.к. не используются для установления личности. На практике это означает, что изображение человека может и должно быть предметом преступления, предусмотренного ст. 272¹ УК РФ, только в тех случаях, когда оно, сочетаясь с иными сведениями, предоставляет возможность установления личности изображенного. Такие изображения содержатся в базах данных, будучи всегда отнесенными к определенному субъекту.

---

²³⁹ Русскевич Е.А. Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13(5). С. 81–82.

²⁴⁰ Гайфутдинов Р.Р. Уголовно-правовая характеристика посягательств на персональные данные, обрабатываемые в автоматизированных системах // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Том 156. Кн. 4. С. 158–164.

²⁴¹ Баринов С.В. О криминализации преступного нарушения неприкосновенности частной жизни, совершаемого в форме распространения баз персональных данных // Российский следователь. 2017. № 4. С. 35–38.

²⁴² Ср. с изменениями в законодательство об административных правонарушениях, обсуждаемыми параллельно с введением ст. 272¹ УК РФ: в ряде составов учтено количество пострадавших субъектах или идентификаторов (идентификатор – это информация, которая относится в системе к субъекту, но не может его напрямую идентифицировать). Ст. 1 Федерального закона от 30.11.2024 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. № 49 (часть IV). 02.12.2024. Ст. 7411.

Изображения человека, выгружаемые из баз данных, охвачены общим режимом персональных данных, т.е. не являются биометрическими. Например, из базы «Российский паспорт» выгружаются сведения о ФИО, месте регистрации, личные подписи, *фотографии*²⁴³. Эти фотографии не используются для идентификации, когда незаконно выгружаются из базы данных. В других случаях фотография в паспорте – например, при задержании – для идентификации используется, но *потенциальные* возможности установить личность не должны учитываться при квалификации. Следовательно, изображение человека в составе других сведений о физическом лице будет предметом преступления, предусмотренного ч. 1, а не ч. 2, ст. 272¹ УК РФ.

Незаконные действия со сведениями из баз данных с использованием служебного положения после внесения изменений в уголовный закон должны квалифицироваться по ч. 3 ст. 272¹ УК РФ. Ранее они квалифицировались или по ч. 2 ст. 137 УК РФ, или по ст. 285 или ст. 286 УК РФ, или по совокупности норм о должностном преступлении и преступлении против личности²⁴⁴. Например, в 2021 году просмотр архивных записей с камер видеонаблюдения в ЕЦХД квалифицирован Пресненским районным судом г. Москвы по ч. 2 ст. 137, ч. 1 ст. 286 УК РФ (предмет преступления – изображения потерпевшей, которые указывали на то, с кем и где она проводит время)²⁴⁵. Квалификация по ст. 285 или

---

²⁴³ Приговор Замоскворецкого районного суда города Москвы от 29.09.2021 № 01-0449/2021.

²⁴⁴ Аналогичные замечания применимы к квалификации по совокупности норм об ответственности за должностное преступление и неправомерный доступ к компьютерной информации, хотя в связи с введением в уголовный закон ст. 272¹ УК РФ то, что ранее квалифицировалось или по ст. 137 УК РФ, или по ст. 272 УК РФ, охвачено ст. 272¹ УК РФ. См. подробнее о квалификации действий со сведениями из баз данных: Ефремова М.А., Бурганов Р.С. Квалификация преступлений, связанных с использованием баз данных сотрудниками правоохранительных и судебных органов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 3 (61). С. 97–115 (авторы придерживаются позиции о приоритетности квалификации только по норме об ответственности за должностное преступление).

²⁴⁵ См., напр.: Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 16.09.2021 № 01-0460/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Квалификацию по ст. 286, а не ст. 285, УК РФ можно объяснить тем, что подсудимый сам не имел доступа к базам и воспользовался учетными данными коллеги. См. примеры квалификации по ч. 2 ст. 137 и ч. 1 ст. 285 УК РФ: Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 28.02.2022 № 01 0148/2022; Приговор

ст. 286 УК РФ представляется излишней, учтенной в ч. 2 ст. 137 УК РФ. Признак «с использованием служебного положения» (который есть в том числе в ч. 2 ст. 137 УК РФ) в литературе толковался как доказательство отсутствия существенной разницы в общественной опасности действий представителей государства и предпринимателей²⁴⁶, и этому есть объяснение. Количественные и содержательные особенности информации, доступной крупным коммерческим организациям, не уступают тому, что хранится в базах данных государственных органов²⁴⁷. Уже в XX столетии коммерческий сектор для маркетинговых целей стал создавать базы порой не менее, а то и более содержательные, чем государственные²⁴⁸. Механизм преступного посягательства тождественен: нецелевое собирание информации, которая была предоставлена для реализации профессиональных функций / должностных полномочий; за незаконным собиранием следует распространение данных.

Таким образом, право на изображение защищается прежде всего положениями ст. 137 УК РФ. Коллективные права на неприкосновенность частной жизни отражены в новом уголовно-правовом запрете неправомерного оборота персональных данных (ст. 272¹ УК РФ), хотя наступление уголовной ответственности не поставлено в зависимость от количества потерпевших. Изображения человека могут быть предметом данного преступления только в сочетании с другими сведениями в базе данных, применительно к изображениям вне таких баз должна быть сохранена квалификация по ст. 137 УК РФ.

Другая тенденция, которую нужно принимать во внимание при анализе права на изображение, – переоценка защиты и защищенности психологического здоровья

Никулинского районного суда города Москвы от 09.12.2022 № 01-0627/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁶ Борков В.Н. Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // Административное и муниципальное право. 2008. № 3. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁴⁷ Должностные лица осуществляют свои функции не только в государственных органах, такое упрощение сделано в силу того, что совокупность ч. 2 ст. 137 и ч. 1 ст. 285 УК РФ часто вменялась сотрудникам государственных органов.

²⁴⁸ Об истории коммерческих баз данных см. подробнее: Solove D.J. The Digital Person. Technology and Privacy in the Information Age. New York, 2004. С. 16–21.

личности. Нельзя отрицать опасность сбора открытой информации²⁴⁹, многообразия вариантов использования сведений. Некоторые опасные для психики последствия могут наступить в результате клеветы, нарушения личной тайны, вымогательства, однако обязательным признаком состава они не являются (отмечается, что отчасти отсутствие информационной безопасности усугубилось декриминализацией общей нормы об оскорблении²⁵⁰).

В мире наблюдается тенденция рассматривать «информационные» преступления в более широком контексте – насилия, кибернасилия, сексуального насилия. Например, ст. 5 Директивы Европейского Союза о противодействии насилию против женщин и домашнему насилию от 14 мая 2024 года накладывает на государства – члены Европейского Союза обязательства установить уголовную ответственность за действия с изображениями интимных частей тела человека или действий сексуального характера, при условии отсутствия согласия потерпевшего на это и наличии высокой вероятности причинить существенный вред потерпевшему (например, такие действия, как распространение или изготовление с последующим распространением)²⁵¹. В России уголовно-правовая защита обеспечена по большей части от действий с подлинными изображениями (от сбора, распространения, ряда вариантов использования), со сгенерированными – лишь частично (см. подробнее пар. 2.2 данной работы).

Вред от некоторых действий с изображениями человека может быть описан как психологический, что является общим понятием по отношению к вреду психическому. Согласно позиции КС РФ, психическое здоровье – особая

²⁴⁹ Например, обращается внимание на незащищенность от сбора открытой информации, доступной неопределенному кругу лиц. См. Барышева К.А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. 2017. № 12. С. 151–162. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁰ Незнамова З.А. Обеспечение информационной безопасности личности средствами уголовного права (преступления против личности) // Криминалистика. 2019. № 1 (26). С. 38–39.

²⁵¹ Article 5 «Non-consensual sharing of intimate or manipulated material». Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence // Official Journal of the European Union. L. 24.05.2024. Хотя Директива ЕС для России юридической силы не имеет, тенденции защиты личности во всех правопорядках проходят схожие траектории, а домашнее насилие – проблема, актуальная для всех государств.

составляющая здоровья человека, что объясняет особенности психиатрической помощи²⁵². Психологический вред охватывает не только психические расстройства и болезненные состояния психики, но и иные последствия: стресс, страх, напряжение. Конституционный Суд РФ упоминает «психологическое воздействие осужденного на потерпевшего», «психологически болезненное для потерпевшего взаимодействие с осужденным»²⁵³, а при применении ст. 119 УК РФ суды воспроизводят утверждение, что угроза убийством «посягает на нормальные условия жизни потерпевшего, его психическое и психологическое состояние»²⁵⁴. Вред от разнообразных действий с изображениями человека следует характеризовать как психологический²⁵⁵.

В англоязычном научном дискурсе для обсуждения того вреда, который можно причинить другому человеку, совершая действия с его же изображениями, используется термин «image-based sexual abuse» (далее – IBSA). IBSA пришел на смену термину «порноместь» («revenge porn»), т.к. последний, по оценке исследователей, навредил верному пониманию объема явления, а именно сузил его в публичном дискурсе и ограничил законодательные меры противодействия ему, в т.ч. уголовно-правовые²⁵⁶. Порноместь в узком смысле – действия, совершенные

²⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // Российская газета. № 20. 31.01.2024.

²⁵³ Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной» // Российская газета. № 32. 14.02.2024.

²⁵⁴ Приговор Барнаульского гарнизонного военного суда от 13.01.2025 № 1-12/2025, Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 № 77-2556/2024, Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2025 по делу № 77-856/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵⁵ Не любой психологический вред должен получать уголовно-правовую оценку; подробнее действия с изображениями охарактеризованы в главе 3. В частности, поставлена под сомнение необходимость криминализации хранения изображений человека, несмотря на то что такое хранение частично криминализовано в норме об уголовной ответственности за действия с персональными данными и может причинять психологический вред.

²⁵⁶ См. Rigotti C., McGlynn C. Towards and EU criminal law on violence against women: The ambitions and limitations of the Commission's proposal to criminalise image-based sexual abuse // New Journal of European Criminal Law. December 2022. Volume 13. Issue 4. Pp. 452–477. Цит. по: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/20322844221140713> (дата обращения: 01.04.2025).

одним партнером в отношении другого, обычно после разрыва отношений. Представляется, термин оказался устойчив потому, что в ряде государств ответственность исключалась, если распространенное изображение изначально было получено по согласию партнера (это в свою очередь порождало необходимость дополнительной криминализации). Однако порнография – лишь один, частный, пусть и распространенный механизм преступного поведения. Термин IBSA позволяет посмотреть на уголовно-правовую охрану психологической неприкосновенности и права на изображение более комплексно, чем «revenge porn».

Авторский перевод IBSA приведен далее, поскольку требует предварительных пояснений. Во-первых, «image-based» предполагает различные действия с изображениями человека: собирание, изготовление, использование и распространение. Во-вторых, дословный перевод «sexual abuse» («image-based sexual abuse»), на первый взгляд, должен отражать посягательство на интимную свободу и неприкосновенность. Однако в европейских странах не сложилось единства подходов к определению объекта посягательства в соответствующих случаях. Выбор стоит в основном между половой свободой и неприкосновенностью (Румыния, Бельгия) и частной жизнью (Франция, Испания, Словакия)²⁵⁷. Некоторые авторы настаивают на том, что поскольку речь идет преимущественно об изображениях человека в обнаженном виде, а они с точки зрения общественной культуры помещены (или могут быть без особых усилий помещены) в сексуальный контекст, то речь должна идти о посягательстве на самоопределение в сфере половых отношений²⁵⁸.

---

²⁵⁷ См. Rigotti, McGlynn. Указ. соч. Авторы в данной работе не отдают прямых предпочтений тому или другому подходу, но отмечают, что отсутствие единства порождает дополнительные трудности, в т.ч. с т.зр. трансграничной преступности. В других работах К. МакГлинн рассматривает IBSA как форму сексуального насилия. См., напр.: McGlynn C., Rackley E. Image-Based Sexual Abuse // Oxford Journal of Legal Studies. 2017. Vol. 37. No. 3. С. 537.

²⁵⁸ См., напр.: Goudsmit Samaritter M. What makes a sex crime? A fair label for image-based sexual abuse // BJU Strafblad. 2021. No. 67. Doi:10.5553/Bsb/266669012021002002005. В своем диссертационном исследовании автор предлагает криминализовать IBSA каковое преступление, хотя и признает многоаспектный вред – автономии личности, частной жизни,

Самоопределение в сфере половых отношений – более широкий объект по сравнению с половой свободой и неприкосновенностью по смыслу российского уголовного права. Ему корреспондирует понятие «sexual privacy», развиваемое в американской доктрине. Sexual privacy можно перевести как сексуальную сторону неприкосновенности частной жизни. Она включает защиту обнаженного тела, сексуальных фантазий, ориентации, информации о гендере, способов сексуального самовыражения, включая фото- и видеоизображения, общения на сексуальные темы, а также мест, в которых люди как правило раздеваются или вовлекаются в интимные отношения²⁵⁹. С точки зрения цитируемого автора, эта составляющая права на неприкосновенность частной жизни важна и с точки зрения развития личности, и с точки зрения защиты определенных социальных групп (как правило, в литературе имеются в виду женщины или различные преследуемые меньшинства)²⁶⁰.

Способы сексуального самовыражения не характерны для описания половой свободы и неприкосновенности как объекта преступления, но могут быть описаны как сексуальная сторона частной жизни. Описание сторон частной жизни было предложено Л.О. Красавчиковой, которая относила к таковым сугубо личностную, бытовую, семейную, имущественную, культурную, оздоровительную, коммуникационную и некоторые другие²⁶¹. Поскольку «стороны» не являются строго определенными правомочиями или иными структурными компонентами права, а их выделение может быть авторским, выделение сексуальной стороны также возможно.

свободе выражения мнений, доверительным отношениям: см. Goudsmit Samaritter M. The wrongness of image-based sexual abuse. PhD Thesis. University of Oxford, 2022.

²⁵⁹ Citron D.K. Sexual Privacy // The Yale Law Journal. 2019. No. 128. С. 1901–1902.

²⁶⁰ Там же. С. 1890–1893. См. также: Jarvis Cooper L.M. Sexual Privacy and Persecution // 70 U.C.L.A. Law Review. 2022. Рр. 112–135. Автор рассматривает данный вопрос с позиции предоставления убежища на территории США и отстаивает позицию, что отдельные действия, посягающие на sexual privacy в сети «Интернет», для целей предоставления убежища могут быть рассмотрены как преследование лица, по признаку причинения существенного эмоционального или психологического вреда.

²⁶¹ Красавчикова Л.О. Указ. соч. С. 15–16.

Поэтому здесь и далее под термином *image-based sexual abuse* понимается психологическое насилие, причиняющее вред сексуальной стороне частной жизни и совершающее посредством действий с изображениями потерпевшего. Действия с изображениями человека включают собирание, использование, распространение и подробнее описаны в главе 3 исследования.

Последствия, характерные для IBSA, наступают в результате различных преступлений. Неудивительно, например, что типичные описания IBSA встречаются в судебной практике по делам о вымогательстве: «потерпевшая ... по настоянию М.Н.С. в нескольких сообщениях социальной сети ... отправила М.Н.С. свои личные фотографии интимного характера. После получения указанных фотографий ... стал требовать ... передачи принадлежащих ей денежных средств ... под угрозой публичного распространения указанных личных фотографий ... интимного характера, что могло опозорить [потерпевшую], а также под угрозой создания на сайтах с проститутками анкеты ... и распространения данной информации среди знакомых и родственников потерпевшей...»²⁶².

В некоторых странах романо-германской правовой семьи такой признак состава, как изображение человека, законодательно отражен в составах причинения психологического вреда. Так, в Уголовном кодексе Испании сталкинг («acoso», ст. 172 ter УК Испании) включает в себя действия, состоящие не только в преследовании, но и неправомерном использовании изображений другого человека (то, что в англо-саксонской системе называют «identity theft» – буквально «кража личности»)²⁶³. В испанской доктрине высказываются сомнения в отношении

²⁶² Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 08.09.2014 № 1-449/14 // СПС «КонсультантПлюс». См. также: Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 20.07.2020 по делу № 1-214/2020 (угрожал распространением фотографий эротического содержания) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶³ Имеется в виду статья 172 ter.5 (ч. 5 ст. 172 ter). Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal (ред. от 11.06.2024, с изм. и доп.) // «BOE» núm. 281, de 24/11/1995. «Лицо, которое использует изображение другого лица без его согласия, чтобы разместить объявления или создать поддельные профили в социальных сетях, на вебсайтах или в каком-либо средстве распространения массовой информации, если это приводит к таким же последствиям, что и преследование, харассмент, унижение достоинства, наказывается лишением свободы на срок от 3 месяцев до 1 года или штрафом, который исчисляется от 6 до 12 месяцев» (штраф в Испании измеряется в днях, месяцах и годах, размер штрафа определяется по ставке за 1 день,

верного определения объекта такого преступления, как сталкинг²⁶⁴, поскольку ст. 172 ter находится в разделе VI «Преступления против свободы»²⁶⁵, который объединяет и посягательства на свободу, и различные угрозы, и преступления против психологической неприкосновенности.

С учетом того, что УК Испании содержит раздел X – «Преступления против личной жизни, права на изображение и неприкосновенности жилища» – общественная опасность «кражи личности» с использованием изображений человека теоретически действительно могла быть оценена иначе, а соответствующие положения могли бы быть помещены в раздел X. Однако объект определен на основании последствий: психологического вреда. При этом указанные последствия наступают в результате действий не только виновного, но и третьих лиц. Так, при создании в социальной сети фейкового профиля с предложениями интимных услуг от имени потерпевшего, вред последнему причиняется в результате звонков / сообщений от третьих лиц, откликнувшихся на «объявление» и действующих невиновно (поскольку им неизвестно, что профиль на самом деле создан другим лицом).

Пример «кражи» личности в испанском уголовном законе подтверждает, что защита права на изображение претерпевает очевидные изменения: происходит переоценка общественной опасности действий с изображениями и переосмысление объекта преступления. Последствия для психологического здоровья могут наступить от разнообразных действий, что заставляет обратить внимание, во-первых, на различные варианты использования изображения человека, во-вторых – на защиту сведений, которые находятся в открытом доступе, если ее использование причиняет вред. Изображение человека, по сравнению с другой информацией, усиливает эффект доверия общества к тому, что коммуникация ведется самим

которая может быть изменена впоследствии при изменении дохода обвиняемого – ст. 50, ст. 51 УК Испании). Положения о краже личности действуют в Испании с 7 октября 2022 г.

²⁶⁴ См. подробнее: Jareño Leal Á. El delito de acoso en el ámbito de digital del art. 172ter.5 del Código Penal. Con una referencia especial a los casos de *deepfake sexual* // Cibercrimen: Tendencias y desafíos actuales / coord. por Marina Minguez Rosique, David Gallego Arribas. 2025. С. 34, 49–50.

²⁶⁵ Разделы, которые относятся к Особенной части, помещены в книгу II УК Испании.

изображенным, а не другими лицами от его имени в отсутствие законных оснований.

В завершение рассмотрения категории права на изображение отметим, что право на изображение – конституционное и личное неимущественное право человека пользоваться своим изображением и ограничивать использование своего изображения другими лицами. Реализация права на изображение учтена прежде всего в бланкетных уголовно-правовых нормах об ответственности за нарушение неприкосновенности частной жизни. Однако взгляд на природу права на изображение меняется: развивается коллективный аспект права на неприкосновенность частной жизни, усиливается защита психологической неприкосновенности личности. С учетом данных тенденций, во-первых, изображение человека может быть составной частью персональных данных как предмета преступного посягательства (вне связи с иной информацией изображения человека не следует признавать персональными данными). Во-вторых, изображение человека в зарубежных странах становится предметом преступлений против психологического здоровья личности. С учетом доступности технологий сортирования, изготовления и использования изображений человека психологические последствия от таких действий должны быть учтены при анализе пробелов в защите права на изображение.

ГЛАВА 2. ТИПОЛОГИЯ ИЗОБРАЖЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В науке нет единства мнений об отличиях типологии от классификации. Отмечается, что они часто используются в разных значениях, а подходы к употреблению данных терминов непоследовательны²⁶⁶. В представленном исследовании под типологией понимается итог разделения исследуемого объекта на несколько множеств, которые не исчерпывают содержание объекта, но указывают на его значимые характеристики.

К типологии не предъявляются обязательные для классификации требования: в частности, правила соразмерности и исключения (сумма объемов членов деления должна быть равна объему делимого понятия, объемы членов не должны содержать общих элементов)²⁶⁷. Типологизации не свойственен исчерпывающий перечень выделенных множеств (т.е. могут быть «атипичные» элементы, не включенные в деление), границы каждого обособленного множества изменчивы и динамичны²⁶⁸.

Типологизация изображений человека – не исключение; предлагаемое деление носит нестрогий характер, содержание типологий частично пересекается, наличествуют элементы, не отнесенные ни к одной группе. Критерии деления, использованные для целей данного исследования, – культурный подход к изображению человека (пар. 2.1); способность причинить вред части изображенного (пар. 2.2); соответствие действительности (пар. 2.2); наличие сцен применения насилия (пар. 2.3). Типологизация позволяет охарактеризовать только уголовно значимые изображения человека, исключив из анализа атипичные для уголовного права, а равно дать оценку наличию или отсутствию конкуренции норм и применимости выделенных типов в правотворчестве.

---

²⁶⁶ См. Niknazar P., Bourgault M. Theories for classification vs. classification as theory: Implications of classification and typology for the development of project management theories // International Journal of Project Management. 2017. Vol. 35. Issue 2. Pp. 191–203.

²⁶⁷ Першин В.Б., Першина И.В. Классификация и типология: логико-методологический анализ // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 14. С. 6.

²⁶⁸ См. подробнее: Болдырев С.Н. Типология как прием юридической техники // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 37–40.

2.1. Изображения интимные, эротические и порнографические

Выделение интимных, эротических и порнографических изображений имеет значение для квалификации, в первую очередь, по ст. 137, 242, 242¹ УК РФ. Данная типология основана на критерии культурного подхода к изображению человека, в первую очередь – человеческого тела. Эротические и порнографические изображения всегда связаны с культурой изображения человеческой физиологии, интимные изображения не сводимы к физиологическим проявлениям, хотя чаще всего также с ними связаны. Исследование соотношения интимного, эротического и порнографического изображений будет проведено в двух аспектах – *de lege lata* и *de lege ferenda*²⁶⁹.

Как будет показано далее, интимные изображения – самое широкое из всех приведенных понятий. Термин «интимный» используется практикой для изображений, составляющих личную тайну лица, при квалификации уголовно наказуемого нарушения неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ). Если вменяется только незаконный оборот порнографических материалов, признак «интимный» используется для характеристики предмета преступления крайне редко²⁷⁰. «Интимный» – оценочный признак, основанный на особенностях культуры и подходе изображенного лица к своему телу.

Отграничение эротических и порнографических изображений прежде всего имеет значение для привлечения к ответственности за незаконный оборот порнографических материалов. В ряде стран вопрос о разграничении обсуждаемых

²⁶⁹ Основные выводы об интимных, эротических и порнографических изображениях в парадигме *de lege lata* были апробированы автором в публикации: Алексеева Т.С. Интимные изображения человека как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни // Уголовное право. 2023. № 4. С. 3–13.

²⁷⁰ Один из примеров использования такого термина, когда действия обвиняемого квалифицируются только по ст. 242, без вменения ст. 137 УК РФ – приговор Первомайского районного суда города Пензы от 09.08.2018 по делу № 1-140/2018 // СПС «КонсультантПлюс». Подсудимому вменен п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, а дело по ч. 1 ст. 272 УК РФ прекращено в связи с истечением срока давности уголовного преследования. Освобождение лица от ответственности тем самым констатирует оценку содеянного как одновременного нарушения неприкосновенности частной жизни и посягательства на общественную нравственность. Термин «интимный» в решении используется только для характеристики морального вреда (и рассмотрения гражданского иска в уголовном процессе, соответственно).

понятий не возникает ввиду их объединения. Например, Р.Б. Осокин указывает, что в законодательстве Эстонии криминализован оборот не только порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних, но и эrotической²⁷¹. При этом в качестве родового автор использует понятие «продукция сексуального характера»²⁷².

Оценка распространяемых материалов как порнографических также имеет первостепенное значение для квалификации бесконтактных развратных действий, которые нередко сопряжены с распространением порнографических материалов²⁷³. В правоприменительной практике имеются примеры, когда оценка изображения как интимного послужила основанием отказа в возбуждении уголовного дела по ст. 135 УК РФ²⁷⁴. Эrotические и порнографические изображения – разновидности изображений интимных, но интимные изображения к двум данным категориям не сводятся.

Необходимо, прежде всего, определить понятия порнографических и эrotических изображений. Сложности разграничения эrotики и порнографии

²⁷¹ Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности: дис. .... докт. юрид. наук. М., 2014. С. 147.

²⁷² Там же. С. 147, 238. Однако термин «интимный» в работе автора употребляется, например, для интимных услуг (или услуг интимного характера). См. с. 179.

²⁷³ Например, Е.А. Миллерова приводит две группы случаев сопряженности – использование порнографии как средство совершения развратных действий и развратные действия как материал для изготовления порнографической продукции. Миллерова Е.А. О некоторых проблемах квалификации развратных действий, сопряженных с изготовлением и распространением порнографических материалов // Уголовное право. 2015. № 2. С. 36-39. Цит. по СПС «КонсультантПлюс». Другие авторы настаивают на том, что развратные действия могут быть совершены путем демонстрации эrotики или ознакомления с литературой и предметами «сексуального характера»: см. позиции А.А. Бимбина и Т.В. Кондрашовой, соответственно. Бимбинов А.А. Развратные действия: контактные и бесконтактные формы // Уголовное право. 2015. № 2. С. 8; Кондрашова Т.В. Развратные и иные действия сексуального характера: понятие и соотношение // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 72–81.

²⁷⁴ Например, рассматривая жалобу на решение Комиссии по делам несовершеннолетних, суд сослался на постановление об отказе в возбуждении уголовного дела по ч. 1 ст. 135 УК РФ, в котором указывалось на фотографии «интимного характера». Лицо не достигло возраста привлечения к уголовной ответственности по данной статье – 18 лет). С учетом того, что несовершеннолетним лицом не было совершено никакого преступления или иного правонарушения, решение Комиссии о применении мер воздействия было отменено. Решение Центрального районного суда города Читы от 01.03.2021 по делу № 12-342/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

привели к устоявшемуся на практике переносу данного вопроса в область специальных знаний, высокой роли экспертов в установлении признаков порнографии. Например, О.С. Капинус и В.Н. Додонов приводят правовую позицию Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР, сформулированную в 1989 году: для отнесения видеофильма к порнографии необходимо проведение искусствоведческой экспертизы, привлечение специалиста в области киноискусства²⁷⁵.

Единоличное участие эксперта-искусствоведа исследователями критикуется в связи с потребностью в комплексных знаниях «в области искусства, психологии, сексологии и судебной медицины»²⁷⁶; иногда указывается на обязательное проведение «психолого-искусствоведческой экспертизы»²⁷⁷ или на то, что «достаточно специальных знаний искусствоведа и сексолога»²⁷⁸. Впрочем, некоторые исследователи приходят к более радикальным предложениям: необходимость одновременного участия сексолога и искусствоведа в проведении комплексной экспертизы подкрепляется разработкой юридической теории порнографии – искусствоведам предлагается проводить идейно-тематический анализ, а сексологам – опираться на признаки, которые цитируемый автор предлагает закрепить в качестве юридических (в предлагаемой парадигме в целом поощряется участие именно юристов-сексологов)²⁷⁹.

²⁷⁵ Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за порнографию в современном уголовном праве // Право и политика. 2006. № 12. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁶ Ильин Н.Н. Судебно-искусствоведческая экспертиза при расследовании изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Российский следователь. 2020. № 10. С. 3–7. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁷ Иванова А.А., Холопова Е.Н. Актуальные проблемы использования специальных знаний при оценке материалов и предметов порнографического характера // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 8–9. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁷⁸ Зазирная М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. С. 90.

²⁷⁹ Куликов. Указ. соч. С. 94–96. Юридическая теория порнографии, по мнению автора, подчеркивает борьбу с пропагандой развратных действий, под которыми автор понимает сексуальное насилие, садомазохизм, педофилию, зоофилию, некрофилию, копрофилию и урологнию. С. 53–58. При этом не ясно, как автор сочетает свои предложения с положениями УПК РФ об экспертизе в их толковании Пленумом ВС РФ: см. п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021, с изм. и доп.) Например, говоря о правовых экспертизах, П.С. Яни обозначает их

Роль экспертов в выработке признаков порнографии объективно высока, поскольку легальные определения для целей ст. 242 УК РФ чаще всего недостаточны. В частности, суды ссылаются на определение в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»²⁸⁰. На этот же закон указывается в доктрине²⁸¹. Однако необходимо учитывать, что в нем информация порнографического характера определена широко, посредством указания на натуралистические изображения или описания половых органов или действий сексуального характера²⁸², чего для целей ст. 242 УК РФ чаще всего недостаточно.

Примечания к ст. 242¹, 242² УК РФ, как указывается рядом исследователей со ссылкой в том числе на п. 1 примечаний к ст. 242¹ УК РФ, также не решают проблемы определения порнографии для ст. 242 УК РФ²⁸³. Указывается на то, что «детская» порнография – более широкое понятие, чем «взрослая»²⁸⁴, что примечания сформулированы таким образом, что любое эротическое изображение несовершеннолетнего для целей ст. 242¹-242² УК РФ будет признано порнографическим²⁸⁵.

внепроцессуальную роль. См. Яни П.С. Научный центр уголовного права МГУ: помочь правоприменителю // Законность. 2019. № 9. С. 37–41.

²⁸⁰ См., напр., кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2022 по делу № 77-3280/2022 // СПС «КонсультантПлюс». В решении указано, что экспертами были выявлены «законодательно установленные критерии», со ссылкой на указанный Федеральный закон.

²⁸¹ См., напр.: Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43–48. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸² Пункт 8 ст. 2 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 30.11.2024, с изм. и доп.) // «Российская газета». № 297, 31.12.2010.

²⁸³ См., напр.: Шишкин С.Н., Полубинская С.В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁴ Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности. М., 2022. С. 520–521.

²⁸⁵ Макаров А.В., Жукова М.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за изготовление с целью распространения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 15. С. 43-47. Цитируется по СПС «КонсультантПлюс».

Следовательно, признаки «взрослой» порнографии могут быть установлены только с опорой на экспертные заключения, с которыми суды соглашаются и которые кладут в основу обвинительных приговоров; эти же признаки лежат в основе ограничения порнографии от эротики. В литературе они обобщаются следующим образом: содержание – действия сексуального характера (при условии, что действия понимаются широко, в том числе как демонстрация половых органов, анатомические части тела и совершаемые с ними действия²⁸⁶); данные действия представляют собой основное содержание информации и носят детализированный (натуралистический) характер; отсутствует художественная составляющая; главная цель – вызвать сексуальное возбуждение; отсутствие художественной, исторической, культурной ценности; материалы не используются в медицинских, научных или образовательных целях²⁸⁷.

Эротические изображения могут иметь схожее с порнографическими содержание (в частности, сексуальные действия или анатомические части тела), однако данное содержание не является *основным*, т.е. наличествуют сюжет и не-обезличенные персонажи (персонажи в порнографии – лишь символ пола, они не наделены личностными характеристиками, имеющими значение для сюжета). Эротике свойственны отсутствие технической специфики съемки сексуальных действий (крупного плана, прямой ракурса и т.п.) и наличие художественной ценности. Эротика – искусство, а самоцель порнографии – изображение физиологии, что «дегуманизирует человека и эротику»²⁸⁸.

---

²⁸⁶ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 514. Исследователем М.М. Зазирной содержание порнографических материалов предлагается ограничить, исключив из него «изображения половых органов вне совершения действий сексуального характера», даже если изображенные органы – в возбужденном состоянии. Зазирная М.М. Указ. соч. С. 73. Судебная практика на данный момент не поддерживает такое ограничение. См., напр.: «фотография с обнаженными половыми органами является материалами порнографического характера, так как содержит изображение женских половых органов, в фиксации внимания зрителя на указанных фрагментах явно прослеживается цель – сексуальное возбуждение реципиента...». Приговор Центрального районного суда города Красноярска от 25.06.2025 № 1-238/2025. Квалификация – по ч. 1 ст. 137 УК РФ, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁷ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 517–518.

²⁸⁸ Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 17.06.2021 по делу № 1-305/2021 // СПС «КонсультантПлюс». Подобное указание на дегуманизацию устойчиво в судебных решениях: Обзор Кемеровского областного суда от 23.06.2005 № 01-19/320 «Обзор

В отдельных судебных решениях приводятся факультативные признаки порнографии, которые характеризуют содержание изображаемых сексуальных действий: например, «спекулирование» элементами новизны²⁸⁹, изображение сексуальных девиаций²⁹⁰. Факультативными они являются в том смысле, что присутствуют далеко не в каждом порнографическом материале, но их наличие необходимо учитывать для оценки общественной опасности деяния.

Признаки порнографии полностью основаны на литературе в неправовых областях знания: например, они почти дословно повторяют те признаки, которые И.С. Кон в своей работе по сексологии перечисляет в качестве «общих принципов», сформулированных философами и искусствоведами для разграничения эротики и порнографии²⁹¹. Однако сам И.С. Кон указывает на то, что пристойность или непристойность материала *предопределена определенной культурой* и стадией развития человека, и «никакого научного (и вообще четкого) определения понятие «порнография» не имеет и иметь не может (выделено мной – Т.А.)»²⁹². Очевидно, что отказ практики от критериев искусствоведов невозможен: как по причинам законодательной неопределенности, так и в силу необходимости специальных знаний для оценки признаков порнографии.

Ценность материала (художественная, культурная, историческая), равно как и его использование в медицинских, научных, образовательных целях в самом

судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁸⁹ Обзор Кемеровского областного суда от 23.06.2005 № 01-19/320 «Обзор судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁰ Приговор Реутовского гарнизонного военного суда от 08.02.2024 № 1-34/2024, Приговор Скопинского районного суда Рязанской области от 18.06.2025 № 1-63/2025 // СПС «КонсультантПлюс». Сексуальная девиация конкретизируется, например, в Приговоре Калужского районного суда Калужской области от 08.05.2024 по делу № 1-409/2024: «сексуальные действия с помощью фаллоимитатора».

²⁹¹ См., напр.: Кон И.С. Сексология. Учебное пособие. М., 2004. С. 290.

²⁹² Кон И.С. Указ. соч. С. 289–291.

общем виде могут быть охарактеризована как *культурная ценность*, т.к. культура представляет собой совокупность разнообразных достижений людей²⁹³.

Термин «интимный» используется в самых разных описаниях: «интимными» могут быть не только фото- и видеоматериалы, но и услуги²⁹⁴, жизнь²⁹⁵, сведения²⁹⁶, отношения²⁹⁷. Интимные изображения при первом приближении следует определить с помощью указания на интимные части тела.

Какие части тела могут быть названы интимными?

Можно было бы предположить, что в первую очередь интимные области – это наружные половые органы (гениталии): половой член и мошонка у мужчин, клитор и половые губы у женщин²⁹⁸. Если связывать «интимное» только с половыми органами, возникает вопрос, а относится ли, например, изображение женской груди, к интимным? Дело в том, что молочные железы, хоть и описываются в литературе по анатомии сразу после половых органов²⁹⁹, но в целом

²⁹³ «Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни». Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/meta/kultura> (дата обращения: 28.09.2025).

²⁹⁴ Например, А.И. Савельев в качестве подгруппы деяний, наказуемых в рамках ст. 137 УК РФ, приводит «создание фейковых страниц в социальных сетях с выкладыванием интимных фото- и видеоматериалов..., сообщением недостоверной информации о предоставлении ими интимных услуг». Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁵ Статья 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп.) // «Российская газета». № 165. 29.07.2006.

²⁹⁶ Точная формулировка – «сведения личного, интимного характера». См., напр.: Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации». Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

²⁹⁷ Используется в многочисленных решениях судов и методических рекомендациях. Термин также использовался в ст. 20 утративших силу Основах законодательства РФ от 07.07.1993 № 5341-1 «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах»: «...здравье, семейных и интимных отношениях...».

²⁹⁸ См., напр.: Привес М.Г., Лысенков Н.К., Бушкович В.И. Анатомия человека. Изд. 9-е, перераб. и доп. / Под ред. М.Г. Привеса. М., 1985. С. 339, 345.

²⁹⁹ Татаринов В.Г. Учебник анатомии и физиологии человека. М., 1954. С. 219.

женская грудь к ним не относится. Будучи включенной в репродуктивную систему человека³⁰⁰, она лишь «функционально связана» с половыми органами³⁰¹.

Но также может оказаться недостаточным определять «интимное» через связь лишь с половой и репродуктивной системами. В конечном счете в половом акте (в широком смысле слова) могут участвовать и другие части тела: это подтверждают как половые контакты *per os* и *per anum*, так и в целом многообразие эрогенных зон. Более того, в одних культурах определенные участки тела рассматриваются как имеющие сексуальный подтекст, а в других – нет (на это указывает, например, И.С. Кон применительно к женской груди³⁰²).

Однако личную тайну могут составлять не только изображения лица в полностью обнаженном виде, но и частично обнаженные, и для квалификации по ст. 137 УК РФ не требуется фото-, аудио- или видеофиксация интимных отношений с кем-либо. Поэтому более точное определение интимности чего-либо предполагает указание на его связь с определенными частями тела человека, как полностью, так и частично обнаженными. Оценка конкретной степени обнажения может быть произведена судом с учетом всех фактических обстоятельств, включая обстановку и вид одежды: например, в одном из дел обвиняемая пыталась доказать, что потерпевшая на самом деле была одета в купальник, но судом было установлено, что на снятом видео последняя была в нижнем белье; впрочем, слово «интимный» суд не использовал³⁰³. В другом деле фотографии потерпевшей в нижнем белье и чулках названы изображениями «полуобнаженного тела», «интимными фотографиями потерпевшей»³⁰⁴. Интимной следует признавать также информацию об особенностях внешнего строения тела, если потерпевший

³⁰⁰ Анатомия и физиология человека: Большой атлас. Справочное издание / пер. с испан. М., 2007. С. 166.

³⁰¹ Самойлов Н.Н. Анатомия, физиология и патология репродуктивной системы. Брянск, 2008. С. 13.

³⁰² Кон И.С. Указ. соч. с. 90.

³⁰³ Апелляционное постановление Феодосийского городского суда Республики Крым от 12.11.2018 по делу № 10-25/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁴ Приговор Ленинского районного суда города Ульяновска от 16.08.2013 по делу № 1-216/13 // СПС «КонсультантПлюс».

принимает меры для сохранения ее в тайне (например, всегда скрывает под одеждой).

Перечисленное дает основания утверждать, что «интимный» – вовсе не сексуальная или половая характеристика, а социально-культурный признак: он указывает на те части тела или те физиологические процессы, которые в конкретном обществе принято скрывать под одеждой (речь идет именно о социальной норме, а не о том, что все члены данного общества ее непременно соблюдают). Тогда к интимным областям тела, с учетом российской культурной традиции, следует относить не только промежность (наружные половые органы и анальное отверстие³⁰⁵), но также лобок, ягодицы и женскую грудь. Так, например, в качестве «фото и видео интимного характера» судом были расценены материалы с изображениями не только мужского полового органа, но и обнаженных ягодиц³⁰⁶. О соответствующей культурной традиции могут свидетельствовать, например, требования, предъявляемые к внешнему виду спортсменов. Так у танцовов одеждой должна быть закрыта область груди, паховая область и область таза ниже поясницы³⁰⁷, у представителей акробатического рок-н-ролла – ягодицы, бюст, лонная область³⁰⁸.

Предмет преступления теоретически может быть охарактеризован путем указания на обнаженное тело или обнаженные половые органы, как это сделано в уголовном законе Узбекистана³⁰⁹. Признак интимности также используется в

³⁰⁵ Татаринов В.Г. Указ. соч. С. 217. Имеется в виду промежность в широком смысле слова: в узком это только область между наружными половыми органами и анальным отверстием. Привес М.Г., Лысенков Н.К., Бушкович В.И. Указ. соч. С. 358.

³⁰⁶ Приговор Кировского районного суда Приморского края от 20.12.2019 по делу № 1-2/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁷ П. п. 8.1.3, 8.3.1 Правил вида спорта «танцевальный спорт», утв. приказом Минспорта России от 19.01.2022 № 29 (ред. от 08.07.2022) // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁸ П. 30.14, рис. 3 Правил вида спорта «акробатический рок-н-ролл», утв. приказом Минспорта России от 09.04.2021 № 215 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁰⁹ Пример – ст. 141³ Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 г. № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей» // Национальная база данных законодательства. № 03/23/829/0208. 12.04.2023 г. Ст. 141³ именуется «Разглашение сведений, ущемляющих честь и достоинство личности и отражающих интимные стороны жизни

законотворчестве, например, в ст. 197.7 УК Испании³¹⁰. Появление данного запрета в уголовном законе Испании было предопределено распространением изображений сексуального содержания, которые распространялись бывшими партнерами в силу возникшей личной неприязни, т.е. «порноместью»³¹¹. Впрочем, в испанской уголовно-правовой доктрине устоялся термин «секстинг»³¹², что неточно, т.к. это понятие охватывает собой случаи *направления своих текстовых сообщений и изображений*, т.е. то, что наказуемо в РФ в рамках развратных действий. Кроме того, испанские суды также используют понятие «секстинг» в отношении направления или демонстрации порнографических материалов лицу, не достигшему 16 лет (ст. 183ter.2 УК Испании³¹³), т.е. не приравнивают его к порномести.

человека» и содержит одну часть: «Распространение информации, содержащей фото и (или) видеоизображения обнаженного тела и (или) половых органов лица без его согласия, в том числе распространение в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, либо угроза распространения такой информации...».

³¹⁰ Части статей в УК Испании обычно именуются таким образом: ч. 1 ст. 197 – 197.1; ч. 2 ст. 197 – 197.2 и далее. Статьи, вводимые в уголовный закон дополнительно, имеют буквенную нумерацию bis, ter, quater, quinque и далее. Согласно ст. 197.7 УК Испании, наказывается лицо, которое «распространяет, разглашает или передает третьим лицам изображения или аудиовизуальные материалы с изображениями потерпевшего без его согласия, которые были получены по согласию потерпевшего в жилище или каком-либо ином месте, недоступном для третьих лиц, если такие действия причиняют существенный вред интимной жизни потерпевшего».

³¹¹ López Barja de Quiroga J. La intimidad después de la reforma del artículo 197 del Código Penal: la divulgación sin consentimiento de imágenes o grabaciones obtenidas con consentimiento // Estudios de Derecho Penal. Homenaje al profesor Miguel Bajo. Madrid, 2016. C. 1034.

³¹² Lecciones de Derecho Penal. Parte Especial / Ed. by Jesús-María Silva Sánchez. Octava edición, adaptada a la Ley Orgánica 14/2022. Barcelona: Atelier, 2023. C. 172–173. (Авторы главы – М.Т. Кастиньера Палу и А. Эстрада-и-Квадрас). См. также: Delitos. La parte especial del Derecho penal. 7ª edición / Lamarca Pérez C., Alonso de Escamilla A., Mestre Delgado E. et al. Madrid, 2022. C. 243. Автор главы о преступлениях против частной жизни – Avelina Alonso de Escamilla.

³¹³ См., напр.: STSJ CLM 2048/2022, 11.07.2022. Судебный орган – Верховный суд Кастилии-Ла-Манча, палата по гражданским и уголовным делам. В целом секстинг, несомненно, понятие широкое и включает как одностороннее общение, так и двустороннее. Теоретически его возможно учитывать и при криминализации действий с изображениями. Например, признав, что несовершеннолетние не могут быть субъектами ответственности за оборот детской порнографии, Комиссия по реформе законодательства в штате Виктория (Австралия) предложила урегулировать секстинг уголовными нормами о распространении / угрозе распространения интимных изображений. Crofts T., Lievens E. Sexting and the Law // Sexting: Motives and risk in online sexual self-representation / M. Walrave et al. Palgrave Studies in Cyberpsychology. 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71882-8>
<https://doi.org/10.1007/978-3-319-71882-8>. С. 125–126.

Однако, несмотря на вышесказанное, признак интимности в испанском уголовном праве не сводится к такому аспекту интимной жизни, как сексуальная сфера – интимными могут быть признаны молитвы или иные религиозные ритуалы, изображения скрываемых физиологических изъянов или личных встреч, скрытых от посторонних³¹⁴.

Аналогично термину «интимный» отдают приоритет в своих недавних работах К. МакГлинн и Д. Ситрон: применительно к «вмешательствам в интимную сферу»³¹⁵ и понятию интимного аспекта частной жизни³¹⁶, соответственно. Во взглядах К. МакГлинн явно прослеживается эволюция понятийного аппарата: изначально отдавая приоритет термину «private sexual images» («личные изображения сексуального характера»), чтобы не расширять излишне правовые нормы³¹⁷, в работе 2024 года она перешла к понятию «intimate» (интимный), которое для целей защиты частной жизни рассматривает сейчас как более удачное. Многое интимное – не сексуальное, отмечает она³¹⁸, и с этим утверждением сложно не согласиться.

В контексте интимных изображений нуждается в упоминании и такое явление, как «upskirting» (дословно съемка «под юбкой», для аналогичной съемки груди используется термин «downblousing» – дословно «под блузкой»). Термины используются не только в обычном общественном дискурсе, но и в рамках правотворческой деятельности: например, комиссия по проведению правовой

³¹⁴ Lecciones de Derecho Penal. Parte Especial... C. 172–173.

³¹⁵ McGlynn C. Towards a New Criminal Offence of Intimate Intrusions // Feminist Legal Studies. 2024. Vol. 32. Pp. 189–212.

³¹⁶ Д. Ситрон полагает, что данный аспект включает в себя защиту тела, в том числе репродуктивных прав, а также мыслей и чувств, здоровья, сексуальной ориентации и половых отношений. В контексте изображений важна мысль автора, что надлежащая защита интимной жизни – гарантия, что можно будет сохранить право на самовыражение (без опасений злоупотреблений третьих лиц). Citron D.K. Intimate Privacy's Protection Enables Free Speech // Journal of Free Speech Law. 2022. Vol. 2. Issue 1. Pp. 3–16.

³¹⁷ McGlynn C., Rackley E. Указ. соч. (работа 2017 г.) Изложена позиция, что «интимный» выходит за пределы сексуального, а потом потенциально слишком широкое понятие. С. 540, 556.

³¹⁸ McGlynn C. Towards a New Criminal Offence... C. 193–194.

реформы в Гонконге использовала именно термин «upskirting» для разграничения его с другими случаями вуайеризма³¹⁹.

Применительно к отечественному закону возникает, в частности, вопрос, могут ли изображения интимных частей тела, скрытых одеждой и полученных в общественных местах, быть предметом преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ? Могут ли они в целом считаться интимными, если зафиксированные на них интимные части тела скрыты одеждой? В литературе встречается точка зрения, что уголовная ответственность за upskirting в России отсутствует, что требует введения специальной нормы об ответственности за изготовление, использование, распространение и публичную демонстрацию материалов, на которых зафиксированы половые органы, грудь, ягодицы или нижнее белье, покрывающее эти части тела. Предлагается считать это преступлением против нравственности³²⁰ (хотя нельзя не отметить, что автор данного предложения сам довольно подробно описывает именно вред *личности*, последствия в виде ощущений беспокойства, психологического вреда).

Однако во включении указанной нормы в уголовный закон нет необходимости, т.к. съемка интимных частей тела без согласия лица является незаконным собиранием сведений, составляющих личную тайну. Это справедливо и для тех случаев, когда такое собирание происходит в общественных местах, т.к. в соответствии с положениями бланкетного законодательства далеко не любое собирание в общественных местах законно. Суды по гражданским делам учитывают положения пп. 2 п. 1 ст. 152¹ ГК РФ как непосредственно для изображений в общественных местах (например, на месте дорожно-транспортного происшествия³²¹), так и для информации, доступной неограниченному кругу лиц:

---

³¹⁹ Crofts T. Criminalization of Voyeurism and ‘Upskirt Photography’ in Hong Kong: The Need for a Coherent Approach to Image-Based Abuse // The Chinese Journal of Comparative Law. 2020. Vol. 8. No. 3. C. 508.

³²⁰ Возняк А.М. К вопросу об уголовной ответственности за апскертинг как новую форму негативного воздействия на психосексуальное благополучие граждан в России и за рубежом // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 95, 100–101.

³²¹ «...изображение истца Р. крупным планом, являющееся основным объектом использования, не направлены на удовлетворение общественного или публичного интереса...»

«...Размещение видеоролика с изображением истца на сайте "ВКонтакте" ... не дает право на свободное распространение такого изображения без получения предварительного согласия истца ..., непосредственно являющегося объектом съемки»³²². В этом смысле российское законодательство отличается, например, от французского или бельгийского, т.к. в составе нарушения неприкосновенности частной жизни отсутствует обязательный признак места или обстановки³²³.

Принимая во внимание описанный признак интимности, необходимо соотнести интимные изображения с порнографическими. Теоретически их можно противопоставить: в частности, указать, что часть материалов относится к порнографическим (предмет преступления, предусмотренного ст. 242 УК РФ), а другая часть – к интимным (предмет преступления, предусмотренного ст. 137)³²⁴.

Тем не менее в иной, не связанной со ст. 137 УК РФ, судебной практике признак «интимный» широко используется как синоним «сексуального» или «полового». Например, требование вступить в половые отношения описывается в судебных решениях как требование вступить в интимную связь или в интимные отношения³²⁵. В таком случае противопоставление порнографических и интимных изображений противоречит общеупотребительному смыслу слова «интимный», а потому и судебная практика часто определяет порнографические материалы как одну из категорий интимных изображений: «...фотографиями интимного характера..., в том числе порнографического содержания»³²⁶ (выделено мной –

См. Апелляционное определение Курского областного суда от 05.07.2022 по делу № 33-2106/2022 (УИД 46RS0030-01-2021-014532-15) // СПС «КонсультантПлюс».

³²² Решение Губкинского городского суда Белгородской области от 11 февраля 2025 г. по делу № 2-271/2025 // СПС «Гарант».

³²³ В этих странах возможность привлечения к ответственности за съемку «под юбкой» в общественных местах обоснованно ставится под сомнение в силу указания на незаконность сбивания только в определенных местах. Rigotti C., McGlynn C. Указ. соч.

³²⁴ Приговор Ленинского районного суда города Ульяновска от 16.08.2013 по делу № 1-216/13 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁵ Например, требование вступить в половые отношения часто описывается как требование вступить в интимную связь или в интимные отношения. См., напр.: определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 № 77-4083/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁶ Приговор Мотовилихинского районного суда города Перми от 16.05.2019 по делу № 1-240/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Т.А.); «видео интимного характера... было признано порнографическим материалом»³²⁷.

Таким образом, интимные изображения – предмет преступлений, предусмотренных ст. 137, 242, 242¹, 242² УК РФ, который включает в том числе изображения эротического и порнографического характера. Возможность совпадения характеристики предмета – интимного и порнографического – обостряет проблему верной квалификации распространения интимных изображений. Если оно совершено против согласия изображенного и в отсутствие иных законных оснований, то подлежит квалификации по ст. 137 УК РФ.

Между тем при уголовно-правовой оценке такого деяния также необходимо решить вопрос о вменении незаконного оборота порнографической продукции. В правоприменительной практике выражены два подхода к квалификации: квалификация только по ст. 137 УК РФ и вменение ст. 137, 242 УК РФ.

Так, по ст. 137 УК РФ без совокупности со ст. 242 УК РФ квалифицировано распространение «фотографии потерпевшей в обнаженном виде»³²⁸, размещение фотографий, составляющих личную тайну, на фейковых страницах в социальных сетях³²⁹, демонстрация некоторым людям «интимного фотоизображения, включающего демонстрацию половых органов»³³⁰, размещение в социальной сети «фотографий в обнаженном виде и в момент интимной близости»³³¹, выкладывание на странице социальной сети фотографий «эротического содержания»³³²,

---

³²⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 № 77-4361/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁸ Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 по делу № 77-1029/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

³²⁹ Апелляционное постановление Балахнинского городского суда Нижегородской области от 30.08.2019 № 10-12/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁰ Приговор Лопатинского районного суда Пензенской области от 24.09.2018 по делу № 1-53/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

³³¹ Апелляционное определение Владимира областного суда от 11.05.2016 по делу № 22-1036/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Согласно обстоятельствам дела, обвиняемый также совершал вымогательство, оцененное по ст. 163 УК РФ.

³³² Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 17.11.2016 по делу № 1-914/2016 // СПС «КонсультантПлюс». В решении неоднократно указывается, что фотографии изображали потерпевшую в обнаженном виде; один из свидетелей уточняет, что на фотографиях

распространение видеозаписей «интимного содержания, в том числе с изображением обнаженных тел... и совершаемых ими действий сексуального характера»³³³, «направление фотографий порнографического характера»³³⁴.

В приведенных примерах присутствуют признаки состава распространения порнографических материалов (в частности, изображения половых органов и действий сексуального характера). Можно предположить, что по результатам искусствоведческой экспертизы они могли бы быть отнесены к порнографическим материалам, но таковой не было проведено (в работе В.С. Соловьева 2017 года отмечается, что лишь в четверти приговоров о «порномести» был поставлен вопрос о квалификации по ст. 242 УК РФ³³⁵).

Второй подход судов подразумевает вменение ст. 242 УК РФ *наряду* со ст. 137 УК РФ в силу отнесения распространенных материалов к порнографии. В данном подходе большое значение имеет судебная экспертиза, вменение ст. 242 УК РФ осуществляется только при условии ее назначения.

Например, М.О. признана виновной в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 137 и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ, поскольку отправила видео интимного характера с участием супруга и его любовницы нескольким знакомым последней, разместив его предварительно в фейковом аккаунте социальной сети³³⁶. В определении суда кассационной инстанции указывается, что видео интимного характера не только является личной тайной потерпевшей, но и представляет собой порнографический материал, размещение в сети «Интернет» и

она была с голой грудью. Обвиняемый был также признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 138, ч. 1 ст. 272 УК РФ.

³³³ Приговор Гагаринского районного суда города Севастополя от 21.12.2016 № 1-183/2016 // СПС «КонсультантПлюс». Подсудимый, согласно приговору суда, также совершал вымогательство.

³³⁴ Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2025 № 77-1982/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁵ Соловьев В.С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³³⁶ При этом уголовно-правовая оценка с точки зрения клеветы не дана.

пересылка которого другим лицам являются его публичной демонстрацией и распространением³³⁷.

Аналогично были квалифицированы действия лица, распространившего в Интернете «фотографии интимного и порнографического характера» с изображениями потерпевшей, с которой обвиняемый ранее состоял в близких отношениях. При этом лишь одна из четырех фотографий по результатам искусствоведческой экспертизы была признана порнографическим материалом³³⁸.

В последнем примере обоснованность вменения совокупности ч. 1 ст. 137 и п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ вызывает сомнения: обвиняемый размещал четыре фотографии интимного характера и, очевидно, имел умысел на нарушение личной тайны потерпевшей, однако осознавал ли он, что одна из фотографий экспертами будет отнесена к порнографическим материалам, и желал ли причинить вред именно общественной нравственности? На то, что обвиняемый должен осознавать общественную опасность своих действий, «включая характер распространяемой, рекламируемой или демонстрируемой информации», обращает внимание Пленум Верховного Суда РФ³³⁹. Осознание устанавливается с опорой на различные фактические обстоятельства, например использование для размещения анонимных страниц и особенности содержания материала: «половой орган, снятый крупным планом, иначе, как порнография, восприниматься не может»³⁴⁰.

В другом решении осознание незаконности описывается на основании ознакомления с правилами пользования социальной сети, возраста и опыта обвиняемого, отсутствия порнографических материалов в легальном обороте в

³³⁷ Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 № 77-4361/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁸ Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 № 77-566/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³³⁹ Пункт 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет» // «Российская газета». № 294, 28.12.2022.

³⁴⁰ Приговор Валдайского районного суда Новгородской области от 21.12.2023 по делу N 1-181/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

РФ³⁴¹. Однако фактические обстоятельства данного дела свидетельствуют об отсутствии общественной опасности деяния, несмотря на то что материал представлял собой изображение полового органа в эрегированном состоянии. Осужденный отправил свое интимное (порнографическое) изображение лицу, с которым общался, по его просьбе; материал был изначально изготовлен только для передачи одному человеку в рамках межличностного общения. Направление материала в рамках близких межличностных отношений не способно причинить вред общественной нравственности, широко распространено и должно быть признано законным способом реализации своего права на сексуальное самовыражение (то, что ранее в работе называлось сексуальной стороной частной жизни, пар. 1.3). Уголовная ответственность за подобные деяния априори будет носить избирательный характер, а потому должна быть исключена.

Применительно к квалификации по совокупности ст. 137, 242 УК РФ следует поддержать суды, которые в рассмотренных выше случаях квалифицируют деяние по ст. 242 УК РФ лишь в тех случаях, когда фактические обстоятельства свидетельствуют о намерении лица причинить вред общественной нравственности, а не только конституционному праву на неприкосновенность частной жизни.

Например, в одном из судебных решений внимание обращено на следующие фактические обстоятельства: размещение в сообществе («секс в Курске») в социальной сети нескольких фото- и видеоматериалов, изображающих оральные половые акты с потерпевшей и сопровождающихся специфичными названиями, например: «Аня с ленина 996 кто был откликнитесь есть инфа». Суд подчеркивает, что обвиняемый действовал с целью посягательства на основы общественной нравственности в сфере сексуальных отношений, а содержание размещенных материалов – «циничное, глубоко противоречащее нравственным нормам,

---

³⁴¹ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 17.05.2024 по делу № 1-420/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

правилам поведения в обществе», способное сформировать циничное и безнравственное отношение к сексуальной жизни³⁴².

Обоснование, пусть и более лаконичное, приведено и в другом судебном акте: распространение фотографии обнаженной любовницы сожителя повлекло вменение ч. 1 ст. 137, п. «б» ч. 3 ст. 242 УК РФ. Фотография, согласно решению суда, содержала грубое натуралистичное изображение женских половых органов, а умысел обвиняемой заключался в намерении создать «извращенное и циничное представление об интимной жизни между полами, вызвать нездоровое возбуждение половых инстинктов»³⁴³.

Общественная опасность оборота порнографических материалов воплощена не только в характеристике предмета преступления. Изображение является порнографическим с момента его изготовления: ему либо свойственны, либо *не* свойственны признаки порнографии. Эксперты могут исследовать только представленный им порнографический материал. Суд же может оценить не только изображение, но и контекст его создания и распространения, статус изображенных лиц по отношению друг к другу, особенности распространения (одному лицу или неограниченному кругу лиц).

Свойственные квалификации несовершенства и отсутствие единообразия подталкивают к тому, чтобы проанализировать интимные, эротические и порнографические изображения в парадигме *de lege ferenda*.

Вопросы, подлежащие решению в правотворческой парадигме, распадаются на два. Во-первых, подлежит ли выделению из ч. 1 ст. 137 УК РФ специальная норма, которая как-либо учитывала бы особенности изображения как предмета преступления? Во-вторых, какова в таком случае концепция регулирования «взрослой» порнографии? Отдельно их решать нельзя, поскольку риск вменения

³⁴² Приговор Кировского районного суда города Курска от 19.06.2014 по делу № 1-79/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

³⁴³ Приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 08.06.2018 по делу № 1-188/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

ст. 242 УК РФ означает, что любое усиление ответственности по ст. 137 УК РФ априори избыточно.

Не новый³⁴⁴, но основной, принципиальный, с точки зрения автора, тезис – что уголовно-правовой запрет «взрослой» порнографии без какой-либо дифференциации излишен, потому что до сих пор остается необоснованной общественная опасность любой такой порнографии. Вопрос, стимулирует ли порнография насилие и девиантные формы сексуальных отношений или, напротив, предотвращает такое поведение, предоставляя разрядку напряженности, можно считать основополагающим для исследований опасности порнографии³⁴⁵.

Большое внимание этому уделяли и уделяют американские исследователи, для которых данный вопрос обострен действием Первой поправки к Конституции США³⁴⁶ и особенностями культуры: отмечается, что т.н. «порнификация» общества в США была ранней и масштабной³⁴⁷. Ключевые понятия в американском праве, имеющие отношение к обороту порнографии – не только «порнография» и «эротика», но и «непристойность» («obscenity»). Порой obscenity отождествляется с hard-core pornography³⁴⁸. Перед исследователями стояла задача оценить культурные изменения (массовое изготовление порнографических материалов) с точки зрения их последствий для общества, и выводы разных комиссий носили прямо противоположный характер.

Во второй половине XX века общественная опасность порнографии оценивалась с точки зрения совершения преступлений против половой свободы.

³⁴⁴ См., напр.: Зазирная М.М. Указ. соч. С. 10–12; Филиппов П.А. Указ. соч. С. 512.

³⁴⁵ Примерно в такой формулировке он обозначен, напр., в: Goldstein M.J., Kant H.S. with Hartman J.J. Pornography and Sexual Deviance. A Report of the Legal and Behavioral Institute. Beverly Hills, California. California, 1974. С. 10.

³⁴⁶ «Конгресс не должен издавать законов, устанавливающих какую-либо религию или запрещающих ее свободное исповедание, ограничивающих свободу слова или печати или право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб». Билль о правах от 15 декабря 1791 г. (первые 10 поправок к Конституции США).

³⁴⁷ См., напр.: Tarzia L., Tyler M. Recognizing Connections Between Intimate Partner Sexual Violence and Pornography // Violence Against Women. 2021. Volume 27, Issue 14. Pp. 2687–2708. См. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/1077801220971352> (дата обращения: 20.03.2025).

³⁴⁸ Leach M. I know it when I see it. Pornography, Violence, and Public Sensitivity. Philadelphia, 1975. С. 51.

Так, Американская комиссии по непристойности и порнографии в 1970 г. представила Президенту США отчет, согласно которому между материалами сексуального содержания и половыми преступлениями *не* было выявлено связи³⁴⁹ (впрочем, отдельной группой ученых в рамках комиссии был представлен и альтернативный отчет с противоположными выводами)³⁵⁰. В работе о порнографии и сексуальных девиациях, опубликованной немногим позже отчета комиссии, отмечалось, что для опрошенных лиц истоки самой идеи насилиственного полового акта *не* были порождены порнографическими материалами. Авторы подчеркивали также и образовательный эффект порнографии для подростков, высказывая предположение, что качественное образование в данной сфере могло бы существенно снизить интерес к подобным материалам³⁵¹.

Десятилетие спустя в тех же США ученые пришли к противоположным выводам в рамках комиссии Миза (Meese), созданной под руководством Генерального прокурора США: что между преступлениями против половой свободы и порнографией есть *причинная связь*³⁵². Авторы итогового отчета настаивали на том, что порнографии свойственен не только тот вред, который опосредован действиями смотрящего (например, совершение полового преступления), но и некий «первичный» вред. Данный первичный вред описан авторами с опорой на те признаки, которые используются экспертами и судьями в России: дегуманизацияовых отношений, коммерциализация тех отношений, которые обычно складываются в семье и не подлежат публичной демонстрации³⁵³.

---

³⁴⁹ The Report of the Commission on Obscenity and Pornography. Washington, D.C., September 1970. URL: https://archive.org/details/report0000unit_p5h9/page/n5/mode/2up (дата обращения: 20.03.2025).

³⁵⁰ О работе комиссий см. Leach. Указ. соч. С. 58–59, 91.

³⁵¹ Goldstein, Kant with Hartman. Указ. соч. С. 150–152.

³⁵² Attorney General's Commission on Pornography. Final Report. Part 1. U.S. Department of Justice. Washington D.C., 1986. С. 325. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/attorney-generals-commission-pornography-final-report> (дата обращения: 30.04.2025).

³⁵³ Там же. С. 339–344.

Комментарии и выводы комиссии Миза также были подвергнуты острой критике³⁵⁴. Впрочем, многие, напротив, горячо оценили проделанную работу: Андреа Дворкин, известная представитель феминистического движения, упоминает не только полученные ей самой обращения от женщин, но и исследования комиссии³⁵⁵. Ее взгляд на порнографию принципиально иной: отказываясь обращаться к исследованию Первой поправки и соотношению эротики и порнографии, она сводит понятие порнографии к тем изображениям, где мужчины доминируют и применяют насилие по отношению к женщинам, что, по ее мнению, априори вне защиты Первой поправки³⁵⁶. По ее мнению, правовые нормы о непристойных материалах слишком легко «обойти»³⁵⁷.

Сейчас уже очевидно, что выводы о влиянии порнографии на совершение половых преступлений всегда будут противоположны, т.к. однозначных, универсальных закономерностей между совершением половых преступлений и распространением порнографии не выявить (любые выводы отражают *корреляции*, а не причины). Поэтому единственные «жизнеспособные» варианты обоснования опасности порнографии – в том восприятии, которое она формирует в обществе.

Одно из современных обоснований опасности порнографии изложено, например, Линн Миллс Экерт. Взамен обоснования причинной связи автор предлагает теорию дискурсивных эффектов, с опорой на категории, разработанные М. Фуко³⁵⁸. Общее видение опасности подобных дискурсивных эффектов автором излагается с опорой на опасность для женщин, которые в порнографии изображаются как неравные мужчинам, не принимающие решений, склонные

³⁵⁴ Подробнее о реакции на отчет см., напр.: Burger R.H. The Meese Report on Pornography and Its Respondents: a Review Article // Library Quarterly. 1987. Vol. 57. No. 4. Pp. 436–447. Сам автор сравнивает остроту обсуждения по теме с вопросом абортов, утверждая, что на момент написания им обзорной статьи сторонники и противники порнографии мало выражали уважения к аргументам друг друга.

³⁵⁵ Dworkin A. Pornography: Men Possessing Women. New York, 1989. С. xxxii.

³⁵⁶ Там же. См. Preface (с. xl–xliv).

³⁵⁷ Dworkin A. Pornography as a Civil Rights Issue for Women // University of Michigan Journal of Law Reform. 1988. Vol. 21. Issues 1–2. С. 58, 63–64. Среди прочего, автор винит юристов в распространенности порнографии в США.

³⁵⁸ Там же. С. 126–127, 132, 137–139.

к унижениям и применению насилия в отношении них, получающие от этого удовольствие («взамен» женщин могут быть и иные категории изображенных). Дискурс, «задаваемый» порнографией, формирует соответствующее общественное мнение о женщинах или иных лицах, показанных в порнографических материалах в качестве унижаемых и подчиняющихся. Важно, тем не менее, что Л. М. Экерт не пишет о дискурсивных эффектах вообще или о порнографии вообще. Озаглавив свою работу с использованием термина «inegalitarian pornography» (порнография, в основе которой – неравенство по гендерному признаку), она сосредотачивается на тех материалах, в которых женщины (и некоторые иные социальные категории) изображены в подчиненном – неравном – положении.

В таком же контексте обсуждается опасность от распространения порнографии в отдельных сферах. Несколько аспектов такого влияния отмечено в австралийском исследовании сексуального насилия между половыми партнерами, с опорой на интервью 38 женщин, изначально идентифицировавших себя в качестве пострадавших от такого насилия. Это, в первую очередь, желание воссоздать увиденное из порнографических материалов в отношениях; во-вторых – смещение акцента на удовольствие одного партнера; в-третьих – объективизация, «овеществление» женщин в таких отношениях. Авторы отмечают, что при наборе респондентов они не обозначали вопроса о влиянии порнографии и такие корреляции отмечались самими женщинами, дававшими интервью³⁵⁹.

Конечно, желание имитировать гораздо «проще» попытаться реализовать в тех отношениях, в которых есть видимость согласия на большее количество разнообразных форм удовлетворения потребностей. Смещение акцента исследований на неочевидные, высоко латентные последствия, по существу, верно: решение совершить насильтственный акт в отношении стороннего лица существенно отличается от оценки взаимности желаний супругов / иных половых партнеров.

---

³⁵⁹ Tarzia L., Tyler M. Указ. соч.

Однако основная опасность ненасильственной порнографии для подобных случаев даже не в непосредственной имитации изображенного, а в переходе от имитации к насильственному совершению. В таком изложении оборот «взрослой» порнографии представляет собой состав преступления с двойной превенцией, нацеленный на защиту половой свободы и здоровья, а вовсе не на защиту нравственности как таковой. При этом эмпирически достоверно не подтверждено и не может быть подтверждено, при каких условиях порнография стимулирует, а когда – предотвращает совершение насилия.

Однако, когда речь идет об уголовной ответственности, в балансируемом нуждаются не только свобода выражения мнений и право на равенство, но и требование *ultima ratio*, предъявляемое к уголовному праву как средству решения общественных проблем. Наилучшим выходом по-прежнему представляется декриминализация части взрослой порнографии, *по меньшей мере* той, которая не является насильственной. Если теоретически представить, что любая порнография неизбежно ведет к желанию имитировать изображенное (хотя очевидно, что это происходит не в 100 % случаев, но пусть этот эффект будет теоретически гипертрофирован) – то те материалы, имитация которых общественно безопасна, не должны быть предметом преступления *de lege ferenda*.

Обоснование опасности ненасильственной порнографии через насильственную неверно в той же мере, в какой обоснование опасности «взрослой» – через «детскую». Опасность, которую описывают феминистические движения, можно и нужно учитывать – однако российское отраслевое деление позволяет сделать это в рамках административного права, а не уголовного. С учетом того вреда, который должен быть достаточен для криминализации, «коммерческий» образ половых отношений далеко не всегда актуален (совокупность ст. 137, 242 УК РФ тому подтверждение: изготовление происходит часто в рамках близких отношений).

Если и только если часть взрослой порнографии будет перемещена в административные правонарушения, допустимо ставить вопрос о включении интимных изображений как квалифицирующего признака для ч. 2 ст. 137 УК РФ.

Это предложение корреспондирует российской правоприменительной практике, которая использует данную категорию, а также учитывает последствия от распространения информации, разной по своему содержанию и потенциальному вреду личности. Включение в ч. 2 ст. 137 УК РФ данного признака, наряду с использованием служебного положения, как было обосновано выше, возможно только при декриминализации ненасильственной порнографии. Причина – нестабильность практики в части вменения либо только ст. 137 УК РФ, либо совокупности ст. ст. 137, 242 УК РФ (чаще – ч. 3 ст. 242 УК РФ «с использованием ... информационно-телекоммуникационных сетей», т.е. тяжкого преступления). Кроме того, для измененной ч. 2 ст. 137 УК РФ в отношении действий с интимными изображениями представляется необходимым сохранение частно-публичного порядка обвинения, т.к. для потерпевшего должна быть сохранена возможность *не* прибегать к уголовно-правовым средствам защиты.

2.2. Изображения порочащие, позорящие и содержащие сведения, не соответствующие действительности

Рассматриваемые в настоящем параграфе типологии выделены по двум разным основаниям: 1) причинение вреда части потерпевшего (порочащие и позорящие изображения); 2) изображения человека, которые содержат сведения, не соответствующие действительности, и которые таких сведений не содержат.

Исторически термин «позорящий» характеризовал сведения как предмет преступлений клеветы и диффамации. «Клевета и диффамация составляют виды одного и того же понятия опозорения...», – отмечал И.Я. Фойницкий, указывая далее, что их внешняя сторона – оглашение позорящего честь обстоятельства, но при клевете такое оглашение должно быть заведомо ложным³⁶⁰. Дополнение

---

³⁶⁰ Курс уголовного права И.Я. Фойницкого, ординарного профессора С-Петербургского факультета. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Изд. 2, пересмотренное. СПб., 1893. С. 121–123.

системы клеветы системой диффамации³⁶¹ в печати в 1865 году³⁶² многократно критиковалось по разным основаниям: практическим – выбор в пользу преследования за диффамацию формировал «невыгодное предположение», что позорящее обстоятельство соответствует действительности³⁶³; сравнительно- и конституционно-правовым – французская модель была взята лишь в части строгости к злоупотреблениям печати, но не в части широкого права печати обличать злоупотребления должностных лиц³⁶⁴. «Позорящие» сведения в советском уголовном праве, в условиях отсутствия состава диффамации, остались предметом клеветы³⁶⁵.

³⁶¹ «Системы» клеветы и диффамации – описание, характерное для дореволюционного права. Там же. С. 119.

³⁶² «Опозорение (ст. 1039) и клевета (ст. 1535) по внешним своим признакам ... совершиенно тождественны... Разница же между этими двумя видами оскорблений чести заключается в том, что в определение как клеветы существенный признак входит признание судом несправедливости указанного в сочинении позорящего обстоятельства, тогда как ложность обвинения не входит в состав существенных признаков преступления, предусмотренного в ст. 1039». Из решения уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената по делу Крылова, 1871 г., № 187. Цит. по: Законы о печати: собрание действующих законодательных постановлений о печати, разъясненных по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената и циркулярам министра внутренних дел: С прил. сист. и алф. указ. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрам, 1873. С. 217–218. Согласно ст. 1039 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, виновный наказывался за «всякое оглашение в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установлении такого обстоятельства, которое может повредить их чести, достоинству или добруму имени...» Свод законов Российской Империи. Том XV. Изд. 1885. СПб., 1885. С. 108.

³⁶³ «Эта двойственность, по замечанию наших практиков, по необходимости парализует значение постановлений статьи 1039...» Лекции по русскому уголовному праву, читанные заслуженным профессором Н.С. Таганцевым. Часть особенная. Санкт-Петербург, 1894. С. 416. Согласно ст. 1039 Уложения, справедливость позорящего обстоятельства могла быть доказана только посредством письменных доказательств и только в отношении обстоятельства, «касающегося служебной или общественной деятельности лица, занимающего должность по определению от правительства или по выборам». Во всех иных случаях ложность обвинения не имела значения, а потому обвинение в диффамации могло быть оценено как подтверждение, что оглащенное обстоятельство на самом деле соответствует действительности. Диффаматор – лицо, признанное виновным в диффамации – могло утверждать впоследствии, что был осужден не потому, что говорил неправду, а потому, что не имел права представить доказательства.

³⁶⁴ Рейнгардт Н.В. О диффамации. Казань, 1901. С. 6.

³⁶⁵ См., напр.: Дурманов Н.Д. Советское уголовное право. Учебное пособие для правовых школ. М., 1938. С. 155; Советское уголовное право. Часть особенная / Вышинская З.А., Исаев М.М., Пионтковский А.А. и др. Под общ. ред. А.А. Герцензона и З.А. Вышинской. М., 1951. С. 234 (автор главы – А.А. Пионтковский).

Термин «позорящие» порой толкуется как общий по отношению к «порочащим», а разграничение проводится по признаку соответствия действительности. В частности, И.Л. Марогулова разграничение порочащих и позорящих сведений проводит в зависимости от соответствия действительности: «у позорящих сведений может и отсутствовать признак ложности»³⁶⁶.

Разъяснения, данные Пленумом Верховного Суда РФ в постановлении, посвященном вопросам квалификации вымогательства, предполагают, что «позорящие» сведения понимаются как порочащие честь и достоинство или подрывающие репутацию лица³⁶⁷. При этом по смыслу ст. 163 УК РФ не имеет значения, соответствуют ли позорящие сведения действительности³⁶⁸. Следовательно, позорящая и порочащая информация о поведении человека – это то, что способна причинить вред чести, репутации лица, вне зависимости от своей истинности или ложности. Порочащими, например, признаются сведения о нарушении законодательства, норм этики, деловой этики, обычаяев гражданского оборота; сведения о нечестном поступке, недобросовестности при осуществлении производственно-хозяйственной или предпринимательской деятельности³⁶⁹.

Соответствие или несоответствие действительности, таким образом, никак не разграничивает содержание порочащих и позорящих сведений. Можно ли утверждать, что порочащие и позорящие характеризуют одни и те же обстоятельства и являются синонимичными?

«Порочащие» и «позорящие» сведения *могут* в некоторых случаях характеризовать разные обстоятельства, а потому синонимами не являются. Различия между пороком и позором существуют и в общеупотребительном смысле: под пороком понимается предосудительный недостаток, позорящее

³⁶⁶ Марогулова И.Л. Защита чести и достоинства личности. М., 1998. С. 66.

³⁶⁷ Абз. 1–2 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

³⁶⁸ Там же. Абз. 1 п. 12.

³⁶⁹ Абз. 5 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

свойство, отклонение от нормального вида, недостаток³⁷⁰. Позор – постыдное или унизительное положение, а равно чувство стыда³⁷¹. Чувство стыда может быть порождено различными обстоятельствами, не только личными предосудительными недостатками и поступками.

Нетождественность «порочащих» и «позорящих» как юридических понятий иллюстрируют позиции судов по изображениям человека для целей применения ст. 163 УК РФ, а также характеристика судами последствий распространения сведений, составляющих личную тайну.

Под порочащими сведениями понимаются такие сведения, которые указывают на факт совершения лицом противоправного, аморального, неэтичного или недобросовестного поступка, а равно сведения о заболевании, представляющем опасность для окружающих. Первая часть определения прямо указывает на «порок» как определенное поведение человека. Сведения о заболевании отнесены к порочащим в силу ч. 4 ст. 128¹ УК РФ: «Клевета о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих...» Отнесение к порочащим сведениям информации о заболеваниях дискуссионно, *de lege ferenda* это представляется неверным, т.к. способ передачи заболеваний никак не указывает на порочное поведение потерпевшего³⁷².

Позорящие сведения – общее понятие по отношению к сведениям порочащим. *Под позорящими сведениями следует понимать порочащие сведения, а также сведения о таких фактических обстоятельствах, которые, не указывая на какой-либо порочащий поступок потерпевшего, тем не менее являются для него постыдными.* Чувство стыда, порожденное распространением позорящих сведений, вызвано не только негативной общественной оценкой человека,

³⁷⁰ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/meta/porok> (дата обращения: 28.09.2025).

³⁷¹ Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. URL: <https://gramota.ru/meta/pozor> (дата обращения: 28.09.2025).

³⁷² Пример из судебной практики – распространение ложных сведений, что потерпевший страдает туберкулезом и венерическим заболеваниями. Постановление Энгельсского районного суда Саратовской области от 03.04.2025 по делу № 1-1-335/2025 (дело прекращено в связи с примирением сторон).

выстраиванием негативных ассоциаций о его поведении, но и его собственными ощущениями позора (например, от пережитого унижения, от демонстрации интимных сторон жизни).

На практике интимные изображения нередко отнесены к позорящим. Поскольку они составляют личную тайну, для целей применения статьи о вымогательстве такие изображения – «иные, способные причинить существенный вред». Однако суды при вменении ст. 163 УК РФ рассматривают интимные изображения не как «иные», а как *позорящие*³⁷³, т.е. причиняющие вред чести, достоинству, репутации. Аналогично интимные фотографии охарактеризованы в одном из решений по ст. 137 УК РФ как изображения с содержанием, «позорящим и унижающим … честь и достоинство [потерпевшей] в глазах общественности»³⁷⁴.

Чувство стыда может быть связано с общественным осуждением или *не* связано с ним. Приведем две иллюстрации. В первой, как установил один из городских судов, интимная видеозапись содержала «визуальные сведения, позорящие потерпевшую»³⁷⁵. Потерпевшая не давала согласия на съемку, однако полагала, что проходит собеседование для работы по оказанию интимных услуг, что в глазах общества порицаемо (в действительности собеседования не было, виновный изначально намеревался использовать изображения для вымогательства). Во втором примере виновные в вымогательстве применили к потерпевшему насилие, заставили раздеться, сделали фотографии потерпевшего

³⁷³ См., напр.: Приговор Вохомского районного суда Костромской области от 15.10.2015 по делу № 1-43/2015; Постановление Октябрьского районного суда города Саранска от 05.03.2020 по делу № 1-86/2020 // СПС КонсультантПлюс.

³⁷⁴ Апелляционное постановление Бондарского районного суда Тамбовской области от 28.02.2024 по делу № 10-1/2024 // СПС «КонсультантПлюс». Отдельные доктринальные предложения учесть одновременное причинение вреда отношениям по охране тайн и чести и достоинства выражаются в предложениях выделить из ст. 137 УК РФ в специальную норму запрет распространения порочащих сведений, соответствующих действительности. Диваева И.Р. Нарушение неприкосновенности частной жизни: проблемы квалификации и совершенствования законодательства: монография. Уфа, 2017. С. 57.

³⁷⁵ Приговор Кунцевского районного суда города Москвы от 03.05.2017 по делу № 01-0180/2017 // СПС КонсультантПлюс.

в обнаженном виде и стали угрожать их распространением³⁷⁶. Потерпевший никаких порочащих его действий не совершал, не мог быть осужден обществом.

Изображения человека в приведенных примерах не могут быть признаны порочащими, не могут быть предметом клеветы не только потому, что соответствуют действительности, но и потому, что не указывают на конкретный поступок. Предположим, что интимное изображение не фиксируется, а *изготавливается*. Как оценить сам факт нахождения в обнаженном виде? Какую фактическую информацию, кроме информации о внешнем виде, такое изображение содержит?

В данном вопросе историческая параллель с началом становления права на изображение неизбежна. В частности, А.В. Завадский, описывая этот процесс, охарактеризовал некоторые судебные подходы как «натяжку». Автор анализировал пример немецкого решения по статье Германского уголовного уложения об оскорблении: «...в данном случае имелось оскорбление потерпевшей, состав оскорблении суд усмотрел в том, что лица, покупающие эти открытки и узнающие лицо, на них изображенное, должны были допустить предположение, что изображенная сама согласилась на распространение своих портретов в таком костюме, что несомненно должно было доказывать недостаточное в ней чувство стыдливости (выделено мной – Т.А.)»³⁷⁷. В обсуждаемом немецком деле были распространены фотографии группы женщин в купальных костюмах. Фотографии были сделаны без получения согласия на это.

Отсутствие чувства стыдливости, которое якобы лежит в основе согласия на собирание определенных фотографий или в основе самостоятельного их изготовления, – это лишь общественное предположение. Вред от психического насилия с изображениями описывается через явление «victim blaming», которое предполагает перекладывание обществом ответственности за преступление на потерпевшего. Такая общественная оценка усугубляет любой вред

---

³⁷⁶ Приговор Подольского городского суда Московской области от 13.02.2023 по делу № 1-39/2023 // СПС КонсультантПлюс.

³⁷⁷ Завадский А.В. Указ. соч. С. 7.

от распространения определенных изображений, отрицает право на определенные способы самовыражения³⁷⁸.

По общему правилу интимные изображения не являются порочащими. Они могут быть признаны таковыми лишь в случае, если содержат фактические сведения, не сводимые к информации о внешности: например, сведения о девиации или использовании интимных отношений для достижения личных целей. Данный вывод подтверждается решением одного из городских судов: «распространил заведомо ложные сведения ... с целью создания у неопределенного круга лиц, просматривающих фотоколлаж, ложного мнения о сексуальной девиации (гомосексуализм) у [потерпевшего,] и оставил под данным фотоколлажем сообщение в виде комментария с текстом: "Архивное фото из отдела кадров Красногорского ОВД. Человек похожий на полковника ... проталкивает свой перевод в Волоколамск", то есть ... распространил не соответствующие действительности ложные сведения о порядке назначения [потерпевшего] на должность...»³⁷⁹.

Данная судом квалификация – ч. 1 ст. 242 УК РФ, ч. 2 ст. 128¹ УК РФ (вменение ч. 1, а не ч. 3 ст. 242 обусловлено прежней редакцией нормы³⁸⁰).

Порочащие сведения, по обстоятельствам дела, распались на две категории: информация о сексуальной девиации (изображение содержало сексуальные действия двух мужчин) и информация о назначении на должность (сведения основаны на единстве изображения и верbalных суждений). Если мысленно исключить из публикации ее словесный компонент, должна быть исключена вторая часть информации – о назначении на должность. Однако сведения о сексуальной девиации по-прежнему должны были бы отразиться в квалификации по ст. 128¹ УК

---

³⁷⁸ Crofts T. Указ. соч. С. 513–514.

³⁷⁹ Приговор Истринского городского суда Московской области от 22.09.2022 № 1-327/2022 // СПС КонсультантПлюс.

³⁸⁰ В редакции Федерального закона от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. № 46. 02.03.2012.

РФ³⁸¹ (т.е. информация о сексуальной девиации представлена только изображением).

Представляется, что суды, применяя ст. 163 УК РФ в случае угрозы распространения интимных изображений, прямо или интуитивно учитывают вред общественной оценке личности и в своей квалификации косвенно отдают приоритет последствиям для чести, стыду и сопутствующим ощущениям потерпевшего. На постсоветском пространстве можно встретить пример прямого законодательного закрепления подобного вреда: в уголовном законе Узбекистана с 11 апреля 2023 г. действует норма о распространении или угрозе распространения изображений обнаженного тела и (или) половых органов. Название соответствующей статьи – «Разглашение сведений, ущемляющих честь и достоинство личности и отражающих *интимные стороны* жизни человека (выделено мной – Т.А.)»³⁸².

Тем не менее, это не означает, что такие сведения могут быть признаны порочащими для клеветы: в интимном изображении нет информации о конкретном поступке, если оно не содержит сведений о преступлении или девиации. Любые попытки истолковать это иначе основаны на предположениях, они недопустимы и вредны для верной общественной оценки поведения преступника и потерпевшего.

Таким образом, изображения позорящие – более широкая категория, чем порочащие. Это проявляется в интимных изображениях, которые оцениваются как позорящие для целей применения ст. 163 УК РФ, но не являются порочащими по смыслу ст. 128¹ УК РФ. Иными словами, любое порочащее изображение – позорящее, но не любое позорящее изображение – порочащее.

---

³⁸¹ Имеется в виду подход с точки зрения текущей правоприменительной практики, однако информация о формах удовлетворения сексуальных потребностей культурно-зависима: см., напр., подход в деле *Porubova v. Russia*, ECHR, 08.10.2009, No. 8237/03.

³⁸² Ст. 141³ Уголовного кодекса Республики Узбекистан. Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 г. № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей» // Национальная база данных законодательства. № 03/23/829/0208. 12.04.2023 г.

В таком случае норма об уголовной ответственности за вымогательство защищает от использования большего количества изображений, чем те, что учтены в нормах о личной тайне и клевете. Созданные с помощью технологий интимные изображения могут быть средством вымогательства, т.е. их использование для вымогательства уголовно наказуемо. Однако с точки зрения состава клеветы интимные изображения не являются порочащими, а личную тайну изображения, не соответствующие действительности, составлять не могут.

Перед окончательными выводами о позорящих и порочащих сведениях следует обратиться ко второй типологии, вынесенной в название параграфа и выделенной на основании соответствия действительности.

Поскольку изображения человека также являются информацией, сведениями, признаками, указывающими на ложный характер, могут в равной степени относиться и к ним. Основанием классификации выступает соответствие или несоответствие действительности. По данному критерию изображения, как и иная информация, делятся на соответствующие или *ne* соответствующие действительности.

Сведения, которые не соответствуют действительности, представляют собой указания на факты или события, не имевшие места в реальности в то время, к которому относятся сведения³⁸³. И порочащие, и позорящие сведения могут быть проверены на соответствие действительности. Содержание фактических сведений будет различаться в зависимости от того, есть ли указание на конкретный поступок. Если информация не указывает на конкретный поступок (т.е. она позорящая, но не порочащая), то ее содержание имеет связь с самим фактом изготовления изображения:

- дипфейк со сценой применения насилия со стороны А по отношению к Б будет содержать утверждение о применении А насилия (порочащее, позорящее, не соответствующее действительности);

---

³⁸³ Абз. 4 п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц».

- дипфейк интимного характера А может быть охарактеризован, например, так: «А изготавлил собственную интимную фотографию и распространил ее какому-то другому лицу» (не порочащее, позорящее, не соответствующее действительности).

Несоответствие действительности может быть также описано как «ложность», но не «заведомая ложность», т.к. последнее характеризует субъективную сторону преступления. Эти понятия следует отличать от «недостоверности» и «заведомой недостоверности».

Для тех преступлений, в которых деяние выражено в распространении заведомо ложной информации, разграничение заведомой ложности и заведомой недостоверности является принципиальным. Именно субъективное отношение распространителя предопределяет наличие или отсутствие общественной опасности – в отличие, например, от мошенничества, для которого сообщение ложных *и* недостоверных сведений является способом. В законе данный способ изложен путем указания и на недостоверные, и на ложные сведения. Как указывается в литературе по мошенничеству, «для наделения данных категорий разным содержанием оснований нет»³⁸⁴.

Распространителем может быть любое лицо, как создавшее информацию, так и распространяющее сведения, кем-то ранее сообщенные (то есть как «источник», так и т.н. «ретранслятор»³⁸⁵).

Исследуемые понятия ложности и недостоверности некоторыми учеными рассматриваются как тождественные³⁸⁶, с чем нельзя согласиться. Толкование

³⁸⁴ Яни П.С. Фальсификация единых государственных реестров (статья 285³ УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 38–43. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁵ Данные термины используются, напр., А.Г. Кибальником: см. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41–44.

³⁸⁶ См., например: Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6. С. 72. См. также: «...можно предположить, что ложная информация является недостоверной. ... Изложенное свидетельствует об идентичности предмета преступления и административного правонарушения [применительно к ст. 207¹, 207² УК РФ, ст. 13.15 КоАП РФ]». Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые – наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32–37. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

«достоверных» и «недостоверных» гораздо многообразнее по сравнению с антонимичной парой «ложные-истинные». Достоверность отражает одновременно точность, непротиворечивость и объективность. В аспекте достоверности анализируется также выборочное представление сведений³⁸⁷. Недостоверность информации «отражает уровень доверия к источнику информации»³⁸⁸.

По мнению Н.Г. Иванова, ложные сведения действительности не соответствуют «ни в каком виде и ни в каком варианте», это «плод выдумки», а недостоверные – «могут полностью или частично не соответствовать действительности, но они не являются исключительной выдумкой, фантазией»³⁸⁹. Между тем часто оценить сведения на предмет «выдумки», о которой говорит автор, невозможно в связи с тем, что информация получена от других лиц и лишена какого-либо авторского вклада³⁹⁰. Однако важна идея Н. Г. Иванова, что недостоверные сведения часто частично основаны на фактах.

Недостоверность, таким образом, относится не к истинности информации непосредственно, а к тому, насколько она *представляется* правдоподобной, с учетом используемых источников, ссылок, манеры изложения: например, если высказываемые утверждения категоричны, то, чем они подкреплены и т.д. Формулировка ст. 207¹ УК РФ «под видом достоверных сообщений» также предполагает, что ложность сообщений и достоверный их вид должны разграничиваться. Достоверный вид придается ложным сообщениям посредством

³⁸⁷ Снежко О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁸ Симонова С.В. Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

³⁸⁹ Иванов Н. Г. Объективная сторона распространения ложной информации // Уголовное право. 2020. № 5. С. 66–67.

³⁹⁰ Связанная с вымыслом или выдумкой терминология встречается в судебных решениях крайне редко. Например, в оправдательном приговоре 2010 года указано, что для вменения клеветы лицо должно достоверно знать, что «распространяет вымышленные сведения о поступках человека». Приговор Зилаирского районного суда Республики Башкортостан от 29 апреля 2010 г. № 10-2/2010 // СПС «КонсультантПлюс».

использования соответствующих форм, способов изложения, ссылок на авторитетные источники, поддельных документов, видео-, аудиозаписей³⁹¹.

Заведомая ложность – *убежденность* лица в том, что распространяемые сведения не соответствуют действительности. *Допущение*, что сведения не соответствуют действительности, исключает признаки составов уголовно наказуемого распространения заведомо ложных сведений. Если установлено допущение, то речь может идти исключительно о признаке недостоверности, а не о ложности. Достоверность характеризует проверку информации, работу с источниками, отношение к первичному распространителю и т.п. Это соответствует и значению слов: если ложность – это несоответствие истине, «неправдивость»³⁹², то «досто-» – частица, используемая для усиления «достоинства или значения» существительного или прилагательного³⁹³, под достоверным понимается «не вызывающий сомнений, надежный»³⁹⁴. Следовательно, недостоверность – как отсутствие качества достоверности – означает отсутствие дополнительных причин, оснований доверять полученной информации, «гарантий» ее бесспорности.

Иногда в доктрине используется категория «предположительно ложные сведения»³⁹⁵, но при наличии в законе термина «недостоверные» представляется верным придерживаться именно его, не умножая сущности. Заведомая недостоверность проявляется в том, что субъект осознает, что информация может оказаться неточной или искаженной. Некоторые решения по делам об административных правонарушениях это отражают (именно в административно-

---

³⁹¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утв. Президиумом ВС РФ 30.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

³⁹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Набр. и напеч. со 2-го изд. 1880-1882 гг., испр. и значит. умнож. по рукописи автора. Том второй. М., 1978. С. 241.

³⁹³ Указ. соч. Том первый. М., 1978. С. 479.

³⁹⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. Под ред. д.ф.н., проф. Н.Ю. Шведовой. М., 1984. С. 152.

³⁹⁵ Аниськина Э. Г., Муллахметова Н. Е. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. 2020. № 5. С. 10–11.

правовой, а не уголовно-правовой плоскости и должны рассматриваться такие дела, поскольку заведомая ложность в таких случаях исключена).

Например, в постановлении Бикинского городского суда по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ указывается, что Г., «не убедившись в достоверности общезначимой информации, полученной из неустановленных источников», просила распространить указанные сведения в различных группах в Интернете. При этом суд также пишет, что «субъективная сторона правонарушения характеризуется умыслом», а умысел «заключался в намерении распространить заведомо недостоверную общественно значимую информацию под видом достоверной»³⁹⁶. В возбуждении уголовного дела в отношении Г. по ст. 207¹ УК РФ («Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан») ранее было отказано.

Иными словами, когда сведения заведомо недостоверны, описание отношения лица к их ложности схоже с описанием неосторожной формы вины («заведомость» недостоверности характеризует невыполнение обязанностей по проверке информации):

- должен был перепроверить, но не перепроверил;
- осознавал, что могут оказаться ложными, но легкомысленно рассчитывал на надежность источника;
- выбрал один источник информации, тогда как должен был перепроверить ее и по другим.

Уголовная ответственность за распространение заведомо недостоверных сведений должна быть исключена, хотя они и не соответствуют действительности³⁹⁷.

---

³⁹⁶ Постановление Бикинского городского суда (Хабаровский край) от 6 июля 2020 г. по делу № 5-191/2020. URL: www.sudact.ru/regular/doc/Wef25TkwNGJ/ (дата обращения: 27.02.2023).

³⁹⁷ См. подробнее позицию автора: Алексеева Т.С. Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12 (169). С. 120–131.

Изображения со сведениями, не соответствующими действительности, актуальны в силу развития дипфейк-технологий. Пример легальной дефиниции дипфейка можно почерпнуть в правовых актах Европейского союза. Под дипфейком в ЕС понимается:

- изображение, аудио- или видеозапись («image, audio or video content»),
- изготовленные или измененные с помощью технологий искусственного интеллекта («AI-generated or manipulated»),
- схожие с реально существующими людьми, предметами, местами, организациями или мероприятиями («that resembles existing persons, objects, places, entities or events»),
- которые человек ошибочно воспринял бы как оригинальные и (или) достоверные изображения или записи («and would falsely appear to a person to be authentic or truthful»)³⁹⁸.

Отметим, что в российских правовых исследованиях также используется один из ключевых в указанном определении признаков – признак «внешней» достоверности. Например, В.О. Калятин обращает внимание на то, что дипфейк имитирует реальность как можно более точно, «искусственное происхождение в обычной ситуации для аудитории не очевидно»³⁹⁹.

В этой связи упомянем законотворческое предложение дополнить диспозицию ст. 128¹ УК РФ указанием на совершение клеветы «с использованием изображения или голоса (в том числе фальсифицированных или искусственно созданных) потерпевшего или иного лица, а равно с использованием биометрических персональных данных потерпевшего или иного лица...».

---

³⁹⁸ Article 3 (60). Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024/1689. 12.7.2024. Далее – Регламент ЕС об искусственном интеллекте.

³⁹⁹ Калягин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

В Пояснительной записке к законопроекту подчеркивалось, что дипфейкам свойственна повышенная степень достоверности по сравнению с предшествующими технологиями подделки фотографий⁴⁰⁰. Несмотря на то, что авторы законопроекта отметили различия между дипфейком и простой подделкой фотографий, предложенные новые формулировки ст. 128¹ УК РФ этого не учитывают. Использование фотоколлажа – такое же использование изображения, как и дипфейк. Более того, толкование текста законопроекта предполагает, что для вменения этой разновидности клеветы было бы достаточно использования и подлинного изображения в сочетании с соответствующим текстом с порочащими сведениями (т.е. в случаях использования фотографии человека только для иллюстрации, о ком именно идет речь).

Связь между обоснованием повышения общественной опасности и предлагаемым в законопроекте изменением, таким образом, оказалась нарушена. Отметим отрицательный отзыв, поступивший на этот законопроект от Правительства РФ, которое посчитало внесение подобных изменений невозможным «из-за отсутствия корреспондирующих норм материального [имеется в виду, не уголовно-правового] характера», неурегулированности вопросов «использования технологии подмены личности (дипфейк)»⁴⁰¹.

Регламент ЕС об искусственном интеллекте накладывает разнообразные обязательства и ограничения: в части дипфейков и генеративного искусственного интеллекта это обязательства по обеспечению прозрачности технологий («transparency obligations», ст. 50 Регламента). В общем виде принцип прозрачности действует и в российском правопорядке: его ключевые элементы – объяснимость

---

⁴⁰⁰ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Материалы к законопроекту № 718538-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 23.04.2025).

⁴⁰¹ Официальный отзыв Правительства РФ на проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Материалы к законопроекту № 718538-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8> (дата обращения: 23.04.2025).

(работы и процесса достижения результатов) и доступ к информации о применяемых алгоритмах⁴⁰².

Применительно к дипфейкам в Регламенте ЕС об искусственном интеллекте субъект, на котором лежит обязанность обеспечить прозрачность, – «deployer». В российской доктрине данный термин переводят как «эксплуатант»⁴⁰³. Эксплуатант – *профессиональный* пользователь системы искусственного интеллекта. Таким образом, использование ее для личных нужд данным понятием не охвачено⁴⁰⁴. Эксплуатант, согласно Регламенту ЕС об искусственном интеллекте, обязан довести до сведения пользователей факт создания материала с помощью технологий искусственного интеллекта.

Исключение – использование дипфейка в целях осуществления уголовного преследования. ИИ-технологии давно используются в таких целях. Например, в Нидерландах виртуальный аватар девочки (Свити, или Sweetie) изначально предполагал, что от имени Свити будет общаться человек. Эта технология используется для выявления и расследования преступлений против несовершеннолетних (в частности, их использования для изготовления вебкам-порнографии). В дальнейшем программа была доработана – версия Sweetie 2.0 участия человека для виртуального общения больше не требует, его заменил чат-бот. Однако фото и видео порнографического характера программа не распространяет, не демонстрирует, поэтому квалификация действий ее собеседников возможна (если вообще возможна) только как неоконченного деяния;

---

⁴⁰² П. 19 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024, с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

⁴⁰³ См., напр.: Мельникова Е.Н. Наднациональное правовое регулирование искусственного интеллекта как инструмент распределения ответственности за причиненный вред (опыт Евросоюза) // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 38–54; Шамраев А.В. Международные подходы к регулированию виртуальных банков, систем алгоритмической торговли и искусственного интеллекта при совершении финансовых сделок // Банковское право. 2020. № 6. С. 58–72.

⁴⁰⁴ Ст. 3 (4) Регламента ЕС об ИИ.

квалификация осложняется также тем, что невозможно установить возраст потерпевшей, которой на самом деле не существует⁴⁰⁵.

Регламент ЕС об искусственном интеллекте предусматривает также сбалансированный подход к обязанностям эксплуатантов с точки зрения свободы творчества: для творческих, художественных, сатирических и т.п. произведений действует общая обязанность указать на наличие в произведении материала, созданного с помощью искусственного интеллекта, но эксплуатанты вправе сделать это таким образом, чтобы не мешать восприятию произведения.

Правовое решение проблемы дипфейков в Регламенте ЕС об искусственном интеллекте можно условно обобщить как обязанности по маркировке. Схожий подход избран в КНР: на развитие технологий генеративного искусственного интеллекта Китай отреагировал принятием Положения об администрировании информационных сервисов на основе глубокого синтеза в сети Интернет и Временных мер по администрированию сервисов генеративного искусственного интеллекта (далее – Временные меры)⁴⁰⁶. В российской правовой доктрине китайский опыт нормативно-правового регулирования в данной сфере оценивается как «один из самых успешных в мире»⁴⁰⁷.

Кроме обязанностей по маркировке, в ст. 4 Временных мер также закреплены обязанности обеспечить, чтобы генерируемые материалы соответствовали социалистическим ценностям (это, безусловно, особенность регулирования именно в *национальном* правопорядке), а также не содержали информации, направленной на свержение социалистического строя, оправдывающей терроризм или

---

⁴⁰⁵ Schermer B., van der Hof S., Georgieva I., Koops B.-J. Legal Aspects of Sweetie 2.0 // S. van der Hof et al. (eds.), Sweetie 2.0. Information Technology and Law Series 31. The Hague, 2019. C. 7–8, 29–30, 84.

⁴⁰⁶ Переводы названий актов на русский язык приведены по: Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / Васин Е.О., Гвоздырева А.Д., Дайнека А.П. и др. Под ред. А.В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс». 2024.

⁴⁰⁷ Кудашкин Д.А. Кибербезопасность и правовая защита информации от угроз искусственного интеллекта // Юрист. 2025. № 3. С. 38–41. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

экстремизм, содержащей сцены насилия или признаки порнографии. Этой же статьей запрещено создание ложных или наносящих вред материалов.

С точки зрения ответственности важны также следующие особенности регулирования Временными мерами:

- в ст. 21 прямо закреплена возможность привлечения к административно-или уголовно-правовой ответственности при нарушении Временных мер и положений соответствующего закона (например, о персональных данных или кибербезопасности); если в бланкетном законодательстве нет прямых запретов, но государственные органы оценивают контент как противоправный, то они уполномочены выносить предупреждения, если предупреждения или замечания игнорируются провайдером – то приостанавливать работу сервиса;

- субъекты ответственности – провайдеры – по смыслу легальной дефиниции в ст. 22 Временных мер близки к «эксплуатантам» из Регламента ЕС об искусственном интеллекте, потому что они *предоставляют* сервисы для генерации контента, а для пользователей, которые непосредственно генерируют изображения, аудио и текст, есть свой термин («users»)⁴⁰⁸.

И хотя нормативные положения КНР действительно характеризуются детализированностью, следует иметь в виду, что существенные ограничения – именно ограничения, а не маркировка – ставят перед разработчиками и эксплуатантами непростую задачу: либо сильно уменьшить объем данных для обучения, предусмотрительно исключив все то, что не соответствует нормативным правовым актам и социалистическим ценностям, либо, сохранив изначально широкий набор данных для обучения (что для качественной генеративной модели

---

⁴⁰⁸ Содержание Временных мер изложено на основании следующих материалов: Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [неоф. перевод] // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (дата обращения: 15.05.2025), Interim Measures of the Management of Generative Artificial Intelligence Services // Официальный интернет-портал Государственной канцелярии интернет-информации КНР. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 15.05.2025); Статья «China: Generative AI Measures Finalized» // Интернет-портал Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2023-07-18/china-generative-ai-measures-finalized/> (дата обращения: 15.05.2025).

необходимо), при предоставлении услуг неопределенному кругу лиц попытаться ограничить круг вопросов, по которым модель должна быть уполномочена генерировать ответ.

Несмотря на то, что второе решение имеет явные преимущества с точки зрения обучения модели за счет большего объема данных, это всегда будет порождать риск, что модель ответит на конкретный запрос с нарушением нормативных запретов.

С учетом изложенного, можно сделать следующие промежуточные выводы по технологии «дипфейк»:

- правовое значение имеет только тот дипфейк, который неотличим от подлинного изображения;
- в российском законодательстве нет легального определения дипфейков, а равно закрепления прямых обязанностей тех лиц, которые разрабатывают и (или) эксплуатируют соответствующие системы;
- распространенный в других странах подход к регулированию в этой сфере – маркировка контента, созданного с помощью технологий дипфейк / генеративного искусственного интеллекта.

В России большие генеративные модели определены на уровне подзаконного регулирования, и к ним относятся такие модели, которые способны создать мультимодальные данные (в том числе изображения) «на уровне, сопоставимом с результатами интеллектуальной деятельности человека или превосходящем их»⁴⁰⁹.

Для отдельных видов преступлений актуальность проблемы дипфейков была очевидна довольно давно. В частности, изготовители порнографических материалов стали применять данные технологии одними из первых, хотя вскоре стало ясно, что ограничивать значение дипфейков только значением для составов,

---

⁴⁰⁹ Пп. «ж» п. 3 Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 "О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации" и в Национальную стратегию, утвержденную этим Указом» // Собрание законодательства Российской Федерации. 19 февраля 2024 г. № 8. Ст. 1102.

связанных с порнографией, некорректно⁴¹⁰. Впрочем, квалификация порнографического материала не зависит от того, как именно материал изготовлен, по меньшей мере по российскому праву нет требования, что изображение должно быть подлинным.

Однако дипфейки могут быть использованы также для совершения иных деяний, общественная опасность которых выражена в первую очередь в распространении не соответствующих действительности сведений. Описывая вред дипфейк-технологий, специалисты опираются на социологические исследования, согласно которым ложная информация распространяется быстрее истинной, число ее репостов / ретвитов выше, запоминается она лучше, а общее влияние на общество качественно выше при распространении информации в сети Интернет⁴¹¹. Дипфейки играют роль в политических и социальных процессах, усиливают достоверность при описании действий сторон в вооруженных конфликтах, представителей государственных органов или функционирования важных социальных институтов.

При этом полный запрет использования рассматриваемых технологий невозможен, поскольку они безусловно полезны при применении в сфере образования, в науке и искусстве. Очевидно, что использование дипфейков представляет общественную опасность только в отдельных случаях, что подводит к вопросу, нужно ли учитывать для целей уголовно-правового регулирования особое доверие общественности к псевдо-реалистичной информации, и, если да, то каким именно образом отражать это в уголовном законе?

Например, клевета – одно из преступлений, традиционно упоминаемых в контексте дипфейк-технологий. Отметим, что формальных препятствий квалифицировать распространение порочащих изображений как клевету, согласно действующему уголовному законодательству, нет. Тем не менее, специалисты предлагают ввести специальную норму о распространении дипфейков, ставя под

---

⁴¹⁰ Chesney, B., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Vol. 107. P. 1757.

⁴¹¹ Chesney, B., Citron D. Указ. соч. С. 1767.

сомнение возможность установления всех признаков состава – ложного и порочащего характера сведений⁴¹². Однако для правовой оценки использования дипфейков было бы разумно воспользоваться признаком, который уже известен уголовному закону: распространение ложных сведений *под видом* достоверных, т.к. это позволит отграничить действительно реалистичный дипфейк от изображения, которое никак не усиливает общественную опасность (например, дипфейка низкого качества или фотоколлажа; его распространение также может образовать состав клеветы, но свойством достоверности, большей правдоподобности, не обладает). Согласно Обзору по отдельным вопросам судебной практики, утвержденному Президиумом Верховного Суда РФ, приданье информации достоверности может быть достигнуто путем ссылок на компетентные источники, использования поддельных документов, видео- и аудиозаписей, а также относящихся к иным событиям документов⁴¹³. Использование реалистичного дипфейка также является способом придать информации достоверный вид.

Дипфейки, как и иные изображения человека, могут быть порочащими и позорящими (позорящими в том числе тогда, когда не содержат конкретных порочащих утверждений, но формируют определенный образ). Полагаем, что такие дипфейки могут быть предметом преступлений. Есть и иная категория – те дипфейки, которые формируют определенный образ, нежелательный для обладателя облика, но не позорящий. Например, участие в рекламе определенного товара, если этот товар не формирует никаких позорящих ассоциаций (именно с дел о рекламе во многом началось становление права на неприкосновенность

---

⁴¹² См., напр.: Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. Цит. по СПС «КонсультантПлюс». См. также: «Понятно, что при использовании образов людей в дипфейках говорить о "ложных сведениях" не всегда уместно, да и "порочащий" характер (который еще надо доказать) здесь тоже присутствует не всегда». Калягин В.О. Указ. соч.

⁴¹³ Ответ на вопрос № 12. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (Covid-19) № 2, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

частной жизни в США). В данной части субъект права на изображение должен быть наделен гражданско-правовой защитой, а не уголовно-правовой.

В Европейском Союзе наибольшее внимание на данный момент уделено не позорящим сведениям, как общему понятию, а дипфейкам сексуального характера (изображениям действий сексуального характера или интимных частей тела человека). Это обусловлено во многом тем, что действия с такими изображениями рассматриваются как проявление насилия – потому соответствующие положения закреплены в ст. 5 Директивы о насилии против женщин и домашнем насилии. Европейский Союз налагает на входящие в его состав государства обязанность установить уголовную ответственность за распространение интимных изображений, если это с высокой вероятностью причинит существенный вред изображеному лицу, а равно за действия с изготовленным материалом, создающим впечатление, что изображенный был вовлечен в действия сексуального характера (аналогично – если это с высокой вероятностью причинит существенный вред изображеному лицу)⁴¹⁴. Применительно ко второму типу материалов деяние представляет собой:

- изготовление («producing»), модификация («manipulating») или подделка («altering») изображений, видео и аналогичных материалов;
- с последующим предоставлением общественности доступа к материалам («subsequently making accessible to the public»);
- с помощью информационно-телекоммуникационных технологий, без согласия лица.

В этой же статье 5 Директивы содержится обязанность криминализовать при определенных условиях угрозу совершить описанное деяние в целях принуждения потерпевшего что-либо совершить (или, наоборот, чего-либо не совершать). Представляет интерес, во-первых, что предлагается криминализовать именно *последовательные* акты по изготовлению и распространению, во-вторых, что

---

⁴¹⁴ Article 5 «Non-consensual sharing of intimate or manipulated material». Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence // Official Journal of the European Union. L. 24.05.2024.

обязательным признаком состава соответствующего преступления должна являться высокая вероятность причинения существенного вреда изображеному лицу (речь идет о создании угрозы причинения существенного вреда, а не его реальному причинении).

Таким образом, противоправные действия, связанные с дипфейками, разделяются на нарушения обязанностей по маркировке, при условии наличия такой обязанности в законодательстве, а также уголовно наказуемые деяния. К последним относятся только действия с *определенными видами* дипфейков.

Представляется, что именно категория позорящих изображений в российском праве может быть полезна для конструирования пробела в правовом регулировании дипфейков. Если для составов распространения ложной информации актуален признак «под видом достоверных», то для целей защиты от обобщенного негативного образа допустимо использовать термин «позорящие».

2.3. Изображения, содержащие сцены применения насилия

Сцены применения насилия к конкретным лицам обладают многогранным эффектом. Порой они описываются как наносящие вред общественной нравственности, приближаясь по механизму причинения вреда к порнографическим изображениям. Культура допустимых и непристойных изображений нередко исследовалась параллельно в отношении порнографии и изображений насилия: отмечалось, что в СССР нетерпимость и к тому, и к другому, в Дании – нет ограничений на изображения сексуального характера, но высока нетерпимость к сценам насилия, а в США – наоборот⁴¹⁵. Нельзя недооценивать и тот вред, который наносится изображеному лицу. Так, отдельные авторы сравнивают изображения насилия с интимными, потому что они могут быть использованы для угроз, унижения или причинения психологического вреда⁴¹⁶.

---

⁴¹⁵ Leach M. Указ. соч. С. 16–17. Автор обращает внимание на то, насколько определение порнографии зависит от культурного и временного контекста, и предполагает, что скоро (работа издана в 1975 году) может «настать черед» фильмов со сценами насилия и жестокости. С. 26.

⁴¹⁶ Chesney, B., Citron D. Указ. соч. С. 1774.

Насилие может пониматься в широком и узком значениях:

- как любое осознанное и волевое причинение физического или психического вреда человеку;

- как преступное насилие, т.е. только общественно опасные и противоправные деяния, запрещенные уголовным законом под угрозой наказания; все действия, внешне схожие с насилием, но не являющиеся общественно опасными и противоправными, могут быть названы правомерным причинением вреда, применением силы и т.п. (например, причинение вреда в рамках необходимой обороны)⁴¹⁷.

Следовательно, изображения насилия также могут быть рассмотрены в двух значениях, разных по своему объему: как изображения любого насилия или изображения преступного насилия. Кроме того, изображаемое насилие может быть реальным или имитируемым. Культурное значение конкретного изображения не может быть заранее предопределено в качестве константы даже в том случае, если съемка произведена самим преступником, т.к. по прошествии времени историческое и художественное значение может меняться. Подтверждением тому являются фотографии, сделанные в иракской тюрьме Абу-Грейб для само-развлечения преступников и ставшие впоследствии частью документального произведения о применяемом в тюрьме насилии⁴¹⁸.

Определение в качестве особого предмета преступления изображения насилия, т.е. создание специальной нормы в Особенной части – это путь, выбранный, например, в Узбекистане, где в качестве предмета указана «продукция,

⁴¹⁷ Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения). Дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2006. С. 41–42. Данную позицию занимает также, например, Радостева Ю.В.: Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия. Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2006. С. 41.

⁴¹⁸ Преступления совершались американскими военнослужащими. Ciocan C. Violence and image // Continental Philosophy Review. 2021. № 54. С. 341. Примечательно также, что автор не проводит прямую одностороннюю связь значения изображения с его художественным или документальным характером: он обращает внимание на то, что фильмы ужасов по сравнению с боевиками в большей степени заставляют почувствовать себя жертвой, чем сторонним наблюдателем, а исторические кадры, сделанные корреспондентами, словно делают «ждущего удачный кадр» журналиста соучастником применяемого насилия, а вместе с ним – и того, кто позже на этот снимок смотрит. Там же. С. 344–346.

пропагандирующая культ притеснения, насилия или жестокости»⁴¹⁹. Предмет преступления охватывает изображение любого насилия, в его широком значении, а равно имитации применения насилия. Признаки пропаганды культа насилия обостряют проблему общественной опасности такого материала, его влияния на зрителя – т.е. все те же вопросы, которые, как было указано выше, невозможно решить в отношении порнографических материалов. Представляется, что опасность такой продукции для психики зрителя, так же, как и опасность порнографических материалов, невозможно достоверно установить. Обоснованность подобной криминализации все время будет ставиться под сомнение. Следовательно, изображения насилия как предмет преступления должны быть ограничены только изображениями реального насилия.

Необходимо далее ответить на вопрос, следует ли ограничить предмет преступления только изображениями уголовно-правового насилия. Могут ли быть предметом преступления изображения потерпевших от насилия, наказуемого в порядке производства по делам об административных правонарушениях?

Если изображение содержит подлинные сцены применения насилия, то это затрагивает частную жизнь потерпевшего, поскольку изображения страданий, претерпеваемых потерпевшим, касаются наиболее интимных сторон частной жизни, представляют человека в уязвимом виде.

Защита прав потерпевшего в такой ситуации не универсальное общемировое решение – скорее, европейская правовая традиция⁴²⁰, обращающая внимание на

⁴¹⁹ Ст. 130¹ Уголовного кодекса Республики Узбекистан, утвержденного Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-ХII, в редакции Закона Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 г. № ЗРУ-829. Полный текст актуальной редакции уголовного закона Республики Узбекистан доступен на электронном ресурсе: URL: <https://www.lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 20.02.2025). Согласно данной статье, уголовно наказуемы «изготовление или ввоз на территорию Республики Узбекистан с целью распространения, рекламирования, демонстрации, а равно распространение, рекламирование, демонстрация продукции, пропагандирующей культ притеснения, насилия или жестокости, в том числе в средствах массовой информации, сетях телекоммуникаций или всемирной информационной сети Интернет, совершенные после применения административного взыскания за такие же действия».

⁴²⁰ В этом отношении противопоставлены, например, подходы Европы и США, поскольку США иначе решают вопрос о балансе прав на свободу выражения мнений и права на

особое психоэмоциональное состояние лица. В отдельных странах защита права лица на изображение в особом психоэмоциональном состоянии предоставляется не только при освещении преступлений, но даже в тех случаях, когда причиной такого состояния лица являются его собственные поступки. Примером служит запрет на съемку подсудимого в зале судебного заседания и по пути следования к нему. Такая норма была предметом рассмотрения ЕСПЧ в деле *Egeland and Hanseid v. Norway*. Общий законодательный запрет фотографировать в суде в ходе судебного разбирательства по уголовному делу дополнен указанием на запрет фотографировать обвиняемых или осужденных без их согласия на пути в зал судебного заседания, или из него, или во время нахождения в здании, где проводится слушание по делу. Заявители, главные редакторы двух газет Норвегии, были привлечены к ответственности за публикацию фотографий в нарушение названного запрета. Согласно позиции заявителей, привлечение их к ответственности нарушило ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод⁴²¹.

ЕСПЧ признал, что привлечение заявителей к ответственности *не* нарушило свободу выражения мнения, учитывая, что фотографию подсудимой по делу о тройном убийстве (т.н. «случай Ордеруд»⁴²²) заявители сделали без ее согласия после выхода из зала судебного заседания по оглашении приговора и ее психоэмоциональное состояние было удрученным («...заливалась слезами, покидая суд...»)⁴²³. ЕСПЧ, подчеркнув необходимость защиты как частной жизни лица, так и интересов правосудия, посчитал первое доминирующим⁴²⁴.

неприкосновенность частной жизни. См. *Cox Broadcasting Corp. v. Cohn*, 420 U.S. 469 [95 S.Ct. 1029, 43 L.Ed.2d 328].

⁴²¹ Окружной суд, рассматривая дело, пояснил, что ключевая цель данной нормы – защитить обвиняемого или осужденного от того, чтобы его изображали в ситуациях, когда самоконтроль снижен. *Egeland and Hanseid v. Norway*, no. 34438/04, § 16, 16 April 2009.

⁴²² Женщина и ее родители были застрелены в своем доме. Подсудимыми по делу стали брат женщины (и сын убитой пары, соответственно), его жена, сестра жены, а также друг последней. Там же, пар. 6.

⁴²³ Там же. Пар. 18.

⁴²⁴ Там же. Пар. 63.

Отметим, что Верховный Суд Норвегии провел сравнение этого случая с т.н. делом Банехея, в котором фотография осужденного за изнасилование и убийство двух девочек была сделана представителем СМИ после вынесения приговора. Суд подчеркнул, что осужденная по делу Ордеруд проявила *ожидаемую в обстоятельствах* реакцию, тогда как осужденный по делу Банехея в ответ на оглашенный приговор улыбался, жуя жевательную резинку. Реакция последнего, по мнению суда, была важна на фоне жестоких обстоятельств совершенных им преступлений. Общество имеет право на получение такой информации, а потому фотография осужденного представляла собой *исключение из общего правила*⁴²⁵.

Иными словами, психоэмоциональное состояние может иметь решающее значение даже тогда, когда речь идет о защите частной жизни лица, совершившего преступление. Частная жизнь потерпевшего заслуживает еще более широкого подхода к защите, поскольку распространением информации о совершенном преступлении не только причиняются дополнительные страдания потерпевшему, но и запускается процесс его ревictimизации.

Достаточно ли аргументов, изложенных выше, для того чтобы привлечь к уголовной ответственности за собирание и распространение изображений потерпевшего? Законодатель принял решение о выделении специальной нормы, закрепленной в ч. 3 ст. 137 УК РФ. В ней сочетаются два важных признака субъекта права на тайну частной жизни – это не только статус потерпевшего⁴²⁶, но и возраст: «Незаконное распространение в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях информации, указывающей на

⁴²⁵ Там же. Решение Верховного Суда Норвегии, включая сравнение с делом Банехея, приведено в параграфе 18.

⁴²⁶ Примечательно, что в литературе предлагается относить преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 137 УК РФ, к преступлениям против правосудия, на том основании, что защищается скорее следственная тайна, а не тайна частной жизни. См. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. Дис. ... д.ю.н. М., 2017. С. 180–181. Автор исследования, признавая дискуссионный характер объекта данного преступления, придерживается позиции, что им является тайна частной жизни, т.к. преступление может остаться латентным, а потерпевший – никогда не быть наделенным соответствующим процессуальным статусом.

личность несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста, по уголовному делу, либо информации, содержащей описание полученных им в связи с преступлением физических или нравственных страданий, повлекшее причинение вреда здоровью несовершеннолетнего, или психическое расстройство несовершеннолетнего, или иные тяжкие последствия...» (ч. 3 ст. 137 УК РФ).

Предметом указанного состава преступления являются разные по своему содержанию сведения: с одной стороны, это данные, идентифицирующие потерпевшего младше 16 лет («информация, указывающая на личность», т.е., по существу, любые персональные данные, включая ФИО); с другой – «информация, содержащая описание физических или нравственных страданий» (в этой части предмет может относиться и к ч. 1 ст. 137 УК РФ).

Таким образом, признаки являются альтернативными и оценены законодателем одинаково, при этом общественная опасность разглашения персональных данных и описания страданий неравнозначна. Впрочем, любые выводы по данной норме носят исключительно теоретический характер, поскольку состав сконструирован как материальный, а установление последствий, как и причинной связи между последствиями и распространением информации крайне осложнено – если вообще возможно. Абсолютно «мертвый» характер ч. 3 ст. 137 УК РФ подтверждается тем, что за все время действия нормы статистика остается «нулевой».

Между тем, отсутствуют препятствия для признания изображения, фиксирующего факт применения действительного насилия, предметом преступления по ч. 1 ст. 137 УК РФ. Беспомощное состояние, страдания относятся к той стороне жизни, которая является личной тайной, если она не распространена по согласию лица. Случаи квалификации распространения изображений, содержащий сцены насильственных действий в отношении потерпевшего, на практике редко, но встречаются.

Так, суд не согласился с доводами стороны защиты, которая настаивала на том, что сведения об избиении не могут составлять личную тайну пострадавшего,

так как изначально были известны широкому кругу лиц – очевидцам избиения и причастным к этому лицам. Суд отметил, что были распространены сведения «о реальных фактах и отношениях некомплиментарного характера, наносящих репутационный ущерб» потерпевшей и «содержащих постыдные, с точки зрения морали, сведения о фактах, ее порочащих и унижающих», которые потерпевшая «не желала придавать гласности». «Указанные сведения – делает вывод суд, – являются сведениями личного, частного характера, которые были определены потерпевшей как сведения, составляющие ее личную тайну»⁴²⁷.

Такую квалификацию следует поддержать: примененное насилие получило дополнительный эффект за счет того, что изображение было распространено неопределенному кругу лиц. Однако обоснование, которое использовал суд, может вызывать вопросы: из него буквально следует, что нарушение неприкосновенности частной жизни имело место в силу распространения позорящих потерпевшего сведений, хотя в первую очередь такая квалификация должна объясняться тем, что распространялись изображения потерпевшего в уязвимом и страдающем состоянии.

Представляется, что предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 137 УК РФ, могут быть также изображения насилия, охваченного законодательством об административных правонарушениях. Иное решение означало бы, что зафиксированные страдания потерпевшего от нанесения ему административно наказуемых побоев (ст. 6.1.1 КоАП РФ) оцениваются иначе, чем от уголовно наказуемых (ст. 116 УК РФ). Следовательно, предметом преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, могут быть изображения насилия в широком смысле, т.е. причинения физического и психического вреда вне зависимости от того, является ли это причинение общественно опасным и противоправным, то есть может ли быть квалифицировано в качестве уголовно-наказуемого деяния, запрещенного уголовным законом под угрозой наказания.

---

⁴²⁷ Апелляционное постановление Бабушкинского районного суда города Москвы от 16.10.2018 по делу № 10-35/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Тем не менее, все вышеизложенное должно быть оценено также с учетом распространенности такого явления, как треш-стримы. Данный феномен существует и является предметом исследования и в других странах. Например, в Польше треш-стримы, называемые патостримами (слово «*патострим*» образовано по аналогии с *патологиями*), классифицируются в зависимости от количества ведущих, наличии приглашенных гостей, степени участия аудитории, содержания. Например, по последнему критерию треш-стримы делятся на алкоголь-стримы, стримы сексуальным, насильственным содержанием, «повседневные» стримы с акцентом на насилии и разнообразных провокациях⁴²⁸.

Описывая стандартную схему проведения треш-стрима (на примере реального дела по ч. 4 ст. 111 УК РФ), можно выделить несколько «акторов»: 1) ведущий (общается с аудиторией и применяет насилие); 2) контент-мейкер (претерпевающий разнообразные виды обращений с собой); 3) аудитория. Вклад аудитории не сводится к просмотру: зрительское финансирование поддерживает выбор определенных опций, что именно ведущему следует сделать в отношении контент-мейкера.

Формально контент-мейкер дает неконкретизированное согласие как на применяемое насилие (а также на многие другие действия – аморальные и / или унижающие человеческое достоинство), так и на его демонстрацию в прямом эфире. Вред общественным отношениям по охране неприкосновенности частной жизни априори исключается в силу прямо выраженного согласия на демонстрацию.

Такое обстоятельство, как нахождение в состоянии алкогольного или наркотического опьянения, в котором нередко находятся контент-мейкеры, не может быть расценено как свидетельствующее об отсутствии их действительного согласия на демонстрацию. Нормы, в которых наличие или отсутствие согласия оценивается с учетом опьянения, должны быть прямо обозначены законодателем или высшей судебной инстанцией, поскольку данный подход должен быть основан

---

⁴²⁸ Cyrek B., Popiółek M. Trash streaming: characteristics and methodological guidelines // Przegląd Kulturoznawczy. 2022. № 3 (53). С. 448, 452.

на соответствующей криминологической картине, типичном механизме совершения преступления и, следовательно, распространенных случаях в судебной практике – как это сделано для целей ст. 131 УК РФ⁴²⁹. В решениях по ст. 137 УК РФ не встречается указания на то, что какая-либо степень опьянения исключает дачу согласия на сбиение или распространение сведений, составляющих личную тайну. С учетом изложенного, треш-стримы не причиняют вреда общественным отношениям по охране частной жизни.

Однако они способны причинить вред иному охраняемому объекту – общественной нравственности. Включение специальной нормы об ответственности за организацию и проведение треш-стримов в главу о преступлениях против нравственности поддерживалось⁴³⁰ и поддерживается российскими учеными-правоведами⁴³¹. Впрочем, российский законодатель принял иное решение, признав соответствующие действия административным правонарушением: «Распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети "Интернет", информации, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность, выражающей явное неуважение к обществу, содержащей изображение действий с признаками противоправных, в том числе насилиственных, и распространяемой из хулиганских, корыстных или иных низменных побуждений, если эти действия не содержат признаков уголовно

---

⁴²⁹ П. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 12.12.2014. № 284.

⁴³⁰ Под «было» имеются в виду доктринальные предложения до принятия обсуждаемых изменений в УК РФ, в частности: Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202–210. Авторы формулировали норму путем указания на прямой эфир, соединенный с насилием, унижением человеческого достоинства, оскорблением, вызыванием чувства отвращения и противоречием общественной нравственности.

⁴³¹ См., напр., предложение о специальной норме, выдвинутое уже с учетом формулировки законопроекта, принятого в 2024 году: Сенцов А.С., Волколупова В.В. Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77). С. 27.

наказуемого деяния»⁴³². Противодействие распространению данной информации средствами административного, а не уголовного права, следует поддержать.

Вместе с тем изменения были внесены и в уголовный закон. Перечень отягчающих обстоятельств (ст. 63 УК РФ) был дополнен новым обстоятельством: «совершением умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет")». Ряд составов преступлений были дополнены подобным кriminoобразующим (побои) или квалифицирующим признаком (ст. 105, 111, 112, 115, 117, 119, 126, 127, 127² УК РФ)⁴³³.

Таким образом, общественные отношения, которым причиняют вред участники треш-стримов, являются дополнительным объектом указанных преступлений в случае их публичной демонстрации. Авторами Пояснительной записки к законопроекту данный объект определен как общественная безопасность и общественный порядок⁴³⁴. Верховный Суд РФ предлагал уточнить формулировку так: «совершение преступления, сопряженного с публичной демонстрацией процесса его осуществления с использованием СМИ либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей...»⁴³⁵. Это позволило бы

⁴³² Ч. 12 ст. 13.15 КоАП РФ, введенная Федеральным законом от 08.08.2024 № 217-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях» // Собрание законодательства РФ. 12.08.2024. № 33 (ч. I). Ст. 4913.

⁴³³ Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. № 181. 15.08.2024.

⁴³⁴ Пояснительная записка к законопроекту № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)) // Материалы к законопроекту № 506240-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 26.04.2025).

⁴³⁵ Там же. Официальный отзыв Верховного Суда РФ на проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». При этом в доктрине есть противоположное предложение – о расширении до «совершение умышленного преступления публично, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет». См. Креховец А.В., Никифорова А.А. Правовой эксперимент отечественного законодателя в регламентации ответственности за проведение треш-стримеров // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 4. С. 61.

однозначно ограничить действие нормы только теми случаями, которые связаны именно с демонстрацией *изображений* совершающего преступления, в отличие от совершения преступления публично в значении «на глазах публики».

Представляется верным решение законодателя криминализовать только действия с реальным уголовно-правовым насилием. Если действия с изображениями насилия не причиняют вреда праву на изображение, отношениям по охране неприкосновенности частной жизни, то они могут быть наказуемы только при условии изображений уголовно-правового насилия. Кроме того, сопряженность уголовно наказуемых действий с их демонстрацией предполагает, что у демонстрируемого материала нет какой-либо художественной, исторической или иной культурной ценности, что однозначно исключает из сферы действия уголовного закона действия по изготовлению документальных фильмов, исторические исследования, образовательную деятельность.

ГЛАВА 3. ДЕЙСТВИЯ С ИЗОБРАЖЕНИЯМИ ЧЕЛОВЕКА

Не преследуя цели описать все проблемы, связанные с уголовно наказуемыми действиями в отношении информации (таких проблем, безусловно, много), представляется необходимым обратить внимание на те из них, в которых изображения обуславливают определенную уголовно-правовую специфику.

Базовая классификация, избранная автором представленного исследования, основана на наличии зафиксированного внешнего облика. Следовательно, рассмотрению подлежат, с одной стороны, собирание (часто изображения, как предмета, еще не существует *до* начала собирания, изображения не существует до его изготовления), с другой стороны – действия с зафиксированным обликом (хранение, использование, распространение и др.) С собиранием тесно связано понятие доступа, т.к. российское – и не только российское – законодательство нередко порождает на практике вопрос о вменении совокупности «традиционного» и «компьютерного» преступления.

В основе предлагаемого деления – не только влияние наличия или отсутствия зафиксированного изображения, но и разная общественная опасность данных действий: достаточно обоснованным является утверждение, что основной повод для различных опасений – использование информации, а не ее сбор⁴³⁶ (или, другими словами, собирание опасно потому, что собранное впоследствии может быть использовано).

Выбор критерия, связанного с фиксацией, не является ни единственным возможным, ни единствено верным: например, допустимо также деление по признаку действий по передаче / доведения до сведения третьих лиц. В таком случае собирание, хранение и использование могут быть отнесены к одной категории (действия, которые не наделяют третьих лиц возможностью ознакомиться с содержанием информации), а распространение и демонстрация – к другой (действия, которые предполагают возможность последующего

---

⁴³⁶ Privacy and the Criminal Law / ed. by Erik Claes, Antony Duff, Serge Gutwirth. Oxford: Intersentia, 2006. Автор главы – Archard D. C. 24–26.

ознакомления третьих лиц с информацией). Однако поскольку задачи исследования связаны именно с изображениями, момент появления фиксированного изображения становится принципиальным.

3.1. Действия, направленные на получение изображений человека

Общественная опасность ряда действий выражена в самом факте появления и / или фиксирования информации, которая впоследствии *может* быть распространена или использована. С учетом развития технологий вовсе не обязательно, чтобы фиксация и распространение совершились одним и тем же лицом – доступ к зафиксированным сведениям может быть получен кем-то другим. В данном параграфе рассмотрены в первую очередь собирание и доступ.

Уголовный закон использует несколько терминов: сбор, собирание, получение, приобретение, доступ. Ряд терминов можно рассматривать как тождественные: например, ст. 183 УК РФ называется «Незаконные получение и разглашение...», однако в ч. 1 уже не используется термин «получение» – только «собирание сведений». Наоборот, собирание сведений в ст. 137 УК РФ пояснено Пленумом ВС РФ через «получение»: «умышленные действия, состоящие в получении этих сведений любым способом...»⁴³⁷ Приобретение информации встречается в нескольких статьях уголовного закона: например, в ст. 242¹, ст. 324 УК РФ (официальных документов, в том числе, согласно толкованию Пленума ВС РФ, электронных⁴³⁸). При этом для ст. 324 УК РФ приобретение документов является общим термином по отношению к похищению и предполагает переход во владение лица в нарушение установленного законом порядка⁴³⁹.

---

⁴³⁷ Абз. 1 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

⁴³⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». // Российская газета. № 296. 30.12.2020.

⁴³⁹ Там же, абз. 1–2 п. 5.

Получение избрано как обобщающий термин для наименования параграфа, хотя, в силу многообразия способов собирания, для изображений «получение» и «собирание» синонимичны.

Собирание изображений человека

Ключевыми (основными) терминами являются «собирание» и «доступ». Судебная практика понимает их по-разному вслед за законодателем, который предпочитает разную терминологию при описании действий в отношении сведений, составляющих тайну («собирание»), и в отношении компьютерной информации («доступ»). Описание деяний с компьютерной информацией путем указания на «неправомерный доступ» для киберпреступлений неизбежно для многих стран: данный термин присутствует в ст. 2 Будапештской конвенции («illegal access»)⁴⁴⁰, которая устанавливает обязанности по криминализации действий с компьютерной информацией и компьютерными системами. Несмотря на то, что Россия впоследствии отказалась от подписания Будапештской конвенции⁴⁴¹, терминология в части доступа полностью совпадает с конвенциональной.

Для изображений собирание является приоритетным термином в силу судебной практики по ст. 137 УК РФ. Хотя и Конституция РФ, и ГК РФ запрещают «сбор» информации о частной жизни, а УК РФ запрещает «собирание», понятия «сбор» и «собирание» являются равнозначными.

В доктрине ст. 137 УК РФ рассматривается как пример «непосредственного взаимодействия гражданского и уголовного права»⁴⁴², при этом криминализация только распространения и собирания критикуется в связи с сужением уровня

⁴⁴⁰ The Convention on Cybercrime (Budapest Convention, ETS No. 185, 23.XI.2001). По состоянию на 20.02.2025 – 78 стран-участниц Конвенции. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 20.02.2025).

⁴⁴¹ Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства РФ. 31.03.2008. № 13. Ст. 1295; Распоряжение Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства РФ. 21.11.2005. № 47. Ст. 4929.

⁴⁴² Гивель Л.Е. Границы межотраслевого взаимодействия: гражданское и уголовное право // Гражданское право. 2022. № 4. С. 36-39. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

защиты по сравнению с Конституцией и ГК РФ (поскольку в ст. 137 УК РФ отсутствуют «хранение» и «использование»). Некоторыми авторами сужение объема защиты вовсе рассматривается в качестве противоречия положений уголовного закона Конституции РФ⁴⁴³. Едва ли объем криминализации можно рассматривать как *противоречие* конституционному праву, т.к. Конституция РФ не возлагает на законодателя обязанность *криминализовать* любые нарушения конституционных прав. Однако хранение и использование обладают интересной для уголовного права спецификой, а потому рассмотрены далее (см. пар. 3.2).

Под собиранием, согласно разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, понимаются умышленные действия, состоящие в получении сведений любым способом. В качестве примеров собирания названы личное наблюдение, прослушивание, опрос других лиц, в том числе с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирование, похищение или иное приобретение документированных сведений⁴⁴⁴.

Предложенное понимание должно быть уточнено с опорой на одну из основных квалификационных проблем для собирания: определение момента его окончания. Собирание неизбежно порождает альтернативные подходы: «процесс» или «результат». Неоднозначно, можно ли признать оконченным преступлением, когда за человеком наблюдают, но: а) либо не получается собрать сведения, которые составляли бы личную тайну; б) либо то, за чем именно наблюдают, хотя и является личной тайной (допустим, интимный облик), но в процессе наблюдения не фиксируется. Допустим, в одной из ванных комнат жилища сторонним лицом незаконно устанавливается видеокамера, с намерением собрать данные об интимном внешнем облике проживающего. Однако а) собственник не появляется в

---

⁴⁴³ Хуаде А.Х. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни. Дис. ... к.ю.н. Кисловодск, 2015. С. 48–49.

⁴⁴⁴ П. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

данной комнате, пользуется другой ванной; б) появляется и пользуется, идет трансляция, но без фиксации фото- или видеоизображения.

При этом российскому законодательству известен термин «наблюдение», которое обязательной фиксации сведений не предполагает⁴⁴⁵. Теоретически это могло бы привести к заключению, что собирание изображений возможно только в случае их фиксации, поскольку «наблюдение» и «собирание» не тождественны. Однако Пленум Верховного Суда РФ счел их взаимосвязанными, и частично разрешает дихотомию «процесс – результат», в той части, которая касается фиксации для ст. 137 УК РФ: «...путем личного *наблюдения*, прослушивания, опроса других лиц, *в том числе* с фиксированием информации аудио-, видео-, фотосредствами, копирования документированных сведений... (выделено мной – Т.А.)»⁴⁴⁶. Следовательно, фиксирование для вменения состава возможно, но не обязательно. Собирание является общим термином по отношению к наблюдению, и наблюдение без фиксации охвачено ст. 137 УК РФ.

Другие правопорядки показывают, что такое решение не является универсальным; в частности, в англо-саксонской правовой семье между наблюдением и сбором существуют принципиальные отличия, начиная с объекта посягательства. Например, Н. Морехам при анализе английского права такое действие, как наблюдение за человеком (но не только – также и прослушивание телефонных переговоров), относит к *физическому* аспекту неприкосновенности частной жизни, а не информационному⁴⁴⁷. Страдает личная неприкосновенность, а конфиденциальная информация не собирается⁴⁴⁸.

⁴⁴⁵ Напр., в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. и доп.)

⁴⁴⁶ Абз. 1 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

⁴⁴⁷ Неприкосновенность частной жизни предполагает защиту не только *информации* о частной жизни лица, но и защиту определенных физических пространств, в которых человек должен иметь право на уединение – например, в жилище.

⁴⁴⁸ Moreham, N.A. Beyond Information: Physical Privacy in English Law // Cambridge Law Journal. 2014, July. No. 73(2). С. 354. Она же приводит такой пример в подтверждение своей позиции: человек, подсматривая с помощью телескопа за тем, как моется в душе его бывшая

Более того, с точки зрения сквозного анализа разных правопорядков в литературе предлагается деление всех возможных посягательств на исследуемые отношения на две группы, с учетом правовой системы (семьи): 1) «voyeurism-related» – «связанные с вуайеризмом», как правило, сексуальным мотивом, что свойственно скорее англо-саксонской правовой семье; 2) «intrusion-related» – «связанные с вторжением в частную жизнь», например, в жилище, что ближе к романо-германской правовой семье⁴⁴⁹.

В целом наблюдение и фиксирование информации обладают разной степенью общественной опасности; зафиксированный человеческий облик, в отличие от незафиксированного, может быть сохранен, изменен, использован и распространен. Однако судебная практика, основываясь на диспозиции, показывает, что цели и мотивы при совершении преступления, предусмотренного ст. 137 УК РФ, могут быть различны, а потому конструировать запрет наблюдения в определенных целях или по определенным мотивам было бы казуистично. С другой стороны, оставить в диспозиции только фиксирование сведений также неточно, поскольку несложно представить, что виновный просматривает трансляцию с камеры видеонаблюдения, серьезно вмешиваясь в неприкосновенность частной жизни, хотя и не фиксирует сведения на устройство.

Таким образом, диспозиция нормы о нарушении неприкосновенности частной жизни охватывает и наблюдение, и ведение записи, фото- и видеосъемку, и получение доступа к изображениям, составляющим личную тайну (например, к

любовница, не получает никакой новой для него информации, для него не тайна, как она выглядит обнаженной, какая у нее одежда, как она двигается, одевается, однако право на частную жизнь подразумевает в том числе защиту от того, чтобы на тебя смотрели, когда ты этого не хочешь, а не только защиту информации. См.: Moreham, N.A. Privacy in the Common Law: a Doctrinal and Theoretical Analysis // The Law Quarterly Review. 2005, October. Vol. 121. C. 649-650.

⁴⁴⁹ Koops, Bert-Jaap; Newell, Bryce Clayton; Roberts, Andrew; Skorvanek, Ivan and Galic, Masa. The Reasonableness of Remaining Unobserved: A Comparative Analysis of Visual Surveillance and Voyeurism in Criminal Law // Law & Social Inquiry. 2018, Fall. Volume 43. Issue 4. C. 1213. При этом более узкий круг уголовно наказуемых деяний в англо-саксонской правовой семье авторы пробуют объяснить с помощью двух гипотез: более широкой защиты свободы распространения информации, которая подразумевает иной подход к частной жизни, а также развитого деликтного права (tort law), которое для защиты прав используется гораздо обширнее и «привычнее», чем уголовное право. Там же. С. 1230.

веб-камере ноутбука⁴⁵⁰), и их незаконное копирование. Совокупность таких действий олицетворяет второй вариант толкования – собирание как «процесс».

Такое толкование – более широкое, чем «результат» – концептуально следует поддержать с точки зрения защиты такого сложного объекта, как неприкосновенность частной жизни. Но оно касается только фиксации сведений на материальном носителе – а это не снимает полностью вопрос, любой ли «процесс» можно охарактеризовать как «сбор» или в ряде случаев все же требуется определенный результат, даже при отсутствии фиксации. Для ст. 137 УК РФ концепция результата означала бы, что фактически собраны сведения, которые могут быть отнесены к личной или семейной тайне. Итак, необходимо вернуться к другому примеру: камера установлена в ванной, ведется запись (то есть осуществляется фиксация), но проживающий пользуется другой комнатой, не появляясь в этой.

С учетом того, что для вменения ст. 137 УК РФ необходимо установить, что собираются именно сведения, составляющие тайну, можно ли установить данный признак в ситуации, когда *ничего* не собрано? В этом смысле в судебной практике есть следы концепции результата: так, Шестой кассационный суд общей юрисдикции описывает собирание для ст. 137 УК РФ как активные умышленные действия, «в результате которых виновному лицу *становятся известны* сведения, составляющие личную или семейную тайну... (выделено мной – Т.А.)»⁴⁵¹.

Тем не менее, теоретически оконченным собиранием могли бы быть признаны действия, *нацеленные* на получение изображений, составляющих личную или семейную тайну, а не обязательно приводящие к нему: то есть, например, для приведенной выше ситуации – установление камеры в ванной, которой в итоге потерпевший не воспользовался. В данном толковании предполагается полное отсутствие какого-либо результата для признания деяния оконченным. Например,

⁴⁵⁰ Напомню, что доступ к веб-камере устройств в жилище автор представленного исследования рассматривает и как нарушение неприкосновенности жилища, но практика этот взгляд не поддерживает (см. пар. 1.3).

⁴⁵¹ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2021 № 77-1567/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

так описывается собирание для ст. 183 УК РФ⁴⁵²; существует и тождественная доктринальная позиция применительно к ст. 137 УК РФ⁴⁵³. Отчасти в пользу этой позиции свидетельствуют также особенности любого собирания, более или менее длительного: например, отсутствие человека в том месте, в котором ожидалось его регулярное появление, – тоже информация о его частной жизни. Кроме того, как верно подмечает Д. Солов, если наблюдать за человеком «достаточно долго», рано или поздно можно обнаружить совершение им противоправного или аморального поступка: как в случае Мартина Лютера Кинга-младшего – вместо связей с коммунистами сотрудники ФБР обнаружили его внебрачные отношения⁴⁵⁴.

Поддерживая широкий подход к собиранию как процессу, нельзя не признать, что российский уголовно-правовой запрет собирания в его толковании Верховным Судом РФ включает значительно *большее* количество способов по сравнению с некоторыми зарубежными аналогами.

Так, в Испании термин «acceso» («доступ»), как и в России, относится к компьютерной информации. В норме о защите частной жизни – ст. 197 УК Испании – используется, например, термин «apoderamiento» (ему свойственно гражданско-правовое происхождение, поэтому более точным по сравнению с «собиранием» был бы перевод «приобретение»). Это вполне соответствует тому, что apoderamiento в положении ст. 197.1 УК лишь *способ* совершения деяния, связанный с конкретными предметами, где может содержаться тайна частной жизни: документами, картами, письмами и др.⁴⁵⁵

⁴⁵² Соответствующую позицию описывают А.А. Зубцов и Е.О. Бесерра со ссылкой на П.С. Яни. См.: Зубцов А.А., Бесерра Е.О. Уголовно-правовая охрана банковской тайны: анализ отечественной судебной практики // Уголовное право. 2020. № 5. С. 51-63; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII-VIII. (автор комментария к ст. 183 УК РФ – П.С. Яни) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵³ По мнению В. Новикова, состав окончен независимо от того, получилось ли собрать сведения (например, когда было скрытое наблюдение за лицом, но ничего не удалось собрать). См.: Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁵⁴ Solove, D. A Taxonomy of Privacy // University of Pennsylvania Review. Jan. 2006. Vol. 154. No. 3. С. 495–496.

⁴⁵⁵ Согласно ч. 1 ст. 197 УК Испании, наказывается лицо, которое «в целях получения сведений, составляющих личную тайну, или нарушения права на личную жизнь, без согласия

Уголовно-правовую оценку получают только определенные способы собирания: кроме apoderamiento, такими способами в ст. 197.1 УК Испании являются прослушивание переговоров и использование устройств для прослушивания, передачи, записи или воспроизведения звуков и изображений. При этом примечательно, как в испанской практике и литературе решен вопрос о моменте окончания деяния, предусмотренного первой частью статьи (т.е. ст. 197.1 УК Испании): это момент реализации способа, направленного на цель, а не достижение данной цели. Для вменения состава не требуется ознакомления с личной тайной (например, достаточно незаконного получения письма, но не ознакомления с его содержанием; установки устройства, а не получения записи).

В испанской доктрине можно встретить рассуждения о том, является ли преступление оконченным, когда устройства были установлены, но не начали работать⁴⁵⁶. Данная дискуссия далеко не всегда упоминается вовсе, поскольку не основана на правоприменительной практике: такие случаи не распространены.

В целом термин «собирание» достаточно удачен и устоялся в российском уголовном праве, но, поскольку способы собирания крайне неоднородны и никак законодательно не разграничены, практика должна самостоятельно оценивать их общественную опасность и определять момент окончания.

Говоря о собирании изображений, следует принципиально разграничить наблюдение без аудио- и видеозаписывающих устройств и с таковыми. Выбор «автоматического» способа делает возможным постоянное наблюдение без физического присутствия, не всегда (или не всегда *сразу*) замечаемое потерпевшим, но беспрерывное, длительное и предполагающее фиксацию (часто –

потерпевшего приобретает его документы, письма, электронные сообщения или любые другие документы или личные вещи, прослушивает переговоры или использует технические устройства для прослушивания, передачи, записи или воспроизведения звука или изображения, или любого другого сигнала связи».

⁴⁵⁶ См., напр.: Lecciones de Derecho Penal. Parte Especial... С. 168–169. В целом авторы главы – М. Т. Кастиньера Палу и А. Эстрада-и-Квадрас – указывают на дискуссионный характер данной ситуации и ограничиваются общим утверждением, что вмешательство в частную жизнь таким способом не должно быть «результативным».

именно сохранение отснятого материала). В некоторых местах установка устройств влечет вмешательство в частную жизнь широкого круга лиц.

Кроме того, сам факт установки устройств в определенных местах подтверждает наличие умысла на посягательство на личную тайну: что бы в жилище ни было собрано, может быть описано через «сведения о том, что потерпевший делает в своем жилище, которое защищено конституционным правом». Без конструкции сабирания именно как *процесса* невозможно решить проблему оконченного или неоконченного действия при наличии конкретизированного умысла на сбор определенных сведений.

Допустим, обвиняемый установил в жилище потерпевшего видеокамеру с целью получить видеозапись конфиденциальной встречи потерпевшего с его клиентом дома. Однако встреча не состоялась; умысел не реализован в части получения конкретных сведений, но реализован в части процесса сабирания информации (потому что камера была установлена, запись велась). Между тем в такой ситуации представляется верным привлекать обвиняемого к ответственности за *оконченное* сабирание сведений, составляющих личную тайну.

Для сабирания с помощью аудио- и видеозаписывающих устройств *в жилище* наиболее корректным моментом окончания представляется начало работы таких устройств после их установки или перемещения в жилище, поскольку защищенность жилища – такой же компонент неприкосновенности частной жизни, как и защищенность личной тайны (неприкосновенность частной жизни называют обобщающим правом как для права на личную и семейную тайны, так и для права на неприкосновенность жилища)⁴⁵⁷. Нарушение подобного физического барьера и последующее наблюдение за пространством, которое тесно связано с неприкосновенностью частной жизни, прямо указывает на причинение вреда объекту преступления. Тот же вывод распространяется на иные случаи, однозначно предполагающие защиту частной жизни (раздевалки, примерочные, общественные

---

⁴⁵⁷ Цадыкова Э.А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни (сравнительно-правовое исследование). Дис. ... к. ю. н. М., 2007. С. 10.

уборные). Изображения находящихся в них людей защищены режимом личной тайны, если поведение лица не свидетельствует о том, что он желает сделать данные сведения публичными. В данных местах момент окончания не должен быть зависим от того, были ли действительно получены конкретные сведения, составляющие личную тайну.

Разумеется, это не означает, что для привлечения к ответственности могут быть проигнорированы иные признаки состава. Должны быть установлены отсутствие согласия, неправомерность; для оценки правомерности вмешательства имеют значение публичные интересы и иные обстоятельства, которые могут обосновать законность вмешательства в частную жизнь другого. Например, по делу П.О. Вильке 2024 г. Конституционный Суд РФ проанализировал программу родительского контроля с аудиозаписью всего происходящего вокруг ребенка (программу установил и использовал отец, а ребенок жил со своей с матерью и ее родственниками). Признавая ст. 137 УК РФ конституционной, Суд обратил внимание на правомерную цель использования и указал, что правомерная реализация прав и обязанностей родителя исключает привлечение такого родителя к уголовной ответственности⁴⁵⁸.

Коллегии судей в кассационном суде по приведенному делу много внимания уделили вопросу разграничения косвенного / прямого умысла: сначала кассационный суд не согласился, что преступление может быть совершено и с прямым, и с косвенным умыслом⁴⁵⁹, после этого судебная коллегия в другом составе судей пришла к выводу о доказанности умысла на нарушение неприкосновенности частной жизни *всех* лиц в конкретном жилище, отменила

---

⁴⁵⁸ Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П от 18 января 2024 г. по делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730575.pdf> (дата обращения: 30.12.2024).

⁴⁵⁹ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2021 по делу № 77-666/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

оправдательный приговор, направила дело на новое рассмотрение судом апелляционной инстанции⁴⁶⁰.

Но несмотря на правоприменительные решения по делу П.О. Вильке, все же нельзя утверждать, что Конституционный Суд РФ ввел какой-то принципиально новый подход: например, в 2021 году один из районных судов рассматривал дело, связанное с видеосъемкой происходящего в квартире через замочную скважину. Как и в деле П.О. Вильке, снимал отец ребенка, который заметил в квартире матери ребенка незнакомого ему мужчину и испугался, что мать оставляет дочь в квартире с посторонним человеком. Районный суд указал, что установление мотива по данному делу обязательно и что мотив обвиняемого исключает уголовную ответственность за собирание сведений. Однако решением суда была оставлена квалификация в части распространения информации: размещение видеозаписи в социальной сети ВКонтакте, а не передача его в органы опеки и попечительства или полиции, было направлено именно на распространение сведений о частной жизни, а не на защиту прав несовершеннолетней⁴⁶¹.

Остальные способы собирания изображений – т.е. путем визуального наблюдения без устройств или с помощью устройств в иных помещениях, таких как рабочие кабинеты – могут быть признаны оконченными тогда, когда личная тайна объективно *собрана*, т.е. получена определенная информация, составляющая личную тайну. Например, для рабочих мест сложно выработать общее правило собирания, вне какой-либо привязки к профессии, количеству рабочих мест в помещении и иных обстоятельствам. Конечно, установка камеры видеонаблюдения без согласия работника будет неправомерным вмешательством в частную жизнь, но однозначно об умысле на сбор именно *личной тайны* она не свидетельствует (т.е. могут быть задействованы гражданско-правовые механизмы защиты, а не уголовно-правовые). Поэтому судебная практика по уголовным делам

⁴⁶⁰ Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2021 по делу № 77-2286/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶¹ Приговор Сокольского районного суда Вологодской области от 17.12.2021 по делу № 1-133/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

конкретизирует, что именно было собрано на рабочем месте: например, «...помимо служебных переговоров вел телефонные переговоры со своими родными и близкими, в которых обсуждаются его личные и семейные тайны, которые не подлежат разглашению. В указанный период времени он, кроме того, договаривался о встречах с посторонними женщинами, и содержание этих разговоров безусловно является его личной тайной» (в данном деле камеры были установлены в нескольких кабинетах, и разные потерпевшие поясняли, что именно составляло их личную тайну⁴⁶²).

Аналогично, несмотря на возражения стороны защиты, личная тайна была установлена при сборе сведений в служебном кабинете сотрудницы, поскольку в ходе рабочего дня она обсуждала не только рабочие вопросы, но и личные дела, здоровье, ребенка, говорила по городскому и личному телефонам по личным вопросам, и «содержание этих личных разговоров является ее личной тайной, не предназначенной для посторонних лиц»⁴⁶³.

Еще большие затруднения вызывают общественные места. Защита частной жизни в них не исключена, но в первую очередь она лежит в гражданско-правовой плоскости. Однако личная тайна тоже может быть собрана неправомерно в общественном месте – этот вопрос ранее раскрывался в работе применительно к явлению «съемки под юбкой» в пар. 2.1. *De lege lata* это подтверждает практика по ГИС «ЕЦХД»⁴⁶⁴, хотя встречаются и противоположные решения именно на основании общедоступности информации: например, один из кассационных судов общей юрисдикции в части ст. 137 УК РФ приговор отменил именно потому, что «сведения о смерти своего сына ... преданы огласке, поскольку захоронение ребенка произведено в общественном месте с указанием на табличке данных ребенка, сведений о дне его рождении и смерти, и не могут являться личной и

---

⁴⁶² Приговор Ленинского районного суда города Омска от 27.08.2012 № 1-563/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶³ Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 14.03.2013 № 22-1204/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁶⁴ Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 16.09.2021 № 01-0460/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

семейной тайной...»⁴⁶⁵ Следовательно, моментом окончания собирания сведений в общественном месте может быть только получение конкретных сведений, которые сами по себе подлежат проверке на предмет тайности / доступности неопределенному кругу лиц.

Таким образом, в отношении незаконного собирания сведений можно сделать вывод, что дилемма собирания в виде «процесс или результат» частично решена для российского уголовного права Пленумом Верховного Суда РФ в той части, которая касается фиксации сведений. Она – фиксация – не обязательна для вменения оконченного собирания. Кроме того, собирание, с учетом изложенного выше, следует понимать как умышленные действия, *нацеленные* на получение сведений.

Тем не менее, следует принципиально отграничивать собирание с помощью аудио- и видеозаписывающих устройств в жилище и иных местах, в которых изображение человека подлежит безусловной защите. Момент окончания в таком случае определяется установкой соответствующих устройств. В иных случаях – имеется в виду визуальное наблюдение или собирание на рабочих местах, в общественных местах – требуется установить, что собирались именно сведения, составляющие личную тайну; собирание будет окончено, если такие сведения действительно собраны.

Изображения по своей природе так или иначе предполагают фиксацию (ранее, в пар. 1.1 и 1.3, уже упоминалось, что есть разница между внешним обликом и изображением). Поэтому в случае конструирования отдельного, самостоятельного уголовно-правового запрета собирания изображений предпочтительнее разграничить термины «наблюдение» и «собирание», оставив в собирании именно фото- и видеосъемку, т.е. те способы, которые связаны с фиксацией реального внешнего облика в определенный момент времени. В противном случае формулировки «собирание изображений» породят

---

⁴⁶⁵ Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 № 77-1896/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

квалификационные сложности, связанные с фиксацией. Тем не менее, на данный момент выделение специальной нормы о собирании изображений следует признать нецелесообразным. Действующая диспозиция ч. 1 ст. 137 УК РФ все случаи незаконного собирания охватывает и в силу бланкетного характера и частно-публичного порядка обвинения предоставляет возможности для гибкого урегулирования конфликтных ситуаций, без задействования уголовно-правовых мер.

Доступ к изображениям человека

Хотя термин «доступ» не использован законодателем при построении норм о посягательствах на тайну (ст. 137, 155, 183 УК РФ), он актуален для изображений, охваченных термином «компьютерная информация», и по нему в судебной практике были сформированы разные подходы. Еще в начале XXI века ответственность за компьютерные преступления рассматривалась как способ защиты частной жизни, с учетом развития баз данных и потенциальных «внешних» и «внутренних» нарушений (т.е. со стороны лиц, не уполномоченных работать с информацией и уполномоченных)⁴⁶⁶.

Неправомерный доступ, в соответствии с позицией Пленума Верховного Суда РФ, следует понимать как «*получение или использование ... [охраняемой законом компьютерной] информации без согласия обладателя информации лицом, не наделенным для этого полномочиями, либо в нарушение ... порядка независимо от формы такого доступа* (выделено мной – Т.А.)»⁴⁶⁷.

Ранее правоприменительный подход был основан на другом толковании: не только получение или использование информации, но и *возможность ее получения или использования*. Нормативной основой являлось определение, данное Федеральным законом «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: «доступ к информации – возможность получения

⁴⁶⁶ Blanke. Указ. соч. С. 456.

⁴⁶⁷ П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"».

информации и ее использования»⁴⁶⁸. На эту легальную дефиницию при характеристике ст. 272 УК РФ опиралась Генеральная прокуратура РФ в своих методических рекомендациях⁴⁶⁹.

Судебные решения, в которых использовался такой подход, последовали, в частности, за DDoS-атаками, что послужило основанием для критики и предложений по уточнению ст. 272 УК РФ⁴⁷⁰. Атаки типа «отказ в обслуживании» блокировали возможность приобретения билетов «Аэрофлота» на весь период атаки, что Московским городским судом оценено по ст. 272 УК РФ: «была получена *возможность* неправомерного, несанкционированного доступа к защищенной законом компьютерной информации..., о чем свидетельствует, что в ходе атаки была использована бот-сеть, вредоносная программа...»⁴⁷¹

После принятия Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 37 произошел переход от *возможности* получения и использования информации к получению или использованию. В практике судов общей юрисдикции также можно найти примеры терминологического разграничения «доступа к информации» и «неправомерного доступа к компьютерной информации». Под первым понимается возможность получения и использования, под вторым – незаконное использование возможности получения компьютерной информации⁴⁷².

⁴⁶⁸ Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2013 по делу № 10-11502/2013.

⁴⁶⁹ Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации, утв. Генпрокуратурой РФ. М., 2013. Размещены на официальной сайте Генеральной прокуратуры РФ 14 апреля 2014 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/scientific-materials?item=4900252> (дата обращения: 22.01.2024).

⁴⁷⁰ Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 195. Авторами предлагалось дополнение ст. 272 УК РФ альтернативным действием, не связанным с компьютерной информацией, а именно воздействием на информационную систему или информационно-телекоммуникационную сеть. Там же. С 196–197.

⁴⁷¹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2013 по делу № 10-11502/2013.

⁴⁷² Кассационное постановление Четвертого КСОЮ от 30.01.2024 по делу № 77-246/2024 (УИД 61RS0045-01-2023-000967-93). Дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение. Осужденный настаивал на том, что сим-карта была оформлена на него, поэтому перевыпуск был законен, несмотря на то что это повлекло невозможность его супруги пользоваться мессенджерами (супруга ранее пользовалась сим-картой на его имя, он после ссоры

Переход от бланкетного толкования доступа к автономному, уголовно-правовому, следует поддержать. *Не* ознакомление с содержанием информации сильно отличается по своим последствиям от ознакомления и копирования, притом что в бланкетном законодательстве не содержится требования, что возможность ознакомления должна быть *реальной*. Сравним три сценария действий преступника А, который хочет причинить вред информационной системе авиакомпании:

- 1) А получил доступ к информационной системе авиакомпании, ознакомился с содержанием информации о платежах, скопировал данные компании и ее клиентов, заблокировал возможность проведения платежей;
- 2) А получил доступ к указанной системе, приобрел техническую возможность изучить базы данных компании, но ею не воспользовался, ограничившись блокировкой платежей на определенный период времени;
- 3) А смог заблокировать операции, не получив доступ к данным компании и клиентов, хотя если бы он предпринял еще некоторые технические шаги – приобрел бы возможность с ними ознакомиться и скопировать.

Первая ситуация однозначно свидетельствует о наличии признаков состава преступления (доступ, выраженный в ознакомлении, за которым следовало копирование); вторая – реальная возможность получения и использования, в отсутствие ознакомления. Во втором сценарии не используются данные, ведь с ними не было ознакомления. Используются возможности для блокировки определенных действий, т.е. самой информационной системы. Третий сценарий иллюстрирует еще более далекие последствия: доступ становится потенциальным,

---

с ней принял решение о перевыпуске, вменялись ст. 138, ст. 272 УК РФ – последняя по признаку блокирования компьютерной информации). Дело было направлено на новое апелляционное рассмотрение, в результате которого подсудимый был оправдан по ст. 272 УК РФ, т.к. являлся стороной договора с ПАО «Ростелеком» и не имел умысла на неправомерный доступ к персональным данным (квалификация по ст. 138 УК РФ была сохранена судом). Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 23 апреля 2024 г. по делу № 22-2062/2024. URL: https://obsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=59072850&case_ui_d=e615d420-b7ca-4ed1-b8aa-84fce2b293e4&result=1&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.02.2025).

гипотетическим и ему предшествует дополнительное решение А: получать возможность ознакомления или не получать ее.

Качественно разные общественно опасные последствия трех сценариев указывают на то, что справедливо отойти от бланкетного определения и определить доступ таким образом, чтобы он предполагал оконченное действие, а не приобретение возможности.

Отчасти проблема оценки действий в отсутствие ознакомления с информацией решена появлением специальной нормы об объектах критической информационной инфраструктуры. По ст. 274¹ УК РФ, введенной в уголовный закон 26 июля 2017 г., оценивается присоединение к DDoS-атаке на критическую информационную инфраструктуру («...по центру страницы имеется сообщение на трех языках... о создании с его помощью «огромной нагрузки»... подключившиеся к данному сайту пользователи осознают о своем участии в указанных компьютерных атаках»⁴⁷³).

Безусловно, сохраняются другие недостатки диспозиции ст. 272 УК РФ. Она предполагает, что получение или использование компьютерной информации может *повлечь* ее копирование, но получение само по себе может быть выражено в копировании. Это особенно ярко проявляется, когда речь идет о проблеме совокупности компьютерных преступлений с другими: так, Е.А. Русскевич в своем исследовании обращает внимание на то, что нужно преодолевать традиционное восприятие уголовного права, поскольку на данный момент существует проблема «цифровых двойников» запретов, распространено дублирование норм⁴⁷⁴.

Описывая связь неправомерного доступа с иными преступлениями, Е.А. Русскевич указывает, что «...неправомерный доступ довольно часто предшествует совершению таких преступлений, как нарушение неприкосновенности частной жизни, нарушение тайны переписки или иных сообщений... незаконное получение

⁴⁷³ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2024 по делу № 77-147/2024.

⁴⁷⁴ Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и проблемы их квалификации. Дис. ... д.ю.н. М., 2020. С. 21.

сведений, составляющих коммерческую или банковскую тайну...»⁴⁷⁵. Применительно к преступлениям, которые называет автор (вымогательство или принуждение к совершению действий сексуального характера), можно согласиться с описанием последовательности действий – сначала доступ с определенной целью, затем использование полученных в результате доступа сведений, т.е. доступ предшествует совершению другого преступления.

Однако для преступлений, предусмотренных ст. 137, 138 УК РФ, данный вывод применим, только если понимать доступ исключительно как действие, без последствий, названных в ст. 272 УК РФ. Механизм совершения преступлений в сфере компьютерной информации и против конституционных прав частично совпадает, т.е. нельзя сказать, что какой-то из них предшествует другому. Допустим, доступ к аккаунту *влечет* копирование – под которым понимается, согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ № 37, перенос на другой электронный носитель или иное воспроизведение в материальной форме. Последовательность действий такова:

- 1) доступ к аккаунту (действие, содержащееся в объективной стороне ст. 272 УК РФ);
- 2) ознакомление с содержанием личных фотографий (ст. 137 УК РФ);
- 3) копирование их на иной носитель (последствие, необходимое для ст. 272 УК РФ, и продолжение реализации собирания по ст. 137 УК РФ).

То же относится к ст. 138 УК РФ: доступ к аккаунту в целях нарушения тайны сообщений еще не образует оконченный неправомерный доступ, последующего ознакомления с сообщениями достаточно для оконченного состава ст. 138 УК РФ и все еще недостаточно для оконченного преступления по ст. 272 УК РФ, а копирование – признак объективной стороны доступа (последствие) и нарушения тайны переписки (действие).

Эти наблюдения о совпадении объективной стороны корреспондируют предложению Е.А. Русскевича декриминализовать ст. 272 УК РФ в части

---

⁴⁷⁵ Там же. С. 219.

неправомерного доступа, повлекшего копирование информации, одновременно с введением квалифицирующего признака в ст. ст. 137, 138 УК РФ – если деяние совершено с неправомерным доступом к компьютерной информации⁴⁷⁶. Позиции о необходимости включения в ст. 137, 138, 183 и ряд других статей УК РФ квалифицирующего признака совершения с использованием информационно-телекоммуникационных технологий придерживается и М.А. Ефремова⁴⁷⁷.

Чаще всего, причинная связь между доступом и его последствиями требует дополнительного волевого решения субъекта преступления совершить *еще одно* действие. «Доступ – ознакомление – копирование» – это именно последовательные действия, а не действия и последствия, если только копирование не происходит автоматически вне воли лица (например, при сохранении в кэше компьютера, но в таком случае сложно говорить об умысле в отношении последствий для ст. 272 УК).

С точки зрения типичного механизма собирания изображений путем доступа к компьютерной информации даже ознакомление не является непременным следствием доступа. Допустим, получен доступ к аккаунту в социальной сети – но все дальнейшие действия, начиная с ознакомления, осуществляются по «дополнительному» волевому решению лица.

Например, обвиняемый Ш., в нарушение бланкетного законодательства о связи и об информации, «заведомо зная логин и пароль доступа к учетной записи Google аккаунта... преодолел технические средства защиты компьютерной информации и осуществил незаконный доступ к компьютерной информации – вышеуказанной учетной записи, что позволило получить доступ к указанной учетной записи»⁴⁷⁸. После этого Ш. сначала скопировал фотографии (именно поэтому ему вменялась ст. 272 УК РФ по признаку *копирования* информации), а затем их распространил.

---

⁴⁷⁶ Там же. С. 223.

⁴⁷⁷ Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности... С. 22.

⁴⁷⁸ Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани Республики Татарстан от 27.05.2019 по делу № 1-129/2019.

Копирование представляет собой второе действие, а не прямое следствие доступа (ведь логин и пароль *уже* были известны осужденному до начала совершения преступления, преодоление средств защиты – лишь пользование известными лицу сведениями).

Распространена и квалификация по совокупности статей 137, 138, 272 УК РФ. Например, в Оренбургской области рассматривалось дело в отношении сотрудницы оператора сотовой связи, которая из личной неприязни сначала изучила детализацию соединений потерпевшей – абонента, затем перевыпустила ее сим-карту и изменила учетные данные в биллинговой системе⁴⁷⁹. Начав пользоваться сим-картой самостоятельно, подсудимая получила доступ также к личному аккаунту потерпевшей, изучила ее переписки с друзьями, обнаружила в них фотографии «в полуобнаженном виде» (в белье и халате). Фотографии разместила на странице, для неопределенного круга лиц, сменила аватар профиля на одно из изображений в полуобнаженном виде⁴⁸⁰.

Судом действия обвиняемой оценены по ч. 1 ст. 272 (в части доступа к персональным данным в биллинговой программе), ч. 1 ст. 137 (по признаку распространения фотографий), ч. 1 ст. 138 УК РФ (доступ к переписке, ознакомление с перепиской). Вменение указанной совокупности преступлений суд обосновал тем, что совершенные действия «не могут охватываться каким-то одним составом преступления из указанных положений Особенной части Уголовного кодекса РФ, поскольку имеют различный объект посягательства, а также различные объективные стороны преступлений».

Объяснение этому не только в актуальном разъяснении, данном Верховным Судом РФ в Постановлении Пленума № 37⁴⁸¹, но и в сравнении санкций. Например,

⁴⁷⁹ Сотрудница была на испытательном сроке, пользовалась данными учетной записи другого сотрудника, которые, по показаниям свидетелей, они фиксировали на «листочках», находящихся рядом с компьютерами.

⁴⁸⁰ Приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 18 июля 2019 г. по делу № 1(1)-149/2019 // URL: www.sudact.ru/regular/doc/nn7vUE19CTHT/ (дата обращения: 01.05.2023).

⁴⁸¹ Впрочем, и до данного решения суды квалифицировали подобные деяния по некоторым нормам – см. выше приговор Бугурусланского районного суда от 18 июля 2019 г.

на практике встречается аргумент, что норма о нарушении тайны сообщений не охватывает деяние, предусмотренное ч. 1 ст. 272 УК РФ, т.к. ч. 1 ст. 272 УК РФ предусматривает более суровое наказание, чем ч. 1 ст. 138 УК РФ⁴⁸². Санкция не позволяет считать неправомерный доступ к компьютерной информации преступлением-способом, которое не требовало бы дополнительной квалификации.

Тем не менее, *de lege ferenda* статья 272 УК РФ по своему расположению в уголовном законе *должна быть* нацелена на защиту компьютерной информации *в дополнение* к специальному режиму правовой защиты. Объект рассматриваемого преступления понимается по-разному. В частности, Е.А. Русскевич определяет его как общественные отношения, возникающие в связи и по поводу хранения, использования, обработки и передачи охраняемой законом компьютерной информации⁴⁸³. Однако, чтобы точнее ограничить этот объект от отношений в связи и по поводу действиями с любой другой, некомпьютерной информацией, представляется более верным акцент на информационной безопасности: отношения, «обеспечивающие состояние защищенности личности, общества и государства от информационных угроз»⁴⁸⁴. Согласно позиции одного из кассационных судов, «основным объектом преступления, предусмотренного ст. 272 УК РФ, является информационная безопасность»⁴⁸⁵.

Существование конструкции состава доступа, повлекшего копирование, вызывает сомнения с точки зрения причинения вреда именно объекту посягательств в главе 28 УК РФ – особенно с учетом того, что практика пошла по

⁴⁸² См., напр.: Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 23 апреля 2024 г. по делу № 22-2062/2024. URL: https://oblsud-ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=59072850&case_ud=e615d420-b7ca-4ed1-b8aa-84fce2b293e4&result=1&delo_id=4&new=4 (дата обращения: 22.02.2025).

⁴⁸³ Русскевич Е.А. Указ. соч. С. 245.

⁴⁸⁴ Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Пределы действия нормы, предусмотренной статьей 272 Уголовного кодекса РФ // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 73–82. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁸⁵ Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 № 77-77/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

широкому пониманию неправомерного доступа. Данное понимание отражается как в доступе с помощью логина и пароля, полученного ранее (допустим, в близких отношениях), так и доступе через использование своих полномочий по работе с информацией в отсутствие служебной / профессиональной необходимости.

Как отмечает Е.А. Русскевич, использование служебных или профессиональных полномочий может быть признано неправомерным доступом: правомочия на доступ существуют только в связи с определенными основаниями⁴⁸⁶. Между тем далее сам автор признает, что использование не аннулированного доступа к служебной базе данных в строгом смысле слова не является неправомерным доступом, а расширительное толкование ч. 3 ст. 272 УК РФ является вынужденной мерой реагирования на «инциденты служебного злоупотребления»⁴⁸⁷.

Такие инциденты, хотя и требуют правовой оценки, все же не снимают сами по себе вопроса толкования «доступа». В целом нет препятствий квалифицировать действия вне служебной необходимости как «собирание» по ст. ст. 137, 183 УК РФ, а также незаконное получение по смыслу ст. 272¹ УК РФ: данные нормы успешно справляются с такими случаями и содержат указание на специальных субъектов. Например, сотрудник банка, копируя сведения из базы данных на флешку, не ставит под угрозу компьютерную информацию (особенно с учетом того, что службы безопасности в большинстве случаев сразу получают информацию о сохранении документов на внешние носители). Если информация переписывается от руки, что допускается по смыслу разъяснений Пленума Верховного Суда РФ для признака копирования, то вред *компьютерной* информации вовсе исключен, т.к. он не причиняется самим по себе фактом вхождения в информационную систему с законно полученными логином и паролем от своего имени. Под угрозу ставятся общественные отношения в сфере охраняемых тайн – в описываемом примере банковской.

---

⁴⁸⁶ Русскевич Е.А. Указ. соч. С. 255–256.

⁴⁸⁷ Там же. С. 306–307.

Впрочем, для ст. 272 УК РФ, до тех пор пока она существует в кодексе, а также для ее зарубежных аналогов, эта проблема неизбежна: доступ к компьютерной информации редко опасен сам по себе, как правило – речь идет о защите информации, на которую распространяется какой-то иной правовой режим. Следовательно, либо неправомерный доступ будет вменяться практически всегда, либо соответствующая норма будет практически совершенно «мертвой». Так и происходит на практике: например, помещение нормы о незаконном доступе в главу о нарушениях права на неприкосновенность частной жизни испанским законодателем порождает критические доктринальные комментарии о неверном выборе объекта⁴⁸⁸ и закономерно приводит к тому, что в общем механизме защиты частной жизни состав доступа к информационным системам данных обсуждается меньше и играет меньшую роль по сравнению с основными составами – и в частности, уже упоминавшейся ст. 197 УК Испании.

Изготовление изображений человека

Термин «изготовление» используется для описания объективной стороны ряда преступлений, в которых предмет овеществлен: это деньги или ценные бумаги (ст. 186 УК РФ), поддельные платежные карты (ст. 187 УК РФ), оружие и боеприпасы (ст. 223 УК РФ), наркотические средства (ст. 228 УК РФ) и др. Вместе с тем, с точки зрения изображений изготовление является одним из альтернативных действий с порнографическими материалами⁴⁸⁹.

Под изготовлением порнографических материалов или предметов понимается «создание экземпляров таких предметов любым способом, в том числе путем переделки, копирования (скачивания)»⁴⁹⁰.

В отличие от собирания, которое связано только со сведениями, соответствующими действительности, изготовление охватывает любые материалы: как соответствующие действительности, так и нет. А потому

⁴⁸⁸ López Barja de Quiroga J. Указ. соч. С. 1022.

⁴⁸⁹ В параграфе 2.1 настоящей работы уже было обращено внимание на то, что собирание интимного изображения по смыслу ст. 137 УК РФ может быть одновременно изготовлением по смыслу ст. 242 УК РФ.

⁴⁹⁰ Филиппов П.А. Указ. соч. С. 524.

«изготовление», по сравнению с «собиранием», способно решить задачу конструирования нормы в ответ на технологии изменений изображений (в т.ч. дипфейк-технологии, генеративный искусственный интеллект, о которых говорилось в пар. 2.2). Другой вопрос – насколько необходима отдельная криминализация именно изготовления дипфейков? Представляется, что даже по отношению к тем дипфейкам, которые обсуждались в пар. 2.2 – интимного, порочащего, позорящего характера, криминализация изготовления самого по себе избыточна, поскольку общественная опасность выражена не столько в появлении изображения, сколько в его использовании, но и оно нуждается в балансировании со свободой выражения мнений.

Таким образом, принимая во внимание, что:

- собирание и (или) изготовление изображений на данный момент нецелесообразно выделять в квалифицированный, по отношению к ч. 1 ст. 137 УК РФ, состав;

- момент окончания собирания на практике следует понимать по-разному в зависимости от того, используются ли аудио- и видеозаписывающих устройств, а также в зависимости от места собирания;

- неправомерный доступ к компьютерной информации по конструкции состава предполагает частое вменение его по совокупности с иными статьями, в том числе в рамках квалификации сбора изображений,

перейдем к действиям с уже полученными (зафиксированными) изображениями.

3.2. Действия с зафиксированными изображениями человека

Эта группа действий, как ранее отмечалось, касается тех случаев, когда изображение человека – как его зафиксированный внешний облик – уже существует. В нее отнесены хранение, использование, распространение и демонстрация.

Хранение и использование изображений человека

Обоснованный анализ этих действий обусловлен рядом причин: использование присутствует в диспозиции некоторых посягательств на тайны (например, ст. 183 УК РФ), отдельные случаи использования определенных данных прямо криминализованы законодателем, в доктрине давно предлагалось уточнить перечень действий в ст. 137 УК РФ в части хранения и использования⁴⁹¹. Нельзя сказать, что доктринальные позиции были универсальны. В частности, в один из периодов повышенного доктринального интереса к уголовно-правовой защите частной жизни (2000-е годы) позиции были противоположны:

- *собирание* сведений из любопытства значительно менее опасно, чем предъявление лицу нематериальных требований под угрозой распространения сведений, но за первое наступает уголовная ответственность, а за второе – нет⁴⁹²;
- нет необходимости в криминализации использования сведений, составляющих личную тайну⁴⁹³.

Исчерпывающего обоснования криминализации использования и хранения не было представлено ни тогда, ни позже, но это не воспрепятствовало законодателю в 2024 году включить и хранение, и использование в новую норму, ст. 272¹ УК РФ. Формулировка ее диспозиции изложена следующим образом: «незаконные использование и (или) передача (распространение, предоставление, доступ), сбор и (или) хранение компьютерной информации, содержащей персональные данные, полученной путем неправомерного доступа к средствам ее

⁴⁹¹ См., напр.: Петрова Г. Защита неприкосновенности частной жизни // Законность. № 6. 2003. Цит. по СПС «КонсультантПлюс»; Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Издание профессора Малинина. СПб., 2011. С. 163 (автор – Л.Г. Мачковский).

⁴⁹² Паршин С.М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование). Монография. Нижний Новгород, 2008. С. 120. Некоторые предложения по изменению законодательства это отражают: например, М.А. Ефремова предлагает конструировать собирание сведений, составляющих личную или семейную тайну, как преступление небольшой тяжести, а использование или распространение без квалифицирующих признаков – как преступление средней тяжести. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности... С. 17–18.

⁴⁹³ Папеева К.О. Институт медицинской тайны как объект уголовно-правовой охраны: монография. Нижний Новгород, 2007. С. 105.

обработки, хранения или иного вмешательства в их функционирование либо иным незаконным путем...» (ч. 1 ст. 272¹ УК РФ).

Хранение информации – это владение информацией в любой форме, включая владение носителем или наличие доступа к такому носителю (например, хранение в «облаке») информации и (или) владение информацией в иной материализованной форме.

Хранение информации, как правило, следует сразу за ее получением. Однако в ст. 272¹ УК РФ не раскрывается, что понимается под незаконным получением, а равно как отграничивать данное преступление от иных нарушений законодательства о персональных данных. Допустим, были нарушены требования к получению согласия субъекта персональных данных (должно было быть получено в письменной форме с уточнением, что обрабатываются специальные категории персональных данных, а получено в устной форме или письменной, но без конкретизации). Налицо нарушение требований законодательства о персональных данных, однако является ли оно «незаконным получением» по смыслу ст. 272¹ УК РФ? Если да, то любого нарушения неуголовного законодательства достаточно для «незаконного получения» по смыслу новой нормы, а после незаконного получения следует хранение полученных данных.

Такой подход представляется неверным и избыточным. Он является следствием того, что законодатель, сосредоточившись на усилении защиты прав субъектов персональных данных, не соотнес новую норму с терминами и деяниями, устоявшимися в уголовном праве. Поэтому, с учетом других составов хранения, отмечается, что «проведение аналогии с оборотом оружия и наркотических средств, мягко говоря, дискуссионно...»⁴⁹⁴. Кроме того, следует учитывать, что тайна – более значимая для лица информация, чем многие персональные данные (а их дифференциация законодателем в ч. 1 ст. 272¹ УК РФ не произведена, т.е. по буквальному смыслу нормы незаконное хранение *кем-то*

---

⁴⁹⁴ Филатова М.А. (Не)ожидаемая криминализация незаконного оборота персональных данных... С. 150.

незаконно полученных ФИО в сочетании с номером телефона будет образовывать состав преступления).

По меньшей мере, хранение следовало бы ограничить целями и (или) мотивами: хранением в целях совершения противоправного деяния, из корыстной или иной личной заинтересованности (т.е. использовать те признаки, которые привычны уголовному праву и которые действительно могут характеризовать общественную опасность). Однако предпочтительнее хранение не криминализовать вовсе, т.к. опасность сосредоточена в незаконном собирании и использовании изображения.

Использование информации – это ее применение для достижения какого-либо результата. Использование вбирает в себя различные варианты распространения. Например, по гражданскому праву, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, обнародование изображения следует толковать по аналогии со ст. 1268 ГК РФ: это осуществление действия, которое впервые делает данное изображение доступным для всеобщего сведения путем опубликования, публичного показа либо любым другим способом⁴⁹⁵. При этом в доктрине поясняется, что обнародование – «один из способов "использования" изображения гражданина», это *первый* случай использования⁴⁹⁶. Аналогично отмечается, что «распространение – есть одна из форм использования и является применением информации во вне»⁴⁹⁷.

Тем не менее, кроме распространения, в использовании учтены иные действия (иначе оно не было бы криминализовано отдельно в ст. 183 УК РФ). Признак использования по делам о посягательствах на банковскую, налоговую, коммерческую тайны исключается в тех случаях, когда оно выражено только в распространении. Верховный Суд Республики Мордовия, исключая «использование» из обвинения по ст. 183 УК РФ, пояснил, что использование – это

⁴⁹⁵ Абз. 1 п. 43 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8, август.

⁴⁹⁶ Гаврилов Э.П. Указ. соч. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

⁴⁹⁷ Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 166.

применение в любой форме и сфере (предпринимательской, бытовой, при совершении сделок, регистрации коммерческих организаций и в их финансово-хозяйственной деятельности). Использование нацелено на получение выгоды или на то, чтобы «употребить её [информацию] в ином смысле, например для компрометации работодателя, в целях причинения ущерба иным лицам и т.д. В любом случае использование предполагает совершение каких-либо *активных действий* со сведениями, составляющими налоговую тайну, *в целях достижения желаемого результата* (выделено мной – Т.А.)»⁴⁹⁸.

Решения по ст. 183 УК РФ иллюстрируют использование такими целями: для совершения хищения⁴⁹⁹, для использования на новом месте работы⁵⁰⁰, для изучения финансово-экономических показателей конкурентов и последующего использования сведений как конкурентного преимущества⁵⁰¹.

Использование охватывает разнообразные требования и угрозы. Иллюстрация этого вывода – вымогательство.

С одной стороны, отношения по охране тайн, чести и достоинства – дополнительный объект в составе вымогательства, и ст. 163 УК РФ на защиту тайн не направлена⁵⁰². В соответствии с позицией, выраженной в Постановлении

⁴⁹⁸ Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Республики Мордовия от 09 августа 2024 г. по делу № 22-927/2024 // СПС «Гарант».

⁴⁹⁹ Приговор Братского городского суда Иркутской области от 07 июля 2023 г. по делу № 1-294/2023; Апелляционное определение СК по уголовным делам Московского городского суда от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-21881/2023 // СПС «Гарант».

⁵⁰⁰ «...хотела использовать полученные *сведения*, составляющие коммерческую и банковскую тайну, на новом месте работы...» Вменено покушение на использование сведений, составляющих тайну. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 сентября 2023 г. по делу № 22-5227/2023.

⁵⁰¹ Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска Челябинской области от 16 июля 2024 г. по делу № 1-529/2024 // СПС «Гарант».

⁵⁰² Определение Конституционного Суда РФ от 29 мая 2019 г. № 1239-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бойцова Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision408901.pdf> (дата обращения: 29.05.2025). Заявитель настаивал на неконституционности нормы на том основании, что по его делу была установлена угроза распространения сведений, соответствующих действительности. В дальнейшем Конституционный Суд РФ отказался от дачи разъяснений термину «позорящие сведения». Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 № 1319-О-Р/2020 об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Бойцова Павла Вячеславовича о разъяснении

Пленума Верховного Суда РФ № 56, *распространение* сведений требует квалификации по совокупности ст. 163 УК РФ и другой статьи, о защите чести или тайны⁵⁰³. Более того, в судебной практике есть также пример дела, в котором сторона защиты настаивала на том, что *использование* выразилось только в вымогательстве и ст. 183 УК РФ подлежит исключению из обвинения. Суд этот довод отклонил со ссылкой на указанную позицию Верховного Суда РФ о *распространении*⁵⁰⁴.

С другой стороны, вымогательство, в соответствии со сложившейся практикой применения ст. 163 УК РФ, одновременно представляет собой особый вариант *использования* полученного изображения. Как отмечалось в пар. 2.2, фактически позорящие сведения понимаются шире, чем порочащие, и есть сведения, которые не учтены ни в каких «основных» нормах – ни в ст. 128¹ УК РФ, ни в ст. 137 УК РФ. Следовательно, от одного из варианта их использования (использования для выдвижения имущественного требования) защищает именно норма о вымогательстве.

Есть и другие особенности вымогательства, важные с точки зрения защиты права на неприкосновенность частной жизни, чести, достоинства и деловой репутации. В частности, вменение вымогательства в случае, когда сведения уже размещены в сети, а имущественное требование выдвигается в целях получения платы за их удаление – это подход, который критикуется в доктрине как пример расширительного толкования уголовного закона или применение его по аналогии⁵⁰⁵. Тем не менее, практика идет по данному пути – толкая угрозу

Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 29 мая 2019 года № 1239-О. // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision474670.pdf> (дата обращения: 29.05.2025).

⁵⁰³ Абз. 3 п. 12 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)».

⁵⁰⁴ Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 № 77-489/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁰⁵ Капитонова Е.А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6. С. 20–21.

распространения сведений как угрозу *продолжения* распространения⁵⁰⁶, в том числе когда инициатором общения выступает сам потерпевший: «...получив сведения ... о размещении ... сведений позорящих его честь и достоинство ... поручил ... связаться с лицами, осуществляющими администрирование указанного телеграм-канала, то есть действуя в его интересах, с целью достижения соглашения о дальнейшем не распространении вышеуказанных сведений позорящих его честь и достоинство и их удалении»⁵⁰⁷. В целом такой механизм – по инициативе предполагаемого потерпевшего – позволяет такому потерпевшему проще и эффективнее защититься от распространения позорящих сведений. Если распространены сведения, соответствующие действительности, то иные гражданско- и уголовно-правовые механизмы вовсе не применимы.

Преступления, в которых способом совершения является шантаж, представляют собой использование информации, в том числе изображений.

Подход Европейского Союза, выбранный для интимных изображений, в том числе дипфейков, предполагает установление ответственности за распространение (или изготовление и последующее распространение), а использование недвусмысленно связывает только с угрозой совершить такие действия⁵⁰⁸. Формулировку о криминализации угрозы из Директивы ЕС можно перевести следующим образом: «угроза совершить деяние, предусмотренное п. «а» или «б» статьи, в целях принудить лицо совершить определенное действие, воздержаться от совершения определенного действия или не воспрепятствовать совершению такого действия». Это соответствует и терминологии, использованной в литературе по IBSA (image-based sexual abuse), хотя авторы признают, что угроза редко

---

⁵⁰⁶ Пример такой формулировки – Приговор Пролетарского районного суда города Тулы от 16.10.2017 № 1-144/2017.

⁵⁰⁷ Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 05 июля 2023 г. по делу N 01-0308/2023 // СПС «Гарант».

⁵⁰⁸ Article 5 «Non-consensual sharing of intimate or manipulated material». Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence // Official Journal of the European Union. L. 24.05.2024.

выступает в качестве самостоятельного состава, будучи признаком иных действий⁵⁰⁹.

В ст. 137, 155, 183 УК РФ, устанавливающих ответственность за посягательства на тайны, деяние не описано через «угрозу распространения». Угроза всегда является способом совершения иных преступлений. При этом действует запрет *использования* сведений, составляющих налоговую, коммерческую и банковскую тайны (ст. 183 УК РФ). Понятие *использования* не всегда верно понимается судами, не всегда обособляется от распространения, но предмет преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ, тесно связан с имущественными выгодами, что облегчает установление целевого характера *использования* (например, сведения о клиентах банка, базы данных клиентов коммерческих организаций приносят преимущества на новом месте работы).

Использование личной тайны не носит коммерческого характера. Оно связано со стремлением поставить в зависимость конкретное лицо, принудив его к тому или другому решению (не обязательно противоправному самому по себе, так, требование продолжать общение находится вне правового поля, его могут сделать общественно опасным только выдвигаемые угрозы).

В стремлении одновременно и учесть привычную российскому праву терминологию, и не превысить пределы криминализации, возможно ввести норму об ответственности за использование позорящих и интимных изображений только при соблюдении двух условий:

1. с включением признака «из корыстной или иной личной заинтересованности». Признак не является принципиально новым для ст. 137 УК РФ, т.к. из диспозиции части первой он был исключен в 2003 году⁵¹⁰. При этом

---

⁵⁰⁹ Rigotti C., McGlynn C. Указ. соч. Для многих случаев они опираются на триаду действий – taking, distribution and «threats to do so» (см., напр., «Conduct categories: failing to reflect victims' experiences»).

⁵¹⁰ Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 15.12.2003. № 50. Ст. 4848.

необходимость установления мотива связана с ограничением от общественно безопасных целей использования;

2. с включением признака «не содержащее признаков иного состава преступления», чтобы избежать конкуренции со множеством иных общественно опасных вариантов использования: вымогательства, мошенничества, понуждения к действиям сексуального характера и ряда других. При их совершении с использованием дипфейков они всегда будут требовать вменения совокупности с предлагаемой нормой, что явно излишне, поскольку они также представляют собой именно использование.

Распространение и демонстрация изображений человека

Визуальная информация демонстрируется значительно чаще, чем вербальные сведения⁵¹¹, которые требуют больших когнитивных усилий и времени на погружение в текст. Если демонстрировать на экране бегущую строку текста или изображение – последнее будет значительно легче воспринять. Сказанное применимо к любой визуальной информации, в том числе символике, атрибутике. Так, демонстрацией символики признано размещение информации на сайте: «...на сайте информационно-правового центра ... публично демонстрировал символику экстремистской организации – товарный знак социальной сети ..., принадлежащей американской транснациональной холдинговой компании ... деятельность по реализации которой запрещена ... по основанию осуществления экстремистской деятельности». В этом же решении суд поясняет, что демонстрация экстремистской символики и атрибутики – «публичное выставление, показ, ношение, вывешивание, изображение, воспроизведение на страницах печатных изданий или

---

⁵¹¹ Демонстрация верbalных сведений возможна, например, согласно обстоятельствам дела о нарушении неприкосновенности частной жизни *демонстрировалась* фотография ответа медицинского учреждения. В ответе содержались сведения о состоянии здоровья. См. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 по делу № 77-2971/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

в фото-, кино- и видеоматериалах, тиражирование и другие действия, делающие ее восприятие доступным»⁵¹².

Демонстрация символики по смыслу КоАП РФ понимается шире, чем демонстрация изображения человека для целей уголовного права. Например, включает воспроизведение в печатных изданиях. Но и в уголовном праве нет единобразия в толковании признака демонстрации. Например, признак распространения в публично демонстрирующемся произведении, закрепленный в ч. 1 ст. 137 УК РФ, оказался невостребованным. Большая часть судебной практики по делам о нарушении неприкосновенности частной жизни связана с распространением в сети Интернет, что не является ни конститутивным, ни квалифицирующим признаком. Рассматривая пример распространения текстового сообщения в Интернете, П.С. Яни полагает, что нельзя оценивать сообщение как демонстрирующееся произведение, т.к. это должен быть результат интеллектуальной деятельности, созданный творческим трудом. При этом он считает возможным квалифицировать такое распространение по признаку распространения в публичном выступлении, т.к. слово выступление можно толковать и как публикацию⁵¹³.

Распространение и демонстрация как признаки оборота порнографических материалов, напротив, не только являются распространенными на практике действиями, но и разграничены для ст. 242, 242¹ УК РФ Пленумом Верховного Суда РФ:

- распространение материалов – незаконное предоставление конкретным лицам либо неопределенному кругу лиц возможности их использования;
- публичная демонстрация с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей – открытый показ материалов либо

---

⁵¹² Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2025 № 16-1048/2025 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵¹³ Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 4. С. 38–42. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

предоставление неограниченному кругу лиц возможности просмотра таких материалов, без возможности самостоятельного их использования⁵¹⁴.

Распространение означает предоставление возможности использования, публичная демонстрация – открытый показ или возможность просмотра, но без возможности самостоятельного использования. Это согласуется с тем, что распространение и демонстрация по своей природе обладают различной общественной опасностью. Возможность самостоятельного использования другими лицами, которая свойственна распространению, создает опасность дальнейшего неконтролируемого распространения порнографического материала получателями информации и увеличения охвата аудитории; общественно опасные последствия распространения создают реальную опасность воздействия на более широкий круг лиц по сравнению с демонстрацией. Демонстрация *непубличная* не несет общественной опасности, поскольку не предполагает ни возможности использования материала, ни доведения его содержания до широкого круга лиц.

В судебной практике распространением порнографических материалов признается, например:

- отправление материалов в групповые чаты в мессенджере WhatsApp (признак публичной демонстрации исключен, поскольку «videоролики не демонстрировались открыто... каждый пользователь групповых чатов... имел возможность самостоятельно просмотреть содержимое материалов,

---

⁵¹⁴ П. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"». В литературе разграничение проводилось и ранее: «распространение предполагает переход порнографического предмета или материала, например, его копирование и хранение; демонстрация – только ознакомление...» // Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности... С. 535. Данные Пленумом Верховного Суда РФ разъяснения воспроизводятся различными судами: см., напр., Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 по делу № 77-2030/2024; Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2024 № 77-351/2024.

отправленных..., в том числе и позже, а не в прямом эфире, сохранив их на отдельном носителе информации»⁵¹⁵;

- публикация фото- и видеоизображений в группе в социальной сети «ВКонтакте»⁵¹⁶, публикация фотоизображений, доступных «к всеобщему просмотру и скачиванию (выделено мной – Т.А.)»⁵¹⁷;
- направление ссылки на облачное хранилище, в котором содержатся файлы с материалами порнографического характера⁵¹⁸.

Как поясняет в своем решении Второй кассационный суд общей юрисдикции, если судом установлена возможность получателей пользоваться материалом – то подлежит вменению признак распространения, а признак демонстрации исключается⁵¹⁹. Соответственно, если нет возможности скачать материал или переадресовать его другому лицу – не может быть вменено распространение. Распространение и демонстрация являются строго альтернативными. Квалификация действий и как распространения, и как публичной демонстрации возможна только в отношении последовательных действий: если идет публичный прямой эфир, который записывается, а его запись затем выкладывается (только такая очередность действий означает возможность вменить оба альтернативных действия, потому что есть и демонстрация, и последующая возможность пользоваться материалом).

Прямой эфир *без* последующего выкладывания его записи не может быть признан не только демонстрацией, но и распространением, поскольку порнографический материал при прямом эфире существует только в ходе его непосредственного просмотра, то есть в момент проведения эфира. В случаях,

⁵¹⁵ Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 26 июня 2024 г. по делу № 1-968/2024.

⁵¹⁶ Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 16 сентября 2024 г. по делу № 1-726/2024.

⁵¹⁷ Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы Пензенской области от 25 июля 2022 г. по делу № 1-314/2022.

⁵¹⁸ Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 22 апреля 2024 г. по делу № 01-0212/2024.

⁵¹⁹ См., напр.: Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2024 № 77-1624/2024 (УИД 77RS0015-02-2020-001043-84).

когда «функционал сайта ... не предполагает предоставления пользователю возможности самостоятельного использования фото- и видеофайлов, размещенных на странице, в том числе их скачивания программными средствами самого сайта»⁵²⁰, оценка действий проводится по признаку демонстрации – при условии ее публичности.

Важно, что в процитированном решении подчеркивается функционал сайта, т.к. любой материал теоретически может быть зафиксирован наблюдателем (через специальные программы или без использования таковых – например, путем записи экрана на камеру телефона). Если пользователь (в том числе сотрудник правоохранительного органа в рамках проведения ОРМ) сохраняет материал с помощью собственных средств, программ или устройств, а сайт (приложение, программа) такой возможности не предоставляют, квалификация содеянного должна осуществляться по признаку демонстрации.

Вопрос разграничения распространения и демонстрации может быть наглядно проиллюстрирован получившей распространение вебкам-индустрией. В криминологической литературе поясняется, что вебкам – «виртуальный контакт между людьми вне сексуального общения или в его рамках», включающий как неэротический вебкам, так и пользование сексуальными услугами, «как это было бы в реальной жизни»⁵²¹. При этом в настоящее время в отношении организаторов соответствующих интернет-площадок и вебкам-моделей возбуждаются уголовные дела по ст. 242 УК РФ, хотя природа вебкама неочевидна: он может быть рассмотрен через призму услуг и понятия проституции⁵²², поскольку зависит от запросов клиента. Если бы аналогичные действия по демонстрации обнаженных половых органов производились «вживую», то по ст. 242 УК РФ они не были бы наказуемы

---

⁵²⁰ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 08 мая 2024 г. по делу № 1-409/2024.

⁵²¹ Антонян Ю.М. Преступная секс-индустрия (проституция, порнография, преступность): монография. М., 2024. С. 39–40.

⁵²² Алихаджиева И.С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125). С. 164–165.

– иными словами, облик модели без его преломления через средства видеосвязи не представляет собой порнографический материал.

Интересно также, например, что ранее упоминавшая Американская комиссия по непристойности и порнографии не стала в своем исследовании учитывать сценические выступления / шоу сексуального содержания, указав, что они регулируются иными нормами права (напр., об эксгибиционизме, содомии, хулиганстве) и что в основе этих норм принципиально другие соображения по сравнению с нормами о порнографии⁵²³.

В любом случае, *de lege lata* ключевая веха в уголовно-правовой оценке вебкама – принятие Пленумом Верховного Суда РФ следующего разъяснения: «как публичная демонстрация подлежат квалификации действия, совершенные в прямом эфире (в частности, на сайтах, позволяющих пользователям производить потоковое вещание, - стриминговых сервисах)»⁵²⁴.

Многие правоведы⁵²⁵, рассматривая вопросы квалификации по ст. 242 УК РФ, обращают внимание на решение Верховного суда Удмуртской Республики 2014 г.⁵²⁶ В решении, среди прочего, было подчеркнуто, что действия «веб-модели» не фиксировались на материальный носитель или в электронно-цифровой форме.

«Материальность» подобной порнографии действительно неоднозначна. Например, М.М. Зазирная рассматривает случаи интернет-стриптиза через призму видеоролика, который «доступен для восприятия и представляет собой составленную последовательность кадров», дополняя это тем, что уголовный закон

⁵²³ The Report of the Commission on Obscenity and Pornography. Washington, D.C., September 1970. C. 3.

⁵²⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"».

⁵²⁵ См., напр.: Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8; Хилтунов Н.Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 242 УК РФ // Законность. 2024. № 6. Цит. по СПС КонсультантПлюс. См. также: Ровнейко В.В. Вебкам-моделинг: публичная демонстрация порнографических материалов или проституция? // Уголовно-правовая защита традиционных ценностей: материалы межвузовского круглого стола. Екатеринбург, 2023. С. 61.

⁵²⁶ Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 4 декабря 2014 г. по делу № 22-3288/14.

не требует от предмета преступления быть длительным, потребляемым или непотребляемым⁵²⁷. Другими авторами возможность вменения ст. 242 УК РФ для демонстрации вебкама *до* принятия указанного Постановления Пленума, напротив, отрицалась именно по признаку предмета⁵²⁸.

С учетом понятия «материал» для целей ст. 242 УК РФ *до* принятия Постановления Пленума Верховного Суда № 37 было бы допустимо такое толкование, в соответствии с которым *до* фиксации материала возможно только его изготовление, а демонстрация и распространение возможны *после* изготовления, с учетом того что порнографический характер материала известен только тогда, когда есть сам материал. Согласно нынешней позиции Верховного Суда РФ вебкам-модель принимает решение о демонстрации порнографии, выполняя то или иное пожелание клиента, и изготовление от демонстрации в данном случае неотличимо.

Толкование высшего суда применительно к вебкаму можно признать принципиально новым, поскольку оно не вытекало напрямую из терминологии уголовного закона (некоторые авторы утверждают, что «деятельность вебкам-моделей стала уголовно наказуемой» в связи с принятием данного Постановления Пленума⁵²⁹, что толкование носит расширительный характер⁵³⁰). Не было такое толкование также и единственно возможным; норма в части демонстрации не была «мертвой» и до появления рассматриваемого толкования.

Например, по фактическим обстоятельствам одного из дел осужденная размещала на своем аккаунте материалы, доступные по платной подписке (на нее были подписаны около 50 человек). Размещаемые публикации имели название, видео создавались *до* их размещения, но подписка предоставляла возможность

⁵²⁷ Зазирная М.М. Квалификация распространения порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети Интернет // Уголовное право. 2015. № 6.

⁵²⁸ Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Вебкам-индустрия – новая угроза общественной нравственности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7. С. 79.

⁵²⁹ Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3. С. 129.

⁵³⁰ Ровнейко В.В. Указ. соч. С. 61, 63.

просмотра материалов, без их скачивания или иного самостоятельного использования⁵³¹.

В части описания предмета толкование, данное Пленумом Верховного Суда РФ, однозначно ухудшает положение лиц, привлекаемых к ответственности, по сравнению с тем толкованием, которое могли дать суды до официальных разъяснений высшей судебной инстанции.

Будучи по своей природе именно демонстрацией, а не распространением, вебкам-услуги оказываются в различных вариантах и с различными ограничениями доступа. Можно ли использование онлайн-платформы само по себе трактовать как соответствие признаку публичности?

Признак публичности действий с информацией предполагает ориентацию на неопределенный круг лиц, хотя термин «публичный» имеет двоякую природу и не определяется единообразно для всех составов⁵³². Пленум Верховного Суда РФ при описании публичной демонстрации не ограничивается простым указанием на информационно-телекоммуникационные сети. Для вменения состава либо показ должен быть *открытым*, либо возможность просмотра должна быть у *неопределенного* круга лиц⁵³³.

С точки зрения толкования признака публичности есть существенные препятствия для оценки показа материала в прямом эфире как *публичного* при условии доступа к прямому эфиру одновременно только одного лица.

Это выражается в следующем:

1) прямой эфир предполагает уникальный материал, неповторимый, который может быть доступен лишь в момент его просмотра;

---

⁵³¹ Приговор Калужского районного суда Калужской области от 08 мая 2024 г. по делу № 1-409/2024.

⁵³² См. подробнее о содержании термина: Костылева О.В. Признак публичности призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) в сравнительно-правовом контексте // Уголовное право. 2023. № 10. С. 44–60.

⁵³³ Абз. 3 п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"».

2) установление технических барьеров для доступа к информации является распространенным на практике критерием, свидетельствующим об отсутствии нацеленности на *общество* (нацеленности сделать материал публичным).

При демонстрации, если порнографические материалы *не* фиксируются, они существуют только в момент их просмотра. Каждый новый прямой эфир индивидуален, представляет собой новый материал, который обладает уникальными свойствами, его нельзя продемонстрировать абсолютно идентично, т.е. круг получателей порнографического материала при закрытом прямом эфире всегда ограничен одним человеком, даже если впоследствии модель проводит другие трансляции для других лиц. Последующие трансляции – новые материалы, не способные повторить прежние в силу сущности прямого эфира / стрима. В этой связи представляют интерес разъяснения Верховного Суда РФ применительно к ответственности СМИ: «Судам следует учитывать особенности телевидения и радиовещания, которые ограничивают возможности журналистов и редакторов по исправлению, уточнению, толкованию или комментированию утверждений, сделанных участниками передач в прямом эфире»⁵³⁴.

Особенности прямого эфира неизбежно предполагают уникальность каждого показываемого материала – что непосредственно влияет на невозможность их редактирования и иных последующих действий с материалом. Закрытый прямой эфир подразумевает ограничение доступа. Технические барьеры нередко предоставляются пользователям на определенной платформе, в определенной социальной сети – это тот инструментарий, который разработчики создали для обеспечения контроля над информацией и который использует пользователь.

Например, к техническим барьерам относятся функционал закрытых профилей или процедура идентификации (введение логина и пароля).

---

⁵³⁴ См. абз. 5 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» (ред. от 09.02.2012).

Поскольку публичной для квалификации по ст. 242 УК РФ должна быть демонстрация *материала*, а не действий или информации об услугах, а материал при этом существует только в момент его просмотра, установление признака публичности напрямую зависит от количества человек, имеющих доступ к просмотру данного конкретного прямого эфира – следовательно, действия в закрытом прямом эфире, доступ к которому имеется у одного зрителя и предоставляется за плату, признаку публичности не отвечает.

Таким образом, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 37 были прояснены два принципиальных вопроса для целей толкования показа в прямом эфире, имеющих значение, в том числе, с точки зрения вопроса действия обратной силы толкования нормы УК РФ:

- подобный показ не может быть признан распространением и является демонстрацией (что *улучшает* положение лиц, привлекаемых или привлеченных к уголовной ответственности);
- видеоизображение в прямом эфире является порнографическим материалом по смыслу уголовного закона, вопреки отсутствию его фиксации, а равно вопреки невозможности воспроизведения, хранения и копирования (что *ухудшает* положение лиц, привлекаемых или привлеченных к уголовной ответственности).

До принятия указанного Постановления Пленума 15 декабря 2022 г. дать корректную уголовно-правовую оценку такому явлению, как вебкам, не представлялось возможным. Автор согласен с мнением, согласно которому обратная сила нового постановления Пленума может быть придана только в той части, в которой улучшается положение лица⁵³⁵. Поэтому в той части, в которой разъяснения Пленума ВС РФ *ухудшают* положение лиц, совершивших подобные деяния *до* 15 декабря 2022 г., они применению подлежать не должны. Осуждение организаторов площадок вебкама или вебкам-моделей за действия, совершенные

---

⁵³⁵ Уголовно-правовая оценкадается на основании не только уголовного закона, но и конкретизирующих его положений Пленума ВС РФ – в доктрине их называют «конкретизирующими» или «вторичными» уголовно-правовыми предписаниями. См. Ображиев К.В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2.

до 15 декабря 2022 г., противоречит принципу законности в части установления признаков предмета преступления.

В свою очередь, данная позиция основана на подходе Верховного Суда РФ, сформулированном при рассмотрении уголовного дела в качестве высшей судебной инстанции, а именно по делу об обороте наркотических средств. Согласно правовой позиции Верховного Суда РФ, по смыслу положений об обратной силе уголовного закона «разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, влекущие за собой *ухудшение* положения осужденного, *не распространяются* на деяния, совершенные *до* их принятия (выделено мной – Т.А.)»⁵³⁶. Такой подход поддерживается и в доктрине – применительно к разъяснениям, которые прямо влияют на квалификацию и меняют предшествующую судебную практику⁵³⁷.

Однако разграничение демонстрации и распространения имеет значение также для изменений уголовного закона в 2024 году: введенного в ряд статей квалифицирующего признака, а равно отягчающего обстоятельства, указанного в п. «т» ч. 1 ст. 63 УК РФ: «совершение умышленного преступления с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть "Интернет"). Во всех квалифицирующих составах данный признак также изложен только с указанием на демонстрацию, а не на распространение⁵³⁸. Использование законодателем в новом квалифицирующем и конститутивном признаке *только* «демонстрации» способствует новому витку дискуссии о соотношении данного понятия с более устоявшимся «распространением».

⁵³⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 1 октября 2024 г. по делу № 31-УД24-8-К6.

1. ⁵³⁷ См. позицию по приготовлению к преступлению с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3. С. 33–38. См. подробнее позицию автора по вопросам квалификации вебкама: Алексеева Т.С. Квалификация вебкама как демонстрации порнографии в прямом эфире в контексте обратной силы уголовного закона // Уголовное право. 2025. № 4. С. 3–15.

⁵³⁸ Федеральный закон от 08.08.2024 № 218-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 12.08.2024. № 33 (Часть I). Ст. 4914.

Указание только на демонстрацию объяснимо с точки зрения обоснования внесенных изменений, а именно совершенствованием «уголовной ответственности треш-стримеров»⁵³⁹. Однако с точки зрения действий в составе объективной стороны принципиально важно, распространяется ли толкование, закрепленное в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 37 применительно к незаконному обороту порнографии, на признак совершения умышленного преступления с публичной демонстрацией?

Если оно применимо, то запись умышленного преступления на камеру с последующим распространением будет оставлена без уголовно-правовой оценки⁵⁴⁰, поскольку новым отягчающим наказание обстоятельством является только публичная демонстрация, но не распространение. У этого вывода есть рациональное обоснование, если целью законодателя было предотвратить привлечение аудитории к процессу совершения преступления в момент его совершения. С другой стороны, подход, ориентированный на потерпевшего, должен был бы привести к противоположному выводу: распространение имеет такие же последствия, как и демонстрация.

Уголовно-правовая терминология должна быть единообразна. Это соответствует принципу законности, т.к. делает уголовный закон более предсказуемым. Тем не менее, стремлению толковать одни и те же термины в уголовном законе *единообразно* противостоит запрет применения уголовного закона по аналогии. Разумеется, толкование и запрет применения по аналогии не тождественны. Единообразие терминов П.С. Яни специально описывает как

---

⁵³⁹ Пояснительная записка к законопроекту № 506240-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (в части усиления ответственности за совершение преступлений с публичной демонстрацией, в том числе в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»)) // Материалы к законопроекту № 506240-8. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8> (дата обращения: 26.04.2025).

⁵⁴⁰ Без оценки по признаку совершения с публичной демонстрацией. Как было отмечено в пар. 2.3, изображения потерпевшего в процессе применения к нему насилия защищаются режимом личной тайны.

аналогию *толкования*, считая ее принципиально допустимой⁵⁴¹. Есть и судебное подтверждение данной мысли: по делу С.Ф. Шатило Конституционный Суд РФ признал, что единое понимание термина «доход» для целей статей 171 и 178 УК РФ не вступает в коллизию с запретом применения уголовного закона по аналогии; включение в одну главу свидетельствует об общности объекта преступного посягательства⁵⁴². Однако при аналогии толкования опасность применения закона по аналогии все равно присутствует, т.к. одни и те же признаки не всегда должны получать одинаковое содержание, если относятся к разным объектам и последствиям.

В отношении признака публичной демонстрации не соблюдается критерий единства родового объекта преступлений. Можно лишь утверждать, что демонстрация, являясь самостоятельным действием в составе объективной стороны, всегда означает наличие вреда дополнительному объекту, одному и тому же – общественной нравственности. Или, если обратиться к подходу, который предложен в пар. 1.2 применительно к таким изображениям, – к человеческому достоинству в его объективном понимании, потому что треш-стримы изображают человека так, что это расходится с идеальными представлениями о достоинстве человека; то же самое относится и к аудитории, которая также вовлечена в деятельность, противоречащую этим представлениям.

В противоречии с этим доводом находится практика по другому составу преступления – жестоким обращением с животными, совершенным с публичной демонстрацией. Р.Д. Шарапов обращает внимание на то, что под демонстрацией для целей данного состава понимается как совершение в многолюдном месте, так и публичная демонстрация в информационно-телекоммуникационных сетях, в том

⁵⁴¹ «...если применять допустимую аналогию толкования закона...» См. Яни П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов // Законность. 2019. № 1. См. также о разграничении толкования и применения по аналогии: Бриллиантов А.В., Яни П.С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6.

⁵⁴² Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 УК РФ, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3389.

числе та, которая *следует* за актом жестокого обращения⁵⁴³. Как отмечается в литературе, данный подход присутствует и в судебной практике⁵⁴⁴.

Иными словами, ни объект, ни предмет преступления не являются теми критериями, которые обеспечили бы для случаев демонстрации изображений единообразие правоприменения. Однако можно выделить следующие закономерности:

1) если в норме содержится указание на распространение и демонстрацию как альтернативные действия – они наполнены самостоятельным содержанием (узким); 2) если объективная сторона выражена в распространении, то оно понимается и как распространение, и как демонстрация (в тех узких значениях, которые им приданы в рамках п. 1, как это происходит при применении ст. 137 УК РФ); 3) если объективная сторона выражена в демонстрации, то она понимается и как демонстрация, и как распространение (как указано выше применительно к ч. 2 ст. 245 УК РФ).

Поэтому, хотя в русле своей позиции об аналогии толкования П.С. Яни предлагает решать проблему демонстрации в новом признаке по смыслу нормы об обороте порнографических материалов («публичная демонстрация запрещенных законом материалов не включает в себя их распространение...»)⁵⁴⁵, такое решение, скорее всего, не будет воплощено в судебных актах.

De lege ferenda описанная непоследовательность терминологии представляется неверной, потому что законодатель сам порождает разнообразное

⁵⁴³ Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3. Цит. по СПС «Гарант». Практика по ст. 245 УК РФ и другим нормам, в которых признак демонстрации появился ранее, дало основу для доктринального предположения, что квалифицированные составы «не получат широкого распространения в судебной практике». Ермолович Я.Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 1. С. 72–73.

⁵⁴⁴ Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 96–97.

⁵⁴⁵ Яни П.С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 1. С. 30–34; № 2. С. 33–36. Цит. по СПС «КонсультантПлюс».

толкование, нежелательное с точки зрения принципа законности. Широкое понимание – п. 2 и п. 3 выше – вредно для практики по п. 1, т.к. суды менее тщательно подходят к установлению конкретного содержания каждого признака, когда они строго альтернативны.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изображение человека связано с различными общественными отношениями и регулируется различными отраслями права. Проведенное диссертационное исследование, посвященное изображению человека как предмету преступления, позволило разрешить ряд проблем, связанных с установлением и реализацией уголовной ответственности за посягательства, предметом которых выступает изображение человека.

В диссертации обозначены основные признаки изображения человека как предмета преступления, сделан переход от общих особенностей изображения человека к отдельным правовым режимам, типам изображений и действиям с ними. Сделан вывод, что изображение человека как предмет преступления может олицетворять как индивидуальное право конкретной личности, так и обобщенный человеческий образ, человеческое достоинство в объективном смысле, в том числе с учётом культурологических особенностей конкретного общества. Изображение человека является информацией, однако по сравнению с вербальными описаниями оно способно причинить больший вред в силу одномоментного и комплексного восприятия человеческим сознанием.

Изображение человека может подлежать одновременной охране правовыми режимами тайн, персональных данных, а также режимом права на изображение. Для оценки нарушений права на изображение имеют значение нормы конституционного и гражданского права, но его нарушения влекут в том числе уголовную ответственность при условии одновременного причинения существенного вреда отношениям по охране личной тайны, чести и достоинства личности.

Анализ российской и зарубежных правовых систем показал, что современные тенденции защиты права на изображение характеризуются, с одной стороны, усилением роли колLECTивного аспекта права; с другой – переоценкой защиты и защищенности психологического здоровья личности. Коллективный аспект отражен в криминализации деяний с персональными данными. Изображение человека относится к таковым для целей применения ст. 272¹ УК РФ

при условии его включенности в базу данных. На примере Испании проиллюстрировано, как психологический вред от действий с изображениями человека учтен в уголовном законодательстве.

В диссертационном исследовании представлена авторская типология изображений человека в уголовном праве, выделенная на основании таких критериев, как: 1) культурный подход к изображению человека; 2) причинение вреда чести потерпевшего; 3) наличие сведений, не соответствующих действительности; 4) наличие сцен применения насилия. Между разными типами изображений человека выявлены характерные для любой типологии связи: в частности, пересечение выделенных множеств, отсутствие строгих разграничительных критериев. Поэтому интимные изображения могут быть одновременно признаны порнографическими, а позорящие изображения включают в себя порочащие.

Благодаря типологизации в результате исследования были подведены итоги, необходимые для квалификации преступных деяний: в частности, что квалификация по совокупности ст. 137, 242 УК РФ возможна в тех случаях, когда фактические обстоятельства свидетельствуют о намерении лица причинить вред общественной нравственности, а не только конституционному праву на неприкосновенность частной жизни.

Типы изображений человека по вреду чести личности подтвердили невозможность квалификации деяния как клеветы, если распространенное изображение является для потерпевшего постыдным, но не содержит сведений о фактических обстоятельствах, которые указывали бы на какой-либо порочащий поступок потерпевшего (т.е. если изображение является позорящим, но не порочащим).

Деяния с изображениями человека в ходе исследования разделены по признаку наличия зафиксированного облика: собирание, изготовление и доступ совершаются для его получения; хранение, использование, распространение и демонстрация возможны только в отношении наличествующего изображения человека. Определены понятия отдельных действий: например, под собиранием

изображений человека понимаются умышленные действия, нацеленные на получение таких изображений; использование изображения человека предполагает применение визуальной информации для достижения какого-либо результата.

Диспозиции некоторых норм УК РФ 1996 года – и, в частности, положения ст. 137 УК РФ – с течением времени оказались достаточными для уголовно-правовой оценки тех деяний, которые в других странах вызвали сложности и последующие законодательные изменения. Однако технологическое развитие и связанное с ним разнообразие способов преступных посягательств обозначают ряд проблем. Некоторые особенности могут быть прояснены на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ (например, момент окончания собирания в зависимости от разных способов). Другие могут быть исправлены только законодательно (такие, как разнообразное использование терминов «демонстрация» и «распространение»).

С учетом того, что уголовно-правовая роль во всех глобальных и межличностных процессах должна быть тщательно сбалансирована с другими благами, автором исследования предлагается учесть необходимость балансирования и самих средств правовой защиты. В отношении распространения ненасильственной «взрослой» порнографии предпочтительнее ограничиться мерами административно-правовой ответственности. Принципиально важно, что к уголовно-правовой плоскости должны быть отнесены не все, а только *определенные* изображения, признаки которых свидетельствуют о наличии общественной опасности в случае совершении с ними каких-либо действий.

Привычные механизмы уголовно-правового противодействия в части угроз для личности нуждаются в пересмотре: этот вывод касается не только изображений человека, но и комплексной защиты от психического вреда, защиты коллективных прав. Представляется необходимым устранение имеющихся пробелов в уголовно-правовой защите личности от использования и распространения изготовленных интимных и / или позорящих изображений.

Тема исследования многоаспектна и высоко динамична, что обуславливает необходимость ее дальнейшей разработки. Так, в условиях непрерывного

совершенствования технологий и изменений нормативной базы требуется углубленное исследование правового регулирования технологий генеративного искусственного интеллекта. Перспективным направлением является анализ авторских прав на создаваемые изображения – их уголовно-правовая защита не была подробно изложена в представленной работе. С учетом роли информации в современном обществе необходимы уголовно-правовые исследования разнообразных видов и правовых режимов информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 06.10.2022.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. № 67. 05.04.1995.
3. Международный пакт о гражданских и политических правах (принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Ведомости Верховного Совета СССР. 28.04.1976. № 17, ст. 291.
4. Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных. ETS № 108 // Собрание законодательства РФ. 03.02.2014. № 5.
5. Ст. 419. Конвенция заключена в Страсбурге 28.01.1981, ратифицирована Федеральным законом от 19.12.2005 № 160-ФЗ, вступила в силу для РФ 01.09.2013.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>. 08.08.2024.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. № 5. Ст. 410.
7. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Парламентская газета. 2001. № 241–242.
8. Уголовный кодекс РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2954.
9. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 32. 08.02.1992.
10. Закон РФ от 15.04.1993 № 4804-1 «О вывозе и ввозе культурных ценностей» (ред. от 04.08.2023, с изм. и доп.) // Российская газета. № 92. 15.05.1993.

11. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (ред. от 01.05.2022, с изм. и доп.) // Российская газета. № 11–12. 17.01.1995.
12. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 01.04.2025, с изм и доп.) // Российская газета. № 160. 18.08.1995.
13. Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 29. Ст. 3697.
14. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (ред. от 23.07.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 138–139. 30.07.2002.
15. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // Российская газета. 2003. № 135.
16. Федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп.) // Парламентская газета. 05.08.2004. № 144.
17. Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 162. 27.07.2006.
18. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. от 23.11.2024, с изм. и доп.) // Российская газета. 29.07.2006. № 165.
19. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (ред. от 08.08.2024, с изм. и доп.) // Российская газета. 29.07.2006. № 165.
20. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (ред. от 14.07.2022, с изм. и доп.) // Российская газета. № 265. 26.12.2008.
21. Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (ред. от 30.11.2024, с изм. и доп.) // «Российская газета». № 297, 31.12.2010.

22. Федеральный закон от 29.02.2012 № 14-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних» // Российская газета. № 46. 02.03.2012.

23. Указ Президента РФ от 30.11.1995 № 1203 «Об утверждении Перечня сведений, отнесенных к государственной тайне» (ред. от 24.06.2025, с изм. и доп.) // Российская газета. № 246. 27.12.1995.

24. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года. Утв. Указом Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024, с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 14.10.2019. № 41. Ст. 5700.

25. Распоряжение Президента РФ от 22.03.2008 № 144-рп «О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства РФ. 31.03.2008. № 13. Ст. 1295.

Национальные стандарты

26. ГОСТ Р 7.0.05-2015 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Электронные документы. Основные виды, выходные сведения, технологические характеристики». Утв. Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 09.12.2015 № 2127-ст.

27. ГОСТ Р 7.0.8-2025. Национальный стандарт Российской Федерации. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. Утв. Приказом Росстандарта от 28.01.2025 № 30-ст.

Акты, утратившие силу

28. Основы законодательства РФ от 07.07.1993 № 5341-1 «Об Архивном фонде Российской Федерации и архивах»

29. Разъяснения Роскомнадзора «О вопросах отнесения фото- и видеоизображения, дактилоскопических данных и иной информации к биометрическим

персональным данным и особенности их обработки» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). № 36. 13.09.2013.

30. Распоряжение Президента РФ от 15.11.2005 № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности» // Собрание законодательства РФ. 21.11.2005. № 47. Ст. 4929.

31. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных // Свод законов Российской Империи. Том XV. Изд. 1885. СПб., 1885.

Акты, не имеющие юридической силы для РФ

32. Уголовный кодекс Республики Узбекистан, утвержденный Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2012-XII // URL: <https://www.lex.uz/acts/111457> (дата обращения: 20.02.2025).

33. Закон Республики Узбекистан от 11 апреля 2023 г. № ЗРУ-829 «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Узбекистан в связи с дальнейшим совершенствованием системы надежной защиты прав, свобод и законных интересов женщин и детей» // Национальная база данных законодательства. № 03/23/829/0208. 12.04.2023 г.

34. The Convention on Cybercrime (Budapest Convention, ETS No. 185, 23.XI.2001). По состоянию на 20.02.2025 – 78 стран-участниц Конвенции. URL: <https://www.coe.int/en/web/cybercrime/the-budapest-convention> (дата обращения: 20.02.2025).

35. Ley Orgánica 10/1995, de 23 de noviembre, del Código Penal (ред. от 11.06.2024, с изм. и доп.) // «BOE» núm. 281, de 24/11/1995.

36. Directive (EU) 2024/1385 of the European Parliament and of the Council of 14 May 2024 on combating violence against women and domestic violence // Official Journal of the European Union. L. 24.05.2024.

37. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) // Official Journal of the European Union. L 119. 04.05.2016; cor. OJ L 127, 23.5.2018.

38. Regulation (EU) 2024/1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence and amending Regulations (EC) No 300/2008, (EU) No 167/2013, (EU) No 168/2013, (EU) 2018/858, (EU) 2018/1139 and (EU) 2019/2144 and Directives 2014/90/EU, (EU) 2016/797 and (EU) 2020/1828 (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. 2024/1689. 12.7.2024.

Материалы подготовки и обсуждения законопроектов

39. Материалы к законопроекту № 502113-8. URL: [www.sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8](http://sozd.duma.gov.ru/bill/502113-8) (дата обращения: 14.04.2025).
40. Материалы к законопроекту № 506240-8. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8](http://sozd.duma.gov.ru/bill/506240-8) (дата обращения: 26.04.2025).
41. Материалы к законопроекту № 718538-8. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8](http://sozd.duma.gov.ru/bill/718538-8) (дата обращения: 23.04.2025).
42. Материалы к законопроекту № 718834-8. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8](http://sozd.duma.gov.ru/bill/718834-8) (дата обращения: 25.08.2025).
43. Материалы к законопроекту № 1074945-7. URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7](http://sozd.duma.gov.ru/bill/1074945-7) (дата обращения: 01.03.2023).
44. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (о получении информации о входящих и исходящих сигналах соединений телефонов при расследовании уголовных дел на основании судебного решения) // URL: [https://sozd.duma.gov.ru/bill/7176-5](http://sozd.duma.gov.ru/bill/7176-5) (дата обращения: 03.05.2025).
45. Стенограмма заседаний Государственной Думы РФ 22 декабря 2020 г. // База данных «Стенограммы заседаний Государственной Думы РФ» на официальном сайте ГД ФС РФ. URL: <http://transcript.duma.gov.ru/node/5570/> (дата обращения: 15 марта 2023 г.)

Методические рекомендации, доклады, обобщения, отчеты и иные аналитические материалы

46. Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной

информации, утв. Генпрокуратурой РФ. М., 2013. Размещены на официальной сайте Генеральной прокуратуры РФ 14 апреля 2014 г. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/documents/scientific-materials?item=4900252> (дата обращения: 22.01.2024).

47. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2015 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=3418> (дата обращения: 01.06.2025).

48. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2020 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=5669> (дата обращения: 01.06.2025).

49. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам, за 2024 год, по форме 10-а // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8946> (дата обращения: 01.06.2025).

50. Attorney General's Commission on Pornography. Final Report. Part 1. U.S. Department of Justice. Washington D.C., 1986. URL: <https://www.ojp.gov/ncjrs/virtual-library/abstracts/attorney-generals-commission-pornography-final-report> (дата обращения: 30.04.2025).

51. Digital 2025: Global Overview Report // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 27.05.2025).

52. The Report of the Commission on Obscenity and Pornography. Washington, D.C., September 1970.

Судебная практика

53. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2023 № 19-П «По делу о проверке конституционности части первой и пункта «в» части второй статьи 178 УК РФ, а также пункта 1 примечаний к данной статье в связи с жалобой гражданина С.Ф. Шатило» // Собрание законодательства РФ. 01.05.2023. № 18. Ст. 3389.

54. Постановление Конституционного Суда РФ от 11.01.2024 № 1-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 111 и части первой статьи 112 Уголовного кодекса Российской Федерации, а также пункта 3 Правил определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, в связи с жалобой гражданина Б.» // Российская газета. № 20. 31.01.2024.

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.2024 № 2-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 137 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина П.О. Вильке» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision730575.pdf> (дата обращения: 30.12.2024).

56. Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2024 № 4-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 53 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан О.А. Балуковой и Ю.М. Чернигиной» // Российская газета. № 32. 14.02.2024.

57. Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года «О связи» // Российская газета. 2003. № 250.

58. Определение Конституционного Суда РФ от 28.06.2012 № 1253-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Супруна Михаила Николаевича на нарушение его конституционных прав статьей 137 Уголовного кодекса Российской Федерации».

59. Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1239-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бойцова Павла Вячеславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 163 Уголовного кодекса Российской Федерации» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision408901.pdf> (дата обращения: 29.05.2025).

60. Определение Конституционного Суда РФ от 28.05.2020 № 1319-О-Р/2020 об отказе в принятии к рассмотрению ходатайства гражданина Бойцова Павла Вячеславовича о разъяснении Определения Конституционного Суда Российской

Федерации от 29 мая 2019 года № 1239-О. // URL:
<https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision474670.pdf> (дата обращения: 29.05.2025).

61. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 25.06.2024 № 1500-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Никурашина Александра Владимировича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 183 Уголовного кодекса Российской Федерации, частями 1, 2 и 5 статьи 10 Федерального закона «О коммерческой тайне» // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision769060.pdf> (дата обращения: 01.04.2025).

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2005. № 4.

63. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2010 № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации "О средствах массовой информации"» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 8.

64. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021, с изм. и доп.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

65. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Российская газета. 12.12.2014. № 284.

66. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

67. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2015 № 56 «О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Российская газета. № 294. 28.12.2015.

68. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139,

144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2.

69. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.12.2020 № 43 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных статьями 324 – 327.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». // Российская газета. № 296. 30.12.2020.

70. Постановление Пленума ВС РФ от 15.12.2022 № 37 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть "Интернет"» // Российская газета. № 294. 28.12.2022.

71. Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 09.08.2017 № 51-АПГ17-13.

72. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 12.04.2023 № 26-КАД23-1-К5.

73. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 01.10.2024 по делу № 31-УД24-8-К6.

74. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 08.12.2015 № 5-КГ15-164 // Обзор судебной практики по делам, связанным с защитой прав потребителей финансовых услуг, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.09.2017.

75. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории РФ новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2, утв. Президиумом ВС РФ 30.04.2020 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 6.

76. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.03.2021 № 77-566/2021.

77. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 02.11.2023 № 77-3297/2023.

78. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.07.2024 № 77-1624/2024.
79. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 14.05.2021 по делу № 77-666/2021.
80. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 16.12.2021 по делу № 77-2286/2021.
81. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 05.04.2022 по делу № 77-1029/2022.
82. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.01.2023 № 77-52/2023.
83. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.09.2022 № 88А-7727/2022.
84. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 04.04.2024 № 77-351/2024.
85. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 11.08.2022 по делу № 77-3280/2022.
86. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 08.08.2024 по делу № 77-2030/2024.
87. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 25.01.2024 по делу № 77-147/2024.
88. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 30.01.2024 по делу № 77-246/2024.
89. Кассационное постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 № 77-77/2025.
90. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 по делу № 77-2971/2024.
91. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13.03.2025 по делу № 77-856/2025.
92. Кассационное постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.07.2025 № 77-1982/2025.

93. Кассационное постановление Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 28.11.2024 № 77-2556/2024.
94. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.11.2023 № 16-7173/2023.
95. Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15.04.2024 № 16-2227/2024.
96. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 17.03.2025 № 09АП-5110/2025 по делу № А40-200777/2024.
97. Постановление Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.02.2023 № 16-49/2023.
98. Постановление Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.04.2022 № 77-1896/2022.
99. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2024 № 16-2695/2024.
100. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.12.2024 № 16-4987/2024.
101. Постановление Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.03.2025 № 16-1048/2025.
102. Постановление Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 16.10.2020 № 16-894/2020.
103. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 № 77-2990/2024.
104. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 24.10.2023 № 88-20844/2023.
105. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 11.11.2021 № 77-4361/2021.
106. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 25.11.2021 № 77-4727/2021.
107. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 26.01.2022 по делу № 88-3239/2022, 2-11/2020.

108. Определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 07.04.2022 по делу № 88–2373/2022.
109. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 12.05.2020 № 77-489/2020.
110. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 16.04.2021 № 77-1567/2021.
111. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 06.09.2022 № 77-4083/2022.
112. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 29.07.2025 № 77-2006/2025.
113. Апелляционное определение Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 17.06.2024 по делу № 55-7/2024.
114. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 09 августа 2024 г. по делу № 22-927/2024.
115. Апелляционное определение Верховного суда Удмуртской Республики от 4 декабря 2014 г. по делу № 22-3288/14.
116. Апелляционное определение Владимирского областного суда от 11.05.2016 по делу № 22-1036/2016.
117. Апелляционное определение Волгоградского областного суда от 14.03.2013 № 22-1204/2013.
118. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 12.12.2024 по делу № 22-1604/2024.
119. Апелляционное определение Курского областного суда от 05.07.2022 по делу № 33-2106/2022.
120. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.08.2013 по делу № 11-27507.
121. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.10.2014 по делу № 33-25191.
122. Апелляционное определение Московского городского суда от 23 ноября 2023 г. по делу № 10-21881/2023.

123. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 14.01.2022 по делу № 22-7540/2021.
124. Апелляционное постановление Бабушкинского районного суда города Москвы от 16.10.2018 по делу № 10-35/2018.
125. Апелляционное постановление Балахнинского городского суда Нижегородской области от 30.08.2019 № 10-12/2019.
126. Апелляционное постановление Бондарского районного суда Тамбовской области от 28.02.2024 по делу № 10-1/2024.
127. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Башкортостан от 18 сентября 2023 г. по делу № 22-5227/2023.
128. Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 01.08.2017 по делу № 22-1406/2017.
129. Апелляционное постановление Курганского областного суда от 14.12.2017 по делу № 22-2363/2017.
130. Апелляционное постановление Московского городского суда от 25.11.2013 по делу № 10-11502/2013.
131. Апелляционное постановление Новосибирского областного суда от 20.11.2015 № 22-9163/2015.
132. Апелляционное постановление Ростовского областного суда от 23 апреля 2024 г. по делу № 22-2062/2024.
133. Апелляционное постановление Тульского областного суда от 3 августа 2015 г. по делу № 22-1439/2015.
134. Апелляционное постановление Феодосийского городского суда Республики Крым от 12.11.2018 по делу № 10-25/2018.
135. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 14.03.2025 по делу № 10-1175/2025.
136. Определение Заельцовского районного суда города Новосибирска от 18.09.2015 по делу № 2-2476/2015.
137. Определение Московского городского суда от 29.08.2016 № 4г-9594/2016.
138. Определение Санкт-Петербургского городского суда от 10.05.2011 № 6680.

139. Постановление 35 гарнизонного военного суда от 27.06.2019 № 1-29/2019.
140. Постановление Анжеро-Судженского городского суда Кемеровской области от 19.01.2024 по делу № 1-129/2024 (1-624/2023).
141. Постановление Бикинского городского суда (Хабаровский край) от 06.07.2020 г. по делу № 5-191/2020.
142. Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 17.08.2022 № 08АП-7900/2022 по делу № А75-16936/2021.
143. Постановление Городецкого городского суда Нижегородской области от 28.03.2025 № 1-66/2025.
144. Постановление Октябрьского районного суда города Саранска от 05.03.2020 по делу № 1-86/2020.
145. Постановление Первомайского районного суда города Мурманска от 09.02.2024 № 5-14/2024.
146. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 23.11.2010 № 07АП-8979/10 по делу № А45-9031/2010.
147. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 06.07.2010 по делу № А65-25917/2009.
148. Постановление Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 29.11.2011 по делу № А65-31/2011.
149. Постановление Энгельсского районного суда Саратовской области от 03.04.2025 по делу № 1-1-335/2025.
150. Приговор Авиастроительного районного суда г. Казани Республики Татарстан от 27.05.2019 по делу № 1-129/2019.
151. Приговор Барнаульского гарнизонного военного суда от 13.01.2025 № 1-12/2025.
152. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 05 июля 2023 г. по делу № 01-0308/2023.
153. Приговор Басманного районного суда г. Москвы от 22 апреля 2024 г. по делу № 01-0212/2024.

154. Приговор Бежецкого городского суда Тверской области от 21.02.2023 по делу № 1-6/2023.
155. Приговор Бежицкого районного суда города Брянска от 12.02.2025 по делу № 1-67/2025.
156. Приговор Биробиджанского районного суда Еврейской автономной области от 24.06.2025 № 1-353/2025.
157. Приговор Братского городского суда Иркутской области от 07 июля 2023 г. по делу № 1-294/2023.
158. Приговор Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 18 июля 2019 г. по делу № 1(1)-149/2019.
159. Приговор Валдайского районного суда Новгородской области от 21.12.2023 по делу № 1-181/2023.
160. Приговор Вологодского городского суда Вологодской области от 17.11.2016 по делу № 1-914/2016.
161. Приговор Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 08.06.2018 по делу № 1-188/2018.
162. Приговор Вохомского районного суда Костромской области от 15.10.2015 по делу № 1-43/2015.
163. Приговор Гагаринского районного суда города Севастополя от 21.12.2016 № 1-183/2016.
164. Приговор Замоскворецкого районного суда города Москвы от 29.09.2021 № 01-0449/2021.
165. Приговор Зилаирского районного суда Республики Башкортостан от 29 апреля 2010 г. № 10-2/2010.
166. Приговор Измайловского районного суда города Москвы от 28.02.2022 № 01 0148/2022.
167. Приговор Индустриального районного суда города Хабаровска от 28.12.2017 по делу № 1-775/2017.
168. Приговор Истринского городского суда Московской области от 22.09.2022 № 1-327/2022.

169. Приговор Калужского районного суда Калужской области от 08.05.2024 по делу № 1-409/2024.
170. Приговор Кировского районного суда города Курска от 19.06.2014 по делу № 1-79/2014.
171. Приговор Кировского районного суда Приморского края от 20.12.2019 по делу № 1-2/2019.
172. Приговор Куйбышевского районного суда города Санкт-Петербурга от 12.03.2021 по делу № 1-154/2021.
173. Приговор Кунцевского районного суда города Москвы от 03.05.2017 по делу № 01-0180/2017.
174. Приговор Ленинского районного суда города Омска от 27.08.2012 № 1-563/2012.
175. Приговор Ленинского районного суда города Омска от 20.03.2020 № 1-57/2020 (1-888/2019).
176. Приговор Ленинского районного суда города Ростова-на-Дону от 24.09.2020 № 1-328/2020.
177. Приговор Ленинского районного суда города Ульяновска от 16.08.2013 по делу № 1-216/13.
178. Приговор Лопатинского районного суда Пензенской области от 24.09.2018 по делу № 1-53/2018.
179. Приговор Меленковского районного суда Владимирской области от 28.05.2021 по делу № 1-45/2021.
180. Приговор Мотовилихинского районного суда города Перми от 16.05.2019 по делу № 1-240/2019.
181. Приговор Никулинского районного суда города Москвы от 09.12.2022 № 01-0627/2022.
182. Приговор Октябрьского районного суда г. Пензы Пензенской области от 25 июля 2022 г. по делу № 1-314/2022.
183. Приговор Первомайского районного суда города Пензы от 09.08.2018 по делу № 1-140/2018.

184. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 17.05.2024 по делу № 1-420/2024.
185. Приговор Петропавловск-Камчатского городского суда Камчатского края от 16 сентября 2024 г. по делу № 1-726/2024.
186. Приговор Подольского городского суда Московской области от 13.02.2023 по делу № 1-39/2023.
187. Приговор Пожарского районного суда Приморского края от 13.12.2023 по делу № 1-167/2023.
188. Приговор Преображенского районного суда города Москвы от 20.07.2020 по делу № 1-214/2020.
189. Приговор Пресненского районного суда города Москвы от 16.09.2021 № 01-0460/2021.
190. Приговор Пролетарского районного суда города Тулы от 16.10.2017 № 1-144/2017.
191. Приговор Реутовского гарнизонного военного суда от 08.02.2024 № 1-34/2024.
192. Приговор Скопинского районного суда Рязанской области от 18.06.2025 № 1-63/2025.
193. Приговор Советского районного суда города Самары от 29.09.2023 № 1-252/2023.
194. Приговор Советского районного суда Республики Крым от 30.07.2019 по делу № 1-56/2019.
195. Приговор Сокольского районного суда Вологодской области от 17.12.2021 по делу № 1-133/2021.
196. Приговор Сосновоборского городского суда Красноярского края от 5 апреля 2024 г. по делу № 1-57/2024.
197. Приговор Сыктывкарского городского суда Республики Коми от 13.02.2024 по делу № 1-34/2024.
198. Приговор Тобольского городского суда Тюменской области от 10.12.2024 по делу № 1-450/2024.

199. Приговор Торжокского городского суда Тверской области от 21.05.2019 по делу № 1-107/2019.
200. Приговор Тракторозаводского районного суда г. Челябинска Челябинской области от 16 июля 2024 г. по делу № 1-529/2024.
201. Приговор Центрального районного суда города Красноярска от 25.06.2025 № 1-238/2025.
202. Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 02.06.2015 г. по делу № 1-97/2015.
203. Приговор Центрального районного суда г. Тулы от 14.11.2018 по делу № 1-218/2018.
204. Приговор Черемушкинского районного суда города Москвы от 08.09.2014 № 1-449/14.
205. Приговор Элистинского городского суда Республики Калмыкия от 17.06.2021 по делу № 1-305/2021.
206. Приговор Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) от 26 июня 2024 г. по делу № 1-968/2024.
207. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского автономного округа - Югры от 24.05.2022 по делу № А75-16936/2021.
208. Решение Губкинского городского суда Белгородской области от 11 февраля 2025 г. по делу № 2-271/2025.
209. Решение Ленинградского районного суда города Калининграда от 03.03.2020 по делу № 2а-1399/2020.
210. Решение Ленинского районного суда города Ульяновска от 14.02.2012 по делу № 2-484/2012.
211. Решение Московского городского суда от 03.10.2023 по делу № 7-21891/2023.
212. Решение Савеловского районного суда г. Москвы от 6 ноября 2019 г. по делу № 2а-577/19.
213. Решение Центрального районного суда города Читы от 01.03.2021 по делу № 12-342/2021.

214. Обзор Кемеровского областного суда от 23.06.2005 № 01-19/320 «Обзор судебной практики по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159, 160, 165, 242, 327 УК РФ» // СПС «КонсультантПлюс».
215. Решение Конституционного Суда Республики Беларусь от 30.10.2018 № Р-1145/2018 «О правовом регулировании в гражданском законодательстве использования и охраны изображения гражданина» // Официальный интернет-портал Конституционного Суда Республики Беларусь. URL: www.kc.gov.by/document-51233 (дата обращения: 15.10.2025).
216. Cox Broadcasting Corp. v. Cohn, 420 U.S. 469.
217. Egeland and Hanseid v. Norway, ECHR, No. 34438/04, 16.04.2009.
218. Porubova v. Russia, ECHR, No. 8237/03б 08.10.2009.
219. STS sala 1a, 17-6-2004, 608/2004, Recurso casacion 1754/2000.
220. STS 223/2021, 21.01.2021.
221. STSJ CLM 2048/2022, 11.07.2022.

Монографии, учебники, учебные пособия, комментарии, энциклопедии, словари

222. Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М., 1989.
223. Анатомия и физиология человека: Большой атлас. Справочное издание / пер. с испан. М., 2007.
224. Антонян Ю.М. Преступная секс-индустрия (проституция, порнография, преступность): монография. М., 2024.
225. Арямов А.А., Пономаренко В.С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М., 2010.
226. Асланян Р.Г. Информация как предмет и средство совершения преступлений в сфере экономической деятельности: монография. М., 2019.
227. Баринов С.В. Преступные нарушения неприкосновенности частной жизни: особенности выявления и расследования: учебное пособие. Ульяновск, 2016.

228. Букалерова Л.А. Уголовно-правовая охрана официального информационного оборота / под ред. докт. юрид. наук, проф. В.С. Комиссарова, докт. юрид. наук Н.И. Пикурова. М., 2006.
229. Бикмурзин М.П. Предмет преступления: теоретико-правовой анализ. М., 2006.
230. Булгаков В.Г. Методические основы криминалистической идентификации и диагностики человека по его динамическим признакам: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. А.М. Зинина. М., 2014.
231. Винокуров В.Н. Объект преступления: правотворческие и правоприменительные аспекты: монография. М., 2015.
232. Глобальный атлас регулирования искусственного интеллекта. Вектор БРИКС / Васин Е.О., Гвоздырева А.Д., Дейнека А.П. и др. Под ред. А.В. Незнамова. 3-е изд., перераб. и доп. // СПС «КонсультантПлюс». 2024.
233. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Набр. и напеч. со 2-го изд. 1880-1882 гг., испр. и значит. умнож. по рукописи автора. Том второй. М., 1978.
234. Диваева И.Р. Нарушение неприкосновенности частной жизни: проблемы квалификации и совершенствования законодательства: монография. Уфа, 2017.
235. Дурманов Н.Д. Советское уголовное право. Учебное пособие для правовых школ. М., 1938.
236. Жижиленко А.А. Преступления против личности. Москва, Ленинград, 1927.
237. Завадский А.В. О праве на собственное изображение (по поводу пар. 50 Проекта министра юстиции об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения). Доклад Юридическому Обществу при Императорском Казанском Университете 14 марта 1909 года. Казань, 1909.
238. Законы о печати: собрание действующих законодательных постановлений о печати, разъясненных по решениям кассационных департаментов Правительствующего сената и циркулярам министра внутренних дел: С прил. сист. и алф. указ. СПб.: Тип. Ю. А. Бокрам, 1873.

239. Кадников Б.Н. Уголовно-правовая охрана неприкосновенности частной жизни: Научно-практическое пособие / Под ред. Н.Г. Кадникова. М., 2011.
240. Кейснер, Г. Право на свое изображение. Перевод с немецкого. Вильна, 1897.
241. Кибальник А.Г., Клочков В.Н., Соломоненко И.Г. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни: монография. Ставрополь, 2005.
242. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 2: Особенная часть. Разделы VII–VIII.
243. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М., 2017. Т. 4: Особенная часть. Разделы X–XII.
244. Комментарий к Уголовному кодексу РФ (постатейный) / под ред. Г.А. Есакова. 11-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
245. Кон И.С. Сексология. Учебное пособие. М., 2004.
246. Коржанский Н.И. Объект посягательства и квалификация преступлений: учебное пособие. Волгоград, 1976.
247. Коржанский Н.И. Предмет преступления (понятие, виды и значение для квалификации): учебное пособие. Волгоград, 1976.
248. Красавчикова Л.О. Личная жизнь граждан под охраной закона. М., 1983.
249. Красиков А.Н. Уголовно-правовая охрана политических, гражданских и иных конституционных прав и свобод человека и гражданина в России. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2000.
250. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999.
251. Кудрявцев В.Н. Состав преступления. Лекция 1. Понятие и значение состава преступления. Объект преступления. М., 1957.
252. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Научная редакция и предисловие академика В.Н. Кудрявцева. М., 2007.

253. Куликов В.Н. Юридическая теория порнографии. М., 2012.
254. Курманов А.С. Объекты преступлений против конституционных прав и свобод человека и гражданина: учебное пособие. Уфа, 2019.
255. Курс уголовного права. Общая часть. Т. 1: Учение о преступлении. Учебник для вузов / под ред. д.ю.н., проф. Н.Ф. Кузнецовой и к.ю.н., доцента И.М. Тяжковой. М., 1999.
256. Курс уголовного права И.Я. Фойницкого, ординарного профессора С-Петербургского факультета. Часть особенная. Посягательства на личность и имущество. Изд. 2, пересмотренное. СПб., 1893.
257. Лекции по русскому уголовному праву, читанные заслуженным профессором Н.С. Таганцевым. Часть особенная. Санкт-Петербург, 1894.
258. Малеина М.Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М., 2001.
259. Марогулова И.Л. Защита чести и достоинства личности. М., 1998.
260. Никифоров Б.С. Объект преступления. М., 1960.
261. Новиков В.А. Уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища. Монография. М., 2012.
262. Нуркаева Т.Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: Монография. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2017.
263. Ожегов С. И. Словарь русского языка. Изд. 16-е, испр. Под ред. д.ф.н., проф. Н.Ю. Шведовой. М., 1984.
264. Папеева К.О. Институт медицинской тайны как объект уголовно-правовой охраны: монография. Нижний Новгород, 2007.
265. Паршин С.М. Тайна в уголовном законодательстве (теоретико-прикладное исследование). Монография. Нижний Новгород, 2008.
266. Пикуров Н. И. Частная жизнь и уголовное право: поиск баланса интересов государства и личности: монография. М., 2025.
267. Правовые режимы информации в эпоху больших данных: сравнительно-правовое исследование / науч. ред. Н.А. Дмитрика. М., 2021.

268. Привес М.Г., Лысенков Н.К., Бушкович В.И. Анатомия человека. Изд. 9-е, перераб. и доп. / Под ред. М.Г. Привеса. М., 1985.
269. Пудовочкин Ю.Е. Учение о составе преступления. Учебное пособие. М., 2009.
270. Рейнгардт Н.В. О диффамации. Казань, 1901.
271. Романовский Г.Б. Право на неприкосновенность частной жизни. М., 2001.
272. Руководство Особенной части русского уголовного права. Изд. по лекциям, читанным в Военно-Юридической Академии Профессором Уголовного Права Доктором Права Н.А. Неклюдовым. Санкт-Петербург, 1887.
273. Савельев А.И. Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». 2-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
274. Самойлов Н.Н. Анатомия, физиология и патология репродуктивной системы. Брянск, 2008.
275. Серебренникова А.В. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина по Уголовному кодексу Российской Федерации и законодательству Германии: сравнительно-правовой анализ: Монография. М., 2016.
276. Советское уголовное право. Часть особенная / Вышинская З.А., Исаев М.М., Пионтковский А.А. и др. Под общ. ред. А.А. Герцензона и З.А. Вышинской. М., 1951.
277. Татаринов В.Г. Учебник анатомии и физиологии человека. М., 1954.
278. Таций В.Я. Объект и предмет преступления в советском уголовном праве. Харьков, 1988.
279. Толкаченко А.А. Теоретические основы квалификации преступлений. М., 2004.
280. Филиппов П.А. Преступления против здоровья населения и общественной нравственности: монография. М., 2022.
281. Флейшиц Е.А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран. М., 1941.

282. Чередниченко Е.Е. Клевета и оскорблениe: уголовно-правовой анализ (проблемы теории и практики): монография. М., 2010.
283. Энциклопедия уголовного права. Т. 4. Состав преступления. Изд. профессора Малинина. СПб., 2005.
284. Энциклопедия уголовного права. Т. 16. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина. Изд. профессора Малинина. СПб., 2011.
285. Caballero Gea J.-A. Derecho al Honor, a la Intimidad Personal y Familiar y a la Propia Imagen Derecho de Rectificación Calumnia e Injuria. Síntesis y Ordenación de la Doctrina de los Tribunales y Fiscalía General del Estado. Segunda edición, ampliada, reformada y puesta al día. Madrid: Dykinson, 2007.
286. Delitos. La parte especial del Derecho penal. 7ª edición / Lamarca Pérez C., Alonso de Escamilla A., Mestre Delgado E. et al. Madrid, 2022.
287. Dworkin A. Pornography: Men Possessing Women. New York, 1989.
288. Eckert L.M. Free Speech and the Pornography Debate. A Gender-Based Approach to Regulating Inegalitarian Pornography. Lexington Books, 2020.
289. Goldstein Michael J., Kant Harold S. with Hartman John J. Pornography and Sexual Deviance. A Report of the Legal and Behavioral Institute. Beverly Hills, California. California, 1974.
290. Leach M. I know it when I see it. Pornography, Violence, and Public Sensitivity. Philadelphia, 1975.
291. Lecciones de Derecho Penal. Parte Especial / Ed. by Jesús-María Silva Sánchez. Octava edición, adaptada a la Ley Orgánica 14/2022. Barcelona: Atelier, 2023.
292. Privacy and the Criminal Law / ed. by Erik Claes, Antony Duff, Serge Gutwirth. Oxford: Intersentia, 2006.
293. Schermer B., van der Hof S., Georgieva I., Koops B.-J. Legal Aspects of Sweetie 2.0 // S. van der Hof et al. (eds.), Sweetie 2.0. Information Technology and Law Series 31. The Hague, 2019. https://doi.org/10.1007/978-94-6265-288-0_1.
294. Solove D.J. The Digital Person. Technology and Privacy in the Information Age. New York, 2004.

295. Vacca J.R. Biometric Technologies and Verification Systems. Elsevier, 2007.

Диссертации и авторефераты диссертаций

296. Балашкина И.В. Право на неприкосновенность частной жизни в Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: дис. ... к.ю.н. М., 2007.
297. Глинка В.И. Правовой режим муниципального имущества. Автореф. ... к.ю.н. М., 2011.
298. Григорян П.А. Международно-правовой режим авиационной безопасности. Автореф. ... к.ю.н. М., 2018.
299. Ефремова М.А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. Дис. ... д.ю.н. М., 2017.
300. Зазирная М.М. Преступления в сфере оборота порнографических материалов и предметов. Дис. ... к.ю.н. М., 2016.
301. Николаева А.А. Изображение гражданина: проблемы правового регулирования, использования, охраны и защиты. Дис. ... к.ю.н. М., 2014.
302. Осокин Р.Б. Теоретико-правовые основы уголовной ответственности за преступления против общественной нравственности. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2014.
303. Пучков Д.В. Уголовно-правовая модель защиты телекоммуникаций от преступных посягательств: проблемы теории и практики. Дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2022.
304. Радостева Ю.В. Уголовно-правовое понятие насилия. Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2006.
305. Русскевич Е.А. Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и проблемы их квалификации. Дис. ... д.ю.н. М., 2020.
306. Спиридонова О.Е. Символ как предмет преступления. Дис. ... к.ю.н. Ярославль, 2002.
307. Тараненко А.С. Общественная оценка человека как объект уголовной-правовой охраны. Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2015.
308. Терещенко Л.К. Правовой режим информации. Дис. ... д.ю.н. М., 2011.

309. Хохлова Е.В. Незаконные действия с персональными данными: уголовно-правовое исследование. Дис. ... к.ю.н. Белгород, 2023.
310. Худаде А.Х. Уголовно-правовая характеристика нарушения неприкосновенности частной жизни. Дис. ... к.ю.н. Кисловодск, 2015.
311. Цадыкова Э.А. Конституционное право на неприкосновенность частной жизни (сравнительно-правовое исследование). Дис. на соискание уч. ст. к. ю. н. М., 2007.
312. Царикаева Ж.М. Конституционно-правовой режим права собственности в Российской Федерации. Автореф. ... к.ю.н. М., 2007.
313. Чупрова А.Ю. Уголовно-правовые механизмы регулирования отношений в сфере электронной коммерции. Дис. ... д.ю.н. М., 2015.
314. Шарапов Р.Д. Насилие в уголовном праве (понятие, квалификация, совершенствование механизма уголовно-правового предупреждения). Дис. ... д.ю.н. Екатеринбург, 2006.
315. Яшков С.А. Информация как предмет преступления. Дис. ... к.ю.н. Екатеринбург, 2005.
316. Goudsmit Samaritter M. The wrongness of image-based sexual abuse. PhD Thesis. University of Oxford, 2022.

Научные статьи

317. Айзикова И.А., Воробьева Т.Л. Восприятие изобразительного текста: проблематизация, актуализация, новые методологические подходы // Текст. Книга. Книгоиздание. 2022. № 30. С. 37–57.
318. Алексеева Т.С. Интимные изображения человека как предмет нарушения неприкосновенности частной жизни // Уголовное право. 2023. № 4. С. 3–13.
319. Алексеева Т.С. Квалификация вебкама как демонстрации порнографии в прямом эфире в контексте обратной силы уголовного закона // Уголовное право. 2025. № 4. С. 3–15.
320. Алексеева Т.С. Ложная информация в уголовном праве: категории заведомой ложности и недостоверности // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12 (169). С. 120–131.

321. Алексеева Т.С. Нарушение неприкосновенности жилища как посягательство на неприкосновенность частной жизни // Актуальные проблемы уголовного права и правоприменения. Сборник работ студентов и аспирантов. Вып. 3 / Под общ. ред. проф., д.ю.н. Н.Е. Крыловой. М., 2023. С. 27–34.
322. Алексеева Т.С. Научная обоснованность признака «в отношении нескольких лиц» в составе клеветы // Научная обоснованность в уголовном, уголовно-исполнительном праве и криминологии: материалы международной конференции, посвященной 70-летию со дня рождения В.С. Комиссарова / под ред. П.А. Филиппова, В.И. Селиверстова, П.С. Яни, М.А. Филатовой, П.П. Степанова, Т.С. Алексеевой. М., 2024. С. 125–132.
323. Алексеева Т.С. Понятия личной и семейной тайны как признаки нарушения неприкосновенности частной жизни // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 6. С. 65–70.
324. Алексеева Т.С. Тайна переписки, переговоров, сообщений как объект уголовно-правовой охраны // Российская юстиция. 2023. № 11. С. 71–78.
325. Алихаджиева И.С. О новых тенденциях современной секс-индустрии и ее криминологических рисках // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 4 (125).
326. Алихаджиева И.С. Частная жизнь, личная тайна или персональные данные: как толковать правопримениителю информацию о личности? // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2014. Т. 14. № 2. С. 91–106.
327. Аниськина Э., Муллахметова Н. Проблемы квалификации клеветы // Уголовное право. 2020. № 5. С. 6–12.
328. Афанасьев С.Д., Терещенко И.А., Яцкевич Д.А. Биометрическая идентификация и права человека: демаркационная линия // Закон. 2022. № 3.
329. Балыкина Е.Б. К вопросу об охране изображения гражданина // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 3. С. 27–33.

330. Баринов С.В. О криминализации преступного нарушения неприкосновенности частной жизни, совершающегося в форме распространения баз персональных данных // Российский следователь. 2017. № 4. С. 35–38.
331. Барышева К.А. Уголовно-правовая защита частной жизни в России и за рубежом // Закон. 2017. № 12. С. 151–162.
332. Беляева К.К. Распоряжение правом на изображение в Российской Федерации и за рубежом // Вестник гражданского права. 2019. № 2. С. 27–60.
333. Бимбинов А.А. Развратные действия: контактные и бесконтактные формы // Уголовное право. 2015. № 2. С. 4–9.
334. Бимбинов А.А., Воронин В.Н. Уголовная ответственность за нарушение права на свободу совести и вероисповеданий по законодательству России и Германии // Lex Russica. 2017. № 11 (132). С. 111–122.
335. Богустов А.А. Право лица на изображение в законодательстве государств Евразийского региона: сравнительно-правовой анализ // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2023. № 1 (50). С. 274–285.
336. Болдырев С.Н. Типология как прием юридической техники // Философия права. 2014. № 3 (64). С. 37–40.
337. Борков В.Н. Закономерности формирования и дисбаланс системы уголовно-правовых запретов на совершение должностных преступлений // Административное и муниципальное право. 2008. № 3.
338. Бриллиантов А.В., Яни П.С. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6.
339. Букалерова Л.А., Остроушко А.В. Информация, содержащая фотографии (изображения) человека, нуждается в уголовно-правовой защите // Правовые вопросы связи. 2007. № 1.
340. Бушков Д.В. Право на тайну личной корреспонденции как объект уголовно-правовой охраны // Общество и право. 2004. № 2 (4). С. 48–52.
341. Винокуров В.Н., Федорова Е.А. Пределы действия нормы, предусмотренной статьей 272 Уголовного кодекса РФ // Российский юридический журнал. 2021. № 4. С. 73–82.

342. Воеводина Л.Н. Визуальный поворот и новые культурные практики // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2023. № 3 (113). С. 97–103.
343. Возняк А.М. К вопросу об уголовной ответственности за апскертинг как новую форму негативного воздействия на психосексуальное благополучие граждан в России и за рубежом // Пролог: журнал о праве. 2024. № 2. С. 92–103.
344. Гаврилов Э.П. Защита внешнего облика и охрана изображения гражданина // Хозяйство и право. 2015. № 10. С. 13–25.
345. Гайфутдинов Р.Р. Уголовно-правовая характеристика посягательств на персональные данные, обрабатываемые в автоматизированных системах // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2014. Том 156. Кн. 4. С. 158–164.
346. Гивель Л.Е. Границы межотраслевого взаимодействия: гражданское и уголовное право // Гражданское право. 2022. № 4. С. 36-39.
347. Гордейчик С.А. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации // Российская юстиция. 2020. № 6.
348. Грачева Ю.В., Маликов С.В. Треш-стрим: социальная обусловленность криминализации // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 6. С. 202–210.
349. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Предупреждение девиаций в цифровом мире уголовно-правовыми средствами // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 188–210.
350. Гребеньков А.А. Понятие информационных преступлений, место в уголовном законодательстве России и место признаков информации в структуре их состава // Lex Russica. 2018. № 4 (137), апрель. С. 108–120.
351. Ермолович Я.Н. Новое обстоятельство, отягчающее наказание, в уголовном законодательстве России (научно-практический комментарий к Федеральному закону «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 8 августа 2024 года № 218-ФЗ) // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. 2025. № 1. С. 72–73.

352. Ефремова М.А., Бурганов Р.С. Квалификация преступлений, связанных с использованием баз данных сотрудниками правоохранительных и судебных органов // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 3 (61). С. 97–115.
353. Зазирная М.М. Квалификация распространения порнографических видеоматериалов в режиме реального времени с использованием сети Интернет // Уголовное право. 2015. № 6.
354. Зайцева О.В., Катышев П.А. Порноместь: к проблеме лингвистического анализа материалов порнографического содержания // Юрислингвистика. 2023. № 30. С. 70–77.
355. Зубцов А.А., Бесерра Е.О. Уголовно-правовая охрана банковской тайны: анализ отечественной судебной практики // Уголовное право. 2020. № 5. С. 51–63.
356. Иванов Н. Г. Объективная сторона распространения ложной информации // Уголовное право. 2020. № 5.
357. Иванова А.А., Холопова Е.Н. Актуальные проблемы использования специальных знаний при оценке материалов и предметов порнографического характера // Эксперт-криминалист. 2011. № 2. С. 8–9.
358. Ильин Н.Н. Судебно-искусствоведческая экспертиза при расследовании изготовления и оборота материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних // Российский следователь. 2020. № 10. С. 3–7.
359. Изотова А.Н. Трансформация круга субъектов связи: влияние цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 3. С. 40–52.
360. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103.
361. Капитонова Е.А. Шантаж «нюдсами» и смежные деяния: проблемы уголовно-правовой квалификации // Уголовное право. 2021. № 6.
362. Капинус О.С., Додонов В.Н. Ответственность за порнографию в современном уголовном праве // Право и политика. 2006. № 12.

363. Карабанова Е.Н. Квалификация многообъектного преступления, совершенного посредством преступления-способа // Законность. 2017. № 12. С. 28–32.
364. Кибальник А.Г. Уголовно-правовая реакция на коронавирусную пандемию // Законность. 2020. № 5. С. 41–44.
365. Кибальник А.Г., Амвросов О.П. Квалификация преступлений против личных прав и свобод человека в новом Постановлении Пленума Верховного Суда // Уголовное право. 2019. № 3. С. 32–36.
366. Клейменов М.П., Мартышева О.М. Искусство как объект преступных посягательств // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2011. № 2 (27). С. 139–147.
367. Кондрашова Т.В. Развратные и иные действия сексуального характера: понятие и соотношение // Российский юридический журнал. 2020. № 1. С. 72–81.
368. Костылева О.В. Признак публичности призывов к осуществлению террористической деятельности и оправдания терроризма (ст. 205² УК РФ) в сравнительно-правовом контексте // Уголовное право. 2023. № 10. С. 44–60.
369. Креховец А.В., Никифорова А.А. Правовой эксперимент отечественного законодателя в регламентации ответственности за проведение треш-стримеров // Полицейская и следственная деятельность. 2024. № 4.
370. Кудашкин Д.А. Кибербезопасность и правовая защита информации от угроз искусственного интеллекта // Юрист. 2025. № 3. С. 38–41.
371. Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Вебкам-индустрия – новая угроза общественной нравственности // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 7.
372. Куфлева В.Н., Литовченко А.И. Новеллы квалификации вебкам-контента как публично распространяемой порнографии // Теория и практика общественного развития. 2023. № 3.
373. Лескина Э.И. Доктринальные аспекты правовых режимов данных в условиях развития технологий больших данных // Журнал российского права. 2024. № 7. С. 122–136.

374. Макаров А.В., Жукова М.В. Актуальные проблемы уголовной ответственности за изготовление с целью распространения порнографических материалов с изображением несовершеннолетних // Российский следователь. 2017. № 15. С. 43-47.
375. Малеина М.Н. Право человека на индивидуальный голос и его защита // Юрист. 2015. № 3. С. 17–22.
376. Мельникова Е.Н. Наднациональное правовое регулирование искусственного интеллекта как инструмент распределения ответственности за причиненный вред (опыт Евросоюза) // Российский юридический журнал. 2024. № 2. С. 38–54.
377. Микрюков В.А. О дифференциированном согласии гражданина на обнародование и использование его собственного изображения // Право и экономика. 2013. № 2. С. 47–51.
378. Миллерова Е.А. О некоторых проблемах квалификации развратных действий, сопряженных с изготовлением и распространением порнографических материалов // Уголовное право. 2015. № 2. С. 36-39.
379. Минюшева И.Ф. Описание как функционально-смысловой тип речи // Актуальные проблемы социально-гуманитарного и научно-технического знания. 2015. № 2 (5). С. 91–94.
380. Незнамова З.А. Обеспечение информационной безопасности личности средствами уголовного права (преступления против личности) // Криминалистъ. 2019. № 1 (26). С. 34–40.
381. Никишин В.Д., Галышина Е.И. Юридико-лингвистический подход к исследованию поликодовых текстов криминогенной коммуникации в цифровой среде в целях обеспечения информационной (мировоззренческой) безопасности // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 6. С. 179–193.
382. Новиков В. Понятие частной жизни и уголовно-правовая охрана ее неприкосновенности // Уголовное право. 2011. № 1. С. 43–49.
383. Новоспасская Н.В., Дугалич Н.М. Терминосистема теории поликодовых текстов // Русистика. 2022. Т. 20. № 3. С. 298–311.

384. Ображиев К.В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2.
385. Осокин Р.Б., Кокорев В.Г. К вопросу о разграничении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ «Публичные действия, выраждающие явное неуважение к обществу и совершенные в целях оскорбления религиозных чувств верующих» от преступлений экстремистской направленности // Трансформация права и правоохранительной деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского Союза: проблемы законодательства и социальной эффективности. Материалы VI Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов (СГУ им. Н.Г. Чернышевского). Саратов, 2019. С. 241–246.
386. Перина А.С. Проблемные вопросы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 137, 138 УК РФ, совершаемых с использованием компьютерных технологий // Криминалистъ. 2023. № 1 (42). С. 28–34.
387. Першин В.Б., Першина И.В. Классификация и типология: логико-методологический анализ // Вестник Нижегородской правовой академии. 2017. № 14. С. 5–8.
388. Платонова Н.И., Соловьева-Опошнянская А.Ю. Биометрические персональные данные: возможности и проблемы // Юрист. 2019. № 6. С. 63–67.
389. Попов А.Н. О предмете преступления, предусмотренного статьей 272 УК РФ // Криминалистъ. 2008. № 1. С. 5–10.
390. Ровнейко В.В. Вебкам-моделинг: публичная демонстрация порнографических материалов или проституция? // Уголовно-правовая защита традиционных ценностей: материалы межвузовского круглого стола. Екатеринбург, 2023.
391. Россинская Е.Р., Зинин А.М. Комплексная судебная экспертиза изображений внешнего облика человека // Судебно-медицинская экспертиза. 2019. № 2. С. 15–18.

392. Русскевич Е.А. Персональные данные в механизме уголовно-правовой охраны // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2023. № 13 (5). С. 75–86.
393. Рязанов Н.Ю. Способы нарушения тайны связи в уголовном праве России // Российский следователь. 2016. № 9. С. 35–40.
394. Савельев А.И. Гражданко-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60–92.
395. Свиридова Е.А. Правила использования технологий дипфейк в праве США и КНР: адаптация зарубежного опыта правового регулирования // Современное право. 2024. № 3. С. 119–123.
396. Сенцов А.С., Волколупова В.В. Противодействие публичному распространению криминогенной информации (треш-стримам) // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 3 (77).
397. Симонова С.В. Обеспечение достоверности информации в сети Интернет: современные правовые основы и юридическая практика // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11.
398. Синельникова В.Н., Понкин И.В. Облик, образ и изображение гражданина как объекты гражданского права // Закон. 2025. № 8. С. 167–179.
399. Снежко О.А. Обеспечение права на достоверную информацию в цифровом пространстве // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6.
400. Соловьев В.С. Порноместь: сущность явления и проблемы его уголовно-правовой оценки // Уголовное право. 2017. № 6. С. 60–64.
401. Суслопаров А.В. Соответствие норм Уголовного кодекса России принципу единства и определенности терминологии на примере терминов "информация", "сведения", "данные" // Законы России: опыт, анализ, практика. 2017. № 11. С. 94–98.
402. Терских А.И. Уголовный закон в реалиях информационного общества: новости фейковые - наказание реальное // Законность. 2022. № 8. С. 32–37.

403. Устинова Т.Д. Нарушение тайны переписки, телефонных и иных сообщений граждан // Уголовное право. 1998. № 2. С. 6–11.
404. Филатова М.А. (Не)ожидаемая криминализация незаконного оборота персональных данных: вопросов больше, чем ответов // Закон. 2025. С. 147–152.
405. Филиппов П.А. Жестокое обращение с животными: практика применения ст. 245 Уголовного кодекса РФ // Юридическая наука. 2019. № 12. С. 92–98.
406. Хилтунов Н.Н. Проблемы квалификации преступлений, предусмотренных ст. 242 УК РФ // Законность. 2024. № 6.
407. Ходырева Е.А. Право на изображение гражданина: проблемы осуществления // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. Т. 18. № 2. С. 164–189.
408. Хохлова Е.В. К вопросу о защите изображения человека как персональных данных (на основе судебной практики по ст. 137 УК РФ) // Вестник Воронежского института МВД России. 2023. № 1. С. 300–304.
409. Чернышев Д.Б. Охраняемая законом компьютерная информация: содержание и проблемы толкования признаков // Уголовное право. 2023. № 6. С. 62–69.
410. Шамраев А.В. Международные подходы к регулированию виртуальных банков, систем алгоритмической торговли и искусственного интеллекта при совершении финансовых сделок // Банковское право. 2020. № 6. С. 58–72.
411. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом порнографических материалов и предметов // Законность. 2021. № 8. С. 43–48.
412. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Законность. 2024. № 3. С. 33–38.
413. Шишков С.Н., Полубинская С.В. Проблемы установления признаков состава преступления с использованием специальных знаний // Уголовное право. 2018. № 5. С. 114–123.
414. Шутова А.А. Социальная обусловленность существования норм об уголовной ответственности за посягательства на персональные данные // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 4 (32). С. 332–335.

415. Щепельков В.Ф. О квалификации преступлений в сфере компьютерной информации (в свете разъяснений Пленума Верховного Суда РФ) // Уголовное право. 2023. № 6. С. 70–79.
416. Юрков С.А. К вопросу об уголовной ответственности за нарушение свободы совести и вероисповеданий // Администратор суда. 2025. № 1. С. 10–15.
417. Яни П.С. Вопросы квалификации вывоза капиталов // Законность. 2019. № 1.
418. Яни П.С. Вопросы квалификации преступлений // Законность. 2018. № 4. С. 38–42.
419. Яни П.С. Научный центр уголовного права МГУ: помощь правопримениителю // Законность. 2019. № 9. С. 37–41.
420. Яни П.С. Совершение преступления с публичной демонстрацией в средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях // Законность. 2025. № 1. С. 30–34; № 2. С. 33–36.
421. Яни П.С. Фальсификация единых государственных реестров (статья 285³ УК): вопросы квалификации // Законность. 2021. № 8. С. 38–43.
422. Ястребский И.А. Пластическая хирургия: реалии и перспективы законодательного регулирования // Арбитражный и гражданский процесс. 2025. № 5. С. 3–6.
423. Blanke J.M. Criminal Invasion of Privacy: A Survey of Computer Crimes // 41 Jurimetrics J. 2001. Pp. 443–463.
424. Burger R.H. The Meese Report on Pornography and Its Respondents: a Review Article // Library Quaterly. 1987. Vol. 57. No. 4. Pp. 436–447.
425. Chesney B., Citron D. Deep Fakes: A Looming Challenge for Privacy, Democracy, and National Security // California Law Review. 2019. Vol. 107. P. 1753–1820.
426. Ciocan C. Violence and image // Continental Philosophy Review. 2021. № 54. С. 331–348.
427. Citron D.K. Intimate Privacy's Protection Enables Free Speech // Journal of Free Speech Law. 2022. Vol. 2. Issue 1. Pp. 3–16.
428. Citron D.K. Sexual Privacy // The Yale Law Journal. 2019. No. 128. Pp. 1870–1960.

429. Crofts T. Criminalization of Voyeurism and ‘Upskirt Photography’ in Hong Kong: The Need for a Coherent Approach to Image-Based Abuse // The Chinese Journal of Comparative Law. 2020. Vol. 8. No. 3. Pp. 505–537.
430. Crofts T., Lievens E. Sexting and the Law // Sexting: Motives and risk in online sexual self-representation / M. Walrave et al. Palgrave Studies in Cyberpsychology. 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-71882-8>. Pp. 119–136.
431. Cyrek B., Popiołek M. Trash streaming: characteristics and methodological guidelines // Przegląd Kulturoznawczy. 2022. № 3 (53). C. 445–458.
432. Dworkin A. Pornography as a Civil Rights Issue for Women // University of Michigan Journal of Law Reform. 1988. Vol. 21. Issues 1–2. Pp. 55–67.
433. Gál A. The Protection of the Right to Information Self-Determination in the Hungarian Criminal Law // Sözüer, A. (szerk.) Uluslararası Suç ve Ceza Film Festivali "Sanal Dünyada Adalet": Tebliğler. 2022, İstanbul. Pp. 23–40.
434. Jareño Leal Á. El delito de acoso en el ámbito de digital del art. 172ter.5 del Código Penal. Con una referencia especial a los casos de deepfake sexual // Cibercrimen: Tendencias y desafíos actuales / coord. por Marina Minguez Rosique, David Gallego Arribas. 2025. Pp. 33–56.
435. Jarvis Cooper L.M. Sexual Privacy and Persecution // 70 U.C.L.A. Law Review. 2022. Pp. 112–135.
436. Goudsmit Samaritter M. What makes a sex crime? A fair label for image-based sexual abuse // BJU Strafblad. 2021. No. 67. Doi:10.5553/Bsb/266669012021002002005.
437. Hörnle T., Kremnitzer M. Human Dignity as a Protected Interest in Criminal Law // Israel Law Review. 2011. Vol. 44. Pp. 143–167.
438. Koops, Bert-Jaap; Newell, Bryce Clayton; Roberts, Andrew; Skorvanek, Ivan and Galic, Masa. The Reasonableness of Remaining Unobserved: A Comparative Analysis of Visual Surveillance and Voyeurism in Criminal Law // Law & Social Inquiry. 2018, Fall. Volume 43. Issue 4.
439. López Barja de Quiroga J. La intimidad después de la reforma del artículo 197 del Código Penal: la divulgación sin consentimiento de imágenes o grabaciones obtenidas

- con consentimiento // *Estudios de Derecho Penal. Homenaje al profesor Miguel Bajo.* Madrid, 2016. Pp. 1019–1043.
440. McGlynn C. Towards a New Criminal Offence of Intimate Intrusions // *Feminist Legal Studies.* 2024. Vol. 32. Pp. 189–212.
441. McGlynn C., Rackley E. Image-Based Sexual Abuse // *Oxford Journal of Legal Studies.* 2017. Vol. 37. No. 3. Pp. 534–561.
442. Moreham N.A. Beyond Information: Physical Privacy in English Law // *Cambridge Law Journal.* 2014, July. № 73(2).
443. Moreham N.A. Privacy in the Common Law: a Doctrinal and Theoretical Analysis // *The Law Quarterly Review.* 2005, October. Vol. 121.
444. Niknazar P., Bourgault M. Theories for classification vs. classification as theory: Implications of classification and typology for the development of project management theories // *International Journal of Project Management.* 2017. Vol. 35. Issue 2. Pp. 191–203.
445. Pan Z., Yu W., Yi X., Khan A., Yuan F. and Zheng Y. Recent Progress on Generative Adversarial Networks (GANs): A Survey // *IEEE Access.* 2019. Vol. 7. Pp. 36322-36333.
446. Pury A. A Theory of Group Privacy // *Cornell Journal of Law and Public Policy.* 2021. Vol. 30. Pp. 477–538.
447. Rigotti C., McGlynn C. Towards and EU criminal law on violence against women: The ambitions and limitations of the Commission's proposal to criminalise image-based sexual abuse // *New Journal of European Criminal Law.* December 2022. Volume 13. Issue 4. Pp. 452–477.
448. Solove D. A Taxonomy of Privacy // *University of Pennsylvania Review.* Jan. 2006. Vol. 154. No. 3.
449. Tarzia L., Tyler M. Recognizing Connections Between Intimate Partner Sexual Violence and Pornography // *Violence Against Women.* 2021. Volume 27, Issue 14. Pp. 2687–2708.
450. Umbach R., Henry N., Beard G. Prevalence and Impacts of Image-Based Sexual Abuse Victimization: A Multinational Study // *CHI Conference on Human Factors in*

Computing Systems (CHI '25). April 26-May 1, 2025, Yokohama, Japan. ACM, New York, NY, USA, 20 pages. URL: <https://doi.org/10.1145/3706598.3713545>.

451. Vecellio Segate, R. Shifting Privacy Rights from the Individual to the Group: a Re-adaptation of Algorithms Regulation to Address the Gestaltian Configuration of Groups // The Regulatory Compliance Review of the Loyola University Chicago School of Law. Center for Compliance Studies. 2022. Spring. Issue VIII. Pp. 55–114.

452. Warren S.D., Brandeis L.D. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4. No. 5. Pp. 193–220.

Интернет-ресурсы

453. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. Кузнецов С.А. М., 2000. URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar> (дата обращения: 20.08.2025).

454. Исакова Т., Гаврилюк А. За проезд проголосовали лицом. Москвичи начали сдавать биометрию для оплаты в метро // Газета «Коммерсантъ». № 189/П от 18.10.2021. С. 1. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5038990> (дата обращения: 14.01.2024).

455. Обобщение судебной практики рассмотрения дел об административных правонарушениях по ст. 20.1 КоАП РФ Судебным участком № 1 города Медногорска // <https://med1.kodms.ru/press/obobshenie-sudebnoj-tiki-rassmotreniya-del-ob-> (дата обращения: 09 ноября 2024 г.)

456. Публикация на сайте «ВЦИОМ Новости» от 22.12.2021, «Треш-стримы» в интернете и как с ними бороться // URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/tresh-strimy-v-internete-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 25.05.2025).

457. Interim Measures for the Management of Generative Artificial Intelligence Services [неоф. перевод] // URL: <https://www.chinalawtranslate.com/en/generative-ai-interim/> (дата обращения: 15.05.2025).

458. Interim Measures of the Management of Generative Artificial Intelligence Services // Официальный интернет-портал Государственной канцелярии интернет-

информации КНР. URL: https://www.cac.gov.cn/2023-07/13/c_1690898327029107.htm (дата обращения: 15.05.2025).

459. Статья «China: Generative AI Measures Finalized» // Интернет-портал Library of Congress. URL: <https://www.loc.gov/item/global-legal-monitor/2023-07-18/china-generative-ai-measures-finalized/> (дата обращения: 15.05.2025).